

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Центр военно-политических исследований

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«ДОЛГОСРОЧНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ИНТЕРЕСАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИИ»

(Москва, сентябрь 2016 г.)

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

Под редакцией *А.И. Подберезкина*

Издательство
«МГИМО-Университет»
2016

УДК 327
ББК 66.4(0),304
М43

Конференция проводилась в рамках проекта РНФ № 14-18-02973

- Международная научная конференция «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений в интересах национальной безопасности России»** (Москва, сентябрь 2016 г.) : сб. докладов / под ред. А.И. Подберезкина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО-Университет, 2016. — 169, [3] с.

ISBN 978-5-9228-1578-9

В сборнике представлены доклады, сделанные на международной научной конференции в МГИМО в сентябре 2016 года, которая была посвящена результатам трехлетнего исследовательского проекта «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений», проводимого под руководством А.И. Подберезкина. В сборнике доминирует военно-политическая тематика в связи с тем, что основным и наиболее вероятным сценарием развития системы международных отношений, согласно результатам проведенного исследования, является силовое противостояние локальных человеческих цивилизаций, в котором западная цивилизация пытается удержать свои лидирующие позиции.

Сборник может быть полезным для всех интересующихся как теорией, так и практикой современных международных отношений.

УДК 327
ББК 66.4(0),304

ISBN 978-5-9228-1578-9

© МГИМО МИД России, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Я.В. Новиков.</i> Новые воздушно-космические вызовы и возможности их парирования	2
<i>А.И. Подберезкин.</i> Долгосрочный прогноз развития международной и военно-политической обстановки в XXI веке	11
<i>В.П. Козин.</i> Перспективы развития ядерных сил США в свете трансформации их ядерной стратегии	20
<i>М.М. Хамзатов.</i> Военно-политические аспекты долгосрочного прогнозирования международных отношений в современных условиях	26
<i>И.М. Попов.</i> Оценка военно-политической обстановки: диалектика войны и мира	32
<i>М.В. Александров.</i> Методологические проблемы анализа феномена «гибридной войны»	41
<i>А.В. Виловатых.</i> Информационно-коммуникационные технологии как форма политического насилия и фактор дестабилизации современного геополитического процесса	46
<i>В.В. Каберник.</i> Гибридная война и ее влияние на конфликты будущего.	51
<i>С.Л. Саркисян.</i> Анализ дозированного применения военной силы для достижения оптимального военно-политического эффекта на примере конфликта в Сирии	61
<i>В.И. Сотников.</i> ДАИШ — стратегический вызов человечеству и угроза национальной безопасности РФ.	69
<i>К.С. Стригунов.</i> Организационное оружие. Возможные меры противодействия	88
<i>А.Д. Цыганок.</i> Общие выводы и конкретные уроки Сирийской кампании.	98
<i>Р.В. Ищенко.</i> Взаимоотношения Москвы и Киева в условиях новой реальности	106
<i>А.А. Бартош.</i> Адаптивные стратегии информационной войны.	111
<i>А.А. Бартош.</i> Взаимодействие современных моделей обеспечения международной и национальной безопасности.	133
<i>Ю.Ю. Кофнер.</i> Геополитические угрозы для ЕАЭС в среднесрочной перспективе	142
<i>В.Н. Колотов.</i> Система дуг нестабильности в Евразии и проблемы безопасности РФ	149
<i>Н.А. Мендкович.</i> Информационная война против ЕАЭС на примере Центральной Азии и Южного Кавказа.	156
<i>Е. Buuyukliev.</i> “Isliaemic State” in South Asia	161
<i>Н.И. Шапиро.</i> Тезисы к докладу: «Динамика развития конфликта в Афганистане в условиях реформирования миссии НАТО и <u>безопасность России</u> »	171
<u>Об авторах</u>	172

НОВЫЕ ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ИХ ПАРИРОВАНИЯ

Извечное соревнование между средствами нападения и защиты сейчас наиболее активно развивается в воздушно-космической сфере. Опыт современных военных операций показывает, что именно здесь определяется их успех. В то же время, эффективно выстроенная оборона воздушного, а теперь и космического пространства, дает гарантию безопасности для стран и целых регионов.

Принципиальным моментом, стимулирующим потенциального противника к активным боевым действиям, является создание им высокоточных комплексов и средств поражения дальнего действия для нанесения мгновенного глобального удара по важнейшим объектам Российской Федерации. Целью подобных атак, как правило, являются объекты верхнего уровня управления и средства ответного удара. Так называемым «обезглавливающим» и «разоружающим» ударом противник уже в начальной стадии войны может обеспечить себе непреодолимое преимущество.

В настоящий момент наиболее массовым средством воздушно-космического нападения являются крылатые ракеты. Их эволюция показана на рисунке 1. Впервые США применили их в Ираке в 1991 году. Тогда было задействовано около четырехсот ракет. Они показали неплохую боеспособность, но одновременно обозначились и их недостатки, а также стал виден потенциал их развития. На модернизацию ушло около пяти лет, и затем последовали новые операции с массовым применением крылатых ракет в Ираке, Судане, Афганистане и Югославии. Их последствия вам хорошо известны. Модернизация позволила повысить точность наведения и боевой потенциал ракет. В Югославии было использовано уже более семисот пятидесяти ракет, огнем которых были уничтожены основные военные и стратегические объекты, включая средства ПВО. Хочу отметить, что именно в то время зарождалась концепция глобального удара: наряду с модернизацией конструкций самих ракет, США начали создавать геоинформационную систему для повышения точности и скорости нанесения удара.

На базе полученного опыта была проведена вторая модернизация и в 2003 году ракеты снова применялись на хорошо известном театре военных действий — в Ираке, теперь в еще большем количестве. Сейчас проводится уже третья модернизация, и можно ожидать еще более массированных и быстрых ударов практически в любой точке планеты. Речь идет об атаках с использованием тысяч крылатых ракет.

Рисунок 1

На рисунке 2 показаны зоны досягаемости при запуске крылатых ракет в ядерном оснащении с боевых кораблей вероятного противника. Под их прицелом оказываются практически все объекты на территории нашей страны.

Рисунок 2

Несмотря на серьезное преимущество в крылатых ракетах, которое вероятный противник имеет сегодня, он активно занимается развитием технических средств воздушно-космического нападения. На рубеже 2020–2025 годов возможно создание принципиально новых средств воздушно-космического нападения, таких как ударные космические аппараты, воздушно-космические самолеты, гиперзвуковые крылатые ракеты и самолеты, планирующие боевые части. Это приведет к превращению воздушно-космического пространства в единую сферу вооруженной борьбы.

Рисунок 3

Для России кроме роста технических возможностей потенциального противника, новые вызовы появляются в связи с возможностью объединения воздушно-космических ресурсов США и других членов НАТО, интенсивному продвижению средств воздушно-космического нападения и противоракетной обороны к нашим границам. (Рисунок 4). В результате время принятия решения на ответный удар сокращается до нескольких минут.

Еще одной важнейшей угрозой безопасности Российской Федерации, требующей принятия адекватных мер, в том числе политического характера, следует рассматривать создание и дальнейшее совершенствование эшелонированной противоракетной обороны США для защиты объектов на кон-

тинентальной части, а также развертывание в ряде европейских государств, граничащих с Российской Федерацией, специализированных систем противоракетной обороны для отражения ответных ударов стратегических ядерных сил Российской Федерации. Выход Соединенных Штатов из договора по противоракетной обороне смещает баланс стратегических ядерных сил в их пользу.

Рисунок 4

На рисунке 5 показана эшелонированная система противоракетной обороны США для перехвата различных типов баллистических ракет. Для регистрации запуска используются средства космического мониторинга и расчета траекторий ракет, а также наземные радиолокационные станции на территории США и приграничных к России государств. Для поражения создан целый ряд ракет перехватчиков, действующих на разных участках траектории полета ракеты и боевых частей.

Парирование угроз, о которых говорилось ранее — главная задача системы воздушно-космической обороны Российской Федерации (рисунок 6). Ее основа — совокупность группировок сил и средств Вооружённых Сил Российской Федерации и средств ПВО государств ОДКБ, обладающих возможностями разведывательно-информационного обеспечения, поражения и подавления средств воздушно-космического нападения вероятного противника.

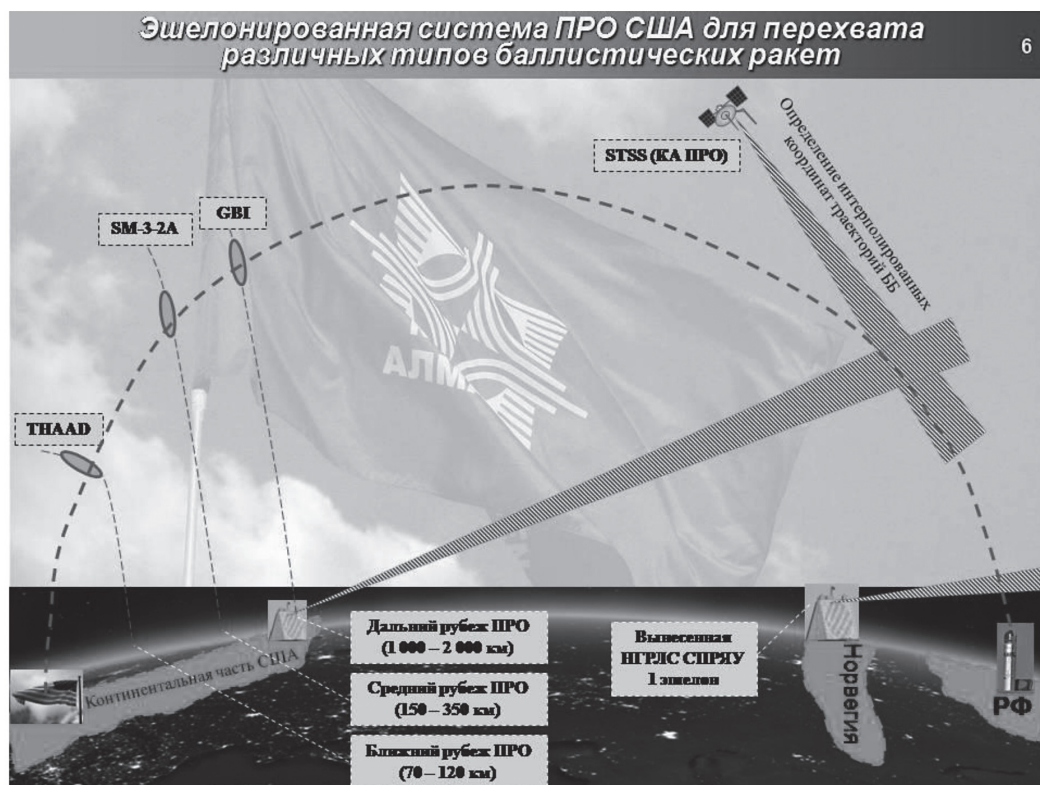

Рисунок 5

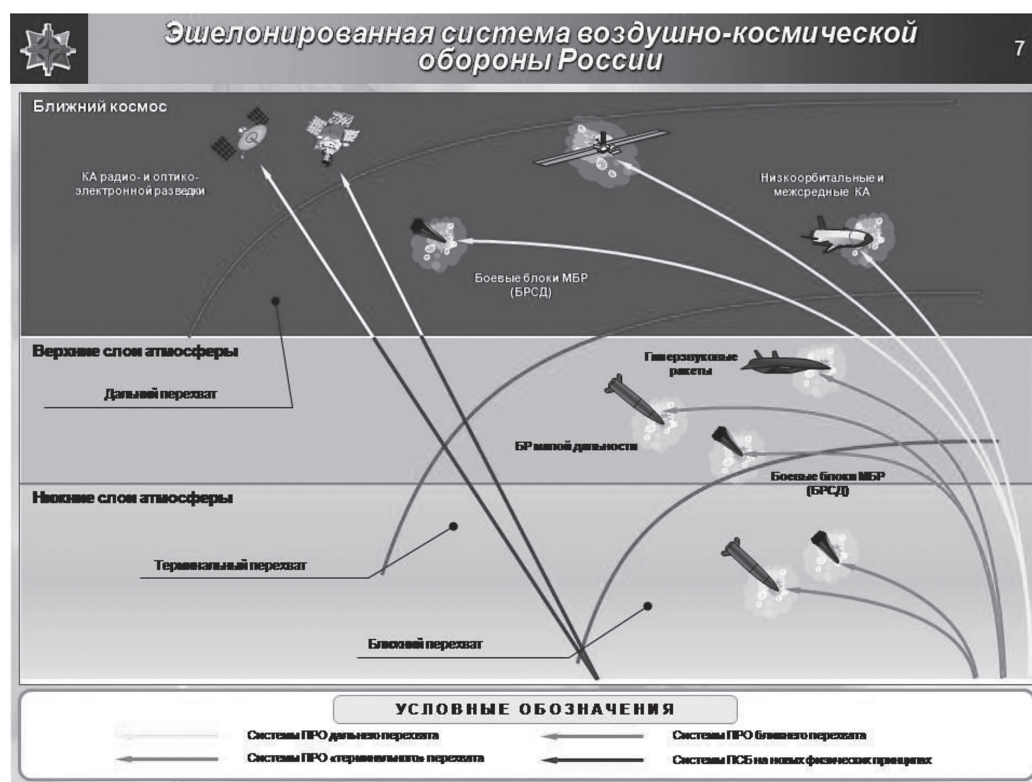

Рисунок 6

Практические работы по созданию системы ВКО РФ организованы и проводятся в рамках опытно-конструкторских работ кооперацией предприятий промышленности при головной роли АО «Концерн ВКО «Алмаз Антей». Для выполнения этих технически исключительно сложных задач Концерн в 2016 году ввел в строй новые современные конструкторские и производственные мощности в Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде и Кирове.

В рамках открытого сообщения я не могу вдаваться в замыслы, лежащие в основе создаваемой системы воздушно-космической обороны, и тем более в технические решения, используемые в ее элементах. Очевидно, что перед нами стоит задача раннего обнаружения массированных налетов крылатых ракет, межконтинентальных баллистических ракет, а также перспективных двухсредных космических аппаратов. Для этого мы совершенствуем технику ВКО, наделяя ее новыми возможностями по точности, скорости реакции и многоканальности. Создаются перспективные средства перехвата, в том числе на новых физических принципах. Параллельно реализуется масштабная Федеральная целевая программа по созданию системы разведки и контроля воздушного пространства РФ.

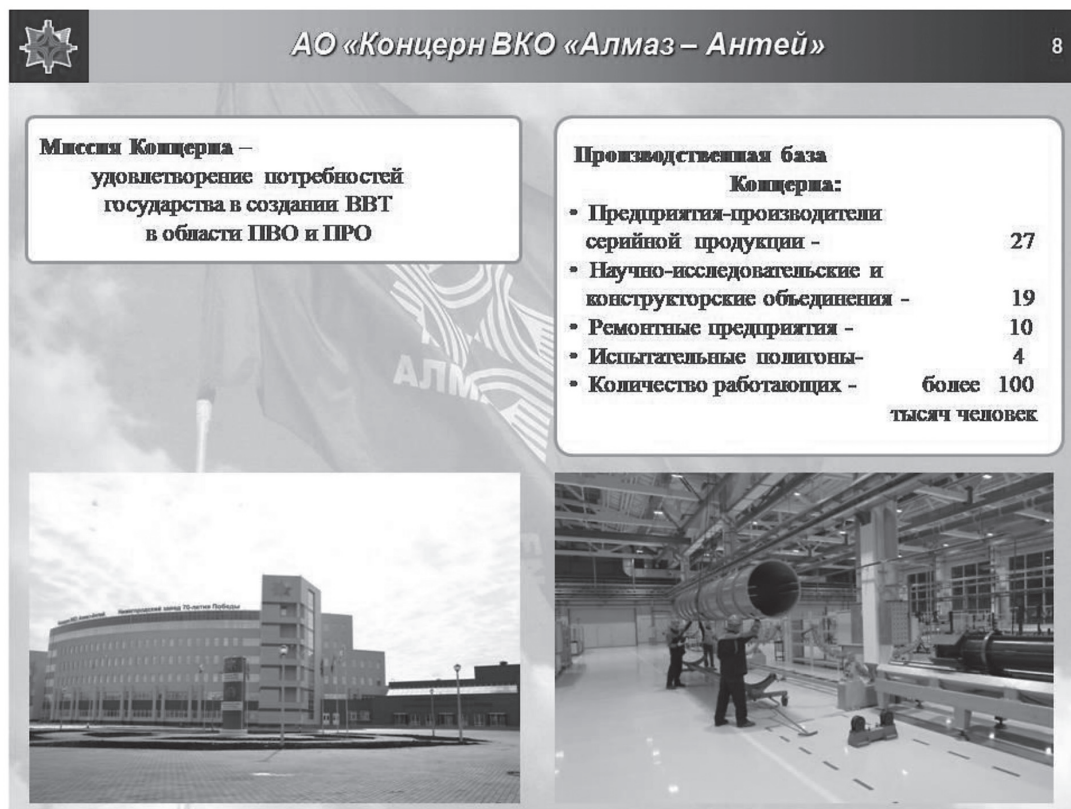

Рисунок 7

В заключение своего выступления я хочу пожелать вам больших успехов и отметить, что дело защиты страны и ее интересов зависит не только от военных, конструкторов и рабочих предприятий ВПК, но во многом от усилий дипломатических работников. Умелые профессиональные действия дипломатов не раз способствовали снижению градуса противостояния и позволяли избежать многих неоправданных трат, связанных с гонкой вооружений. Уверен, что и вы своими будущими действиями внесете достойный вклад в обеспечение безопасности и процветания нашей страны.

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В XXI ВЕКЕ

Коллеги, предлагаю Вашему вниманию базовую модель политического процесса, исходя из которой, собственно, все и строится. Обратите внимание, просто изначально мы должны понять логику друг друга. Вот это логика моя. Сразу говорю, что все, что делается в политике и в общественных науках — это субъективно, и каждый прав по-своему. Здесь у нас нет каких-то непререкаемых авторитетов. Раньше было просто — была незыблемая теория марксизма-ленинизма, можно было сослаться на Маркса, Энгельса и Ленина, и все было бы просто, хотя не всегда получалось на деле.

А здесь я просто говорю, что субъективное представление имеет очень важное значение, и вот эта субъективность, как таковая, в общественных науках и в политике, к сожалению, предоставляет для всех очень широкие рамки. Настолько широкие, что любой человек, в том числе и сумасшедший, может прийти и сказать: «Вы знаете, я считаю так». И попробуй ты ему возразить! В математике $2+2=4$, а в общественных науках и в политике он скажет «я думаю, что 5», и, к сожалению, на самом деле так в политике и бывает. Поэтому каким-то образом нивелировать этот минус можно, когда приходит человек со своим субъективным мнением, и он хотя бы много прочитал и много написал. Плюс ко всему, желательно — тогда у него появляется еще и некая интуиция, сумма знаний.

Это перечень тех работ, которые мы в центре подготовили за последние три года, чтобы доказать, что мы не просто так взяли и высосали из пальца все то, о чем я буду сейчас рассказывать. Еще раз повторяю, они все есть на сайте в электронном виде.

Сразу перехожу к конкретике. В качестве наиболее вероятного сценария развития до 2050 годов был предложен сценарий глобального военно-силового противоборства. Дело в том, что есть возможные сценарии развития международной обстановки — от дружбы всасос, как Горбачев, до войны. Между ними еще таких сценариев я насчитал, наверное, десятка три. Наиболее вероятный из возможных — это сценарий военно-силового противоборства с западной локальной цивилизацией. Я просто суживаю заранее, из всех возможных выбрал наиболее вероятный.

Так как любой военный специалист вам подтвердит, что стратегическая обстановка, военно-политическая обстановка конкретизируется своими особенностями, то здесь я говорю о том, что этот сценарий может развиваться

по трем вариантам. Сразу говорю, со мной могут не согласиться и сказать, что я пессимист, «мы считаем, что все будет хорошо, и завтра придет к власти некий супер-Обама, который всех помирит и всех заставит дружить». Вот это моя такая точка зрения. Я считаю, что она обоснована, и дальше в работах она как-то аргументирована.

Западная локальная человеческая организация — это военно-политическая коалиция, куда сейчас входит порядка 60 государств. Соединенные Штаты сделали не только коалицию в виде Евросоюза и НАТО, у которых совершенно конкретные цели. Вопрос заключается в том, почему мы на них не обращаем внимания. Когда Евросоюз летом говорит о том, что: «Мы хотим взять контроль над европейской частью постсоветского пространства», мы почему-то об этом не говорим и не замечаем. Вот это удивительно. Но кроме этих двух блоков, так их назовем — экономического и военно-политического — у Соединенных Штатов есть и двухсторонние соглашения. Все это — коалиция. Она, кстати сказать, впервые прокрутилась в Югославии, потом в Ливии, сейчас в Сирии. Там, по-моему, участвуют 62 государства. Можно иронизировать, в какой степени американцы это делают для того, чтобы закрепить коалиционную форму.

Теперь о международной обстановке. Понимаете, раньше все было просто: международная обстановка — это были отношения двух, трех, пяти, семи государств, максимум, условно. Какая международная обстановка была накануне Второй мировой войны? Рассматривалась политика Англии, Франции, Советского Союза, Германии, Японии, Италии, США и все, и, в общем, на этом останавливались. Сейчас мы исходим из того, что есть четыре блока факторов, которые в своей взаимосвязи и создают эту международную обстановку. Это — блок, собственно, субъектов международных отношений — государств (военные коалиции, союзы итд). Это — глобальные тенденции, скажем, технологии, которые влияют на развитие международной обстановки: экономические, финансовые тенденции. Это — негосударственные акторы, которые появились буквально в последние десятилетия, та же самая ИГИЛ, различные религиозные организации, которые не являются, строго говоря, субъектами, но уже фактически превратились в акторов международных отношений.

И очень важная группа факторов, которая не учитывается, но которая имеет огромное значение, это — институты человеческого капитала и вообще человеческий капитал, когнитивные средства, которые присутствуют и будут оказывать все более важную роль. Пример с Украиной очень показательный: у прежнего президента Януковича было превосходство по всем параметрам, за исключением одного — когнитивного, который оппозиция реализовала и победила. Поэтому очень важно учитывать все эти факторы,

когда мы оцениваем международную обстановку в XXI веке, а, тем более, когда мы ее прогнозируем на будущее.

Это общая логическая схема, как мы ее примерно видим: локальные человеческие цивилизации, отношения между которыми формируют возможные сценарии развития. Из возможных сценариев выделяются наиболее вероятные сценарии. Кстати, часть наиболее вероятного сценария — это военно-политическая обстановка, которая конкретизируется в особенностях стратегической обстановки. Это — некая логика, некая заданность. Некая схема задается в концепции, с которой можно соглашаться, можно нет, но, на мой взгляд, это помогает понять логику развития и делать некий прогноз.

Вот здесь, собственно, я хотел бы сказать об актуальности и о современном состоянии долгосрочного прогнозирования. Его у нас, к сожалению, нет. Просто ситуация отличается от той, что была лет 20 назад в России, когда мы отказались от планирования, от органов планирования, от концепции и от науки, вообще стратегического планирования. Я помню, на моей памяти в 90-е годы, даже в нулевые все говорили так: «Ты чего, хочешь вернуть нам Госплан? Зачем? Какое там стратегическое планирование? Нет ничего, и быть его не может. Рынок все разрегулирует». Потом пошло увлечение — вдруг появились концепции. Мы с вами писали, многие, и в 2008 году в марте появилась концепция социально-экономического развития. Как недавно сказал ее автор Клепач: «Была единственная, которая более-менее разработана». Но эта концепция так и не была выполнена, и потом ее пытались несколько раз переделать.

Хотя мы приняли закон о стратегическом планировании, хотя у нас пошли некие разработанные концепции, но, в принципе, у нас в этой области ситуация очень тяжелая. Честно сказать, я не очень понимаю, как мы сейчас будем делать наши системы и виды вооружения, создавать новые — подчеркиваю, сейчас принимать решения об их создании — которые будут служить в 2050–2060 годах. Исходя из каких аргументов? Вот мы сейчас будем создавать, предположим, условно говоря, авианосную группировку, которая будет боеспособна в 2050–2060 годах XXI века. Исходя из чего, из каких обоснований, из каких критериев? На мой взгляд, это все создает очень серьезные трудности.

Поэтому такое ощущение, что наши стратегические прогнозы в экономике — просто от цены на баррель, больше там ничего не считают в принципе. А в военно-политической области ситуация сложнее, и те прогнозы, которые есть у нас в стране — я их много читал, и они меня совершенно не удовлетворяют. На Западе эта область в последние десятилетия, к сожалению, получила очень сильное развитие, и там можно говорить даже о целых научных направлениях. Например, я видел очень грамотно прописанные прогнозы

на 50–60 лет для отдельных штатов Австралии. Или в Великобритании — очень хорошие прогнозы, и даже есть отраслевые.

У нас этого всего нет, или я не знаю. Хотя военные, как всегда, очень любят делать страшные глаза и говорить: «Уж мы-то все сделали, все написали, просто вы не знаете, потому что, не имеете допуска». Хотя, как правило, все допуск имеют, но вроде бы мы не читали этих секретных и страшно умных документов. Я буквально на днях говорил на этот счет с одним адмиралом, и он говорит: «Мы все сделали». Я говорю: «Ну, что, например?» Вот он мялся-мялся и потом выдал: «А вот морской устав». Я говорю: «Какого года?» Он говорит: «2020-го».

Существует иерархия стратегий. Это очень важно, потому что наша стратегия национальной безопасности, если вы обратите внимание, не формализует вот эту часть — нет верхней части национальной стратегии, и первый блок «безопасность» и второй блок «развитие» между собой слабо связаны. Те, кто пишут концепции социально-экономического развития, информационного, социального, там правая часть с левой практически никак не связаны, хотя все клянутся в верности стратегии национальной безопасности, и ритуально любая доктрина, от военной до информационной, начинается со слов «стратегия национальной безопасности говорит о...». А на самом деле там как будто бы совсем о другом: и люди разные писали, и говорили совсем о другом. И вообще, на наш взгляд, проблема здесь заключается в том, что все это утверждается указами президента, а не федеральными законами. При советской власти было решение съезда о пятилетнем плане, а потом было постановление Верховного совета на пять лет. И, с одной стороны, если кто-то не выполнял — значит, это было партийное взыскание, а, с другой стороны, если что-то не выполнялось — это было взыскание, кстати, иногда и уголовное, потому что это было нарушение в виде закона о пятилетнем плане. А у нас какое здесь нарушение? Да никакого нет. Принимается концепция, на следующий день о ней забывают либо ее не выполняют.

Вот как я бы это сделал — последовательность разработки стратегического прогноза. У нас на самом деле прогноз идет почему-то не сверху разработкой, а снизу, и поэтому очень многие вещи выглядят, я бы так аккуратно назвал, удивительно. Я читал основной прогноз — он был сделан в ноябре 2013 года. Подчеркиваю — в ноябре 2013 года, когда уже пошли события в Киеве. И вот там основная, ключевая фраза — вы знаете, ее надо было жирно выделить и потом отлить в граните. Это наш прогноз и наша оценка ситуации, что никогда Россия не жила в более благоприятных условиях, чем сегодня, и будет жить в ближайшие годы. Понимаете, через месяц началось с поджога центра Киева, затем — Крым и так далее и тому подобное, и все

санкции тоже здесь. Вот вам уровень нашего прогнозирования. Это конкретизация того, как я бы это видел. В принципе, здесь все понятно.

Важный момент — экспертно-аналитическая структура обеспечения. В чем здесь проблема? Как и вся наша военная организация, так и экспертно-аналитическое обеспечение строится на некоторых институтах государства. Грубо говоря, военная организация в нашем представлении — это Министерство обороны, МВД, МЧС. На самом деле у американцев, например, по-другому: у них, кроме этого, есть еще не только силовые институты. Кстати сказать, на последних маневрах мы привлекли и Министерство соцзащиты и Минфин, то есть, понимаем, что это должно быть. Но там есть два других блока военной организации, которых у нас нет — это негосударственная экономика (огромная часть, и государственная экономика — это только 20% ВВП, пускай 30%, а остальное-то не государственное), и институты гражданского общества. У американцев, предположим, это все контролируется сверху, все входит в военную организацию. У нас этого нет. Кстати сказать, еще издавна повелось — был такой спор в конце 30-х годов между Сталиным и Тимошенко, когда спорили о том, что включать, что не включать. Сталин тогда колебался, а потом, когда началась война, вы помните, был создан ГКО, который все взял под контроль.

С информационной точки зрения то же самое. Если вы помните, в стратегии национальной безопасности говорится о том, что есть специальные центры, которые отвечают за подготовку стратегии национальной безопасности. Где эти центры? Может быть, они так законспирированы? Во всяком случае, то, что я знаю, я очень сомневаюсь, что они способны что-то сделать и подготовить.

Когда я говорил о структуре международной обстановки — вот она разбита здесь как бы на блоки. Ключевой вопрос — это соотношение сил между локальными цивилизациями. Здесь просто говорится о том, что вот этот период достаточно опасный — 2025–2030 год, потому что, будет происходить резкое и качественное изменение соотношение сил между локальными человеческими цивилизациями. Если западная локальная человеческая цивилизация поставила задачу не допустить этого любой ценой, значит, она неизбежно пойдет на открытые крупномасштабные военные действия.

Это то, что нас ожидает в ближайшем будущем, совсем в ближнем. Чего хотят наши потенциальные противники? В международно-правовой сфере хотят демонтировать международную политическую систему — те ее элементы, которые их не устраивают, и которые сложились после Потсдама, Ялты, ну, и Хельсинки можно сюда включить. Почему они демонстративно игнорируют очень многие нормы международного права? Потому что они не хотят с этим считаться.

Поэтому когда мы, вдруг, начинаем апеллировать к международно-правовой системе, как к некоему Евангелию, то мы выглядим глупо, если его нарушают, но нам остается об этом говорить, но не очень-то верить, что они будут его соблюдать. В военно-политическом плане понятно — это создание собственной системы безопасности, и военно-технической, и технологической, и коалиционной. С точки зрения военно-технической — сохранение военно-технологического превосходства. Это написано во всех документах, и я, наверное, не буду об этом говорить, потому что многие моменты будут раскрыты. Скажем, про этот момент наверняка будет говорить Владимир Козин.

Вот это пример того, как относятся к нам на самом деле, и как мы считаем. У нас, в том числе и в МГИМО, до сих пор очень любят говорить о некой европейской модели безопасности. Ее предложил, вы знаете, Медведев. Ее демонстративно проигнорировали, но мы почему-то года полтора еще по инерции об этом говорили. И сейчас у нас очень любят говорить о европейской сущности, общности, дружбе и всем прочем, а в реальности вот то, что они хотят. И это — не моя оценка, а то, что они в реальности зафиксировали в официальных документах. Понятно — общий последовательный подход, вряд ли кто-то будет спорить. Навязывание идеологии международного права в том плане, как они это видят и так далее. Смысл очень простой: есть один из институтов западной локальной цивилизации по контролю на постсоветском пространстве. Вопрос-то не в этом — вопрос, почему мы об этом не говорим.

Исходя из этого, возможны вероятные сценарии развития международной обстановки в краткосрочной или среднесрочной перспективе — точнее, до 2025 года. Сценарий военно-силовой: постепенное, но постоянное усиление и нагнетание силового фактора с внедрением туда военных элементов. Поэтому, когда вдруг наступает некая пауза, и люди начинают истерично хлопать в ладоши, что Керри приехал и договорился с Лавровым — такое может быть на какое-то время, пока это может быть выгодно. Что дальше? А дальше от этого откажутся, и все пойдет своим чередом. Дальше посмотрите — модель, как это примерно выглядит. Это то, что я вам говорил — нарастание силового давления, распространение на все области отношений, от параолимпийцев до музыки, образования, культуры и чего хотите.

Все это происходит на фоне неизбежного ослабления мощи США. Это ослабление мощи — построили вот такой долгосрочный график — и падение влияния США от абсолютного к очень относительному ведет к тому, что американцы это ослабление будут пытаться компенсировать силовыми способами. Как это будет меняться с точки зрения нашей любимой темы у международников — мягкой и жесткой силы? На мой взгляд, элементы

жесткой силы будут усиливаться, просто они будут трансформироваться в другую форму — силу принуждения, когда элементы, собственно, стрельбы будут в меньшей степени отражать международные реалии. Но смысл какой? Боевая деятельность будет сокращаться, а не боевая, но силовая в этом прогнозе усиливаться.

Из этого сценария наиболее выделяются три возможных варианта — пессимистический, реалистический и оптимистический. Они все укладываются в один — военно-силовой (других вариантов я не вижу), но реализовываться в зависимости от конкретных условий и обстоятельств могут по-разному — либо в пессимистическом, либо в оптимистическом варианте на какое-то время. Но я все-таки стараюсь ближе к реалистическому, то есть стабильно ухудшающимся отношениям и военно-силовому давлению.

Здесь очень важны этапы, потому что этапы в среднесрочном плане делятся на периоды. Первый период до 2018 года — завершение формирования западной военно-политической коалиции. В принципе, мы уже находимся на этом этапе, в этом периоде — завершение формирования. Какие-то страны еще оформят свое участие более явно.

Завершение военно-технической подготовки — 2018–2021 год — это гиперзвуковые системы, высокоточное оружие. Вы знаете, и мы, и американцы гиперзвук уже испытали в разных вариантах — и высокоточные ракеты, в том числе. Здесь сидит один из ведущих специалистов в нашей стране, и он лучше скажет по теплотехнике, насколько эффективны были последние пуски гиперзвуковых ракет. У меня также есть презентация Новикова (он, к сожалению, заболел), гендиректора концерна «Алмаз-Антей». Очень толковая и короткая. Смысл очень простой — появление реального потенциала для нанесения удара по всей территории России.

Ну и наконец, 2021–2025 год — уже использование военно-силового потенциала не в виде ассиметричных войн или террористических операций, а в локальных войнах против других цивилизаций.

Все, что я сказал, суммируется в развитие вот этой ситуации, когда военно-политическая обстановка является частью и вытекает из международной, а стратегическая вытекает из военно-политической. То есть понятно, конкретизация военно-политической обстановки каждый раз может быть разная. Где-то это может дальше конкретизироваться в войнах и военных конфликтах, где-то оставаться на уровне стратегической обстановки, но все равно конкретизация военно-политической обстановки будет, потому что военно-политическая обстановка — достаточно абстрактная категория. Скажем, вот взять 1943 год — СССР, Германия, Англия, Франция, Соединенные Штаты, — все это вместе, и как это выглядит. Она достаточно стабильна в течение года, а стратегическая обстановка менялась три-четыре

раза за год точно, и каждый раз она отличалась: в начале 1943 года она была одной, в середине другой, и в конце 1943 года третьей — и на европейском театре, и на тихоокеанском театре военных действий.

Все, что я говорил — это все очень важно, но это все идет экстраполяция без появления новых парадигм, а парадигмы имеют обыкновение появляться, и вот сейчас появляется качественно новая парадигма, и в политике появился тот же самый Трамп — не так уж неожиданно — в технологиях и так далее. Поэтому самое трудное — это прогнозировать парадигмы. Их прогнозировать, наверное, невозможно, а можно как-то интуитивно предсказывать.

Это я попытался прогнозировать некие парадигмы развития международной обстановки — вот как это может, в принципе, выглядеть. Конечно, это все требует самостоятельного исследования, это тема хорошей докторской диссертации или хорошей монографии, и не моя задача в этой презентации об этом рассказать. Просто надо было сказать, что обращайтесь внимание на смену парадигм, потому что считают, что наши прогнозы можно экстраполировать до конца века, а это невозможно. Я в 1989 году участвовал в подготовке, так или иначе, военной доктрины в организации Варшавского договора, а через год Варшавского договора не стало. Вот вам и прогноз.

А вот мой прогноз отношений с другими локальными цивилизациями. Это мое субъективное видение. Оно четко выражено в том, что с западной локальной человеческой цивилизацией у нас ухудшения однозначно будут переходить в стадию вооруженного конфликта. И наоборот — как минимум, до 2040 года ни с индийской, которая резко усилится (мы почему-то об этом не говорим, а это будет через 10–15 лет крупнейшая сила, очень мощная), ни с китайской этого, конечно, не произойдет, даже в среднесрочной перспективе. Соответственно, будет изменяться и парадигма политического влияния.

Вот как может сложиться ситуация с точки зрения соотношения сил. Вы видите, российская локальная цивилизация никак не соотносится с другими. В чем здесь ключевое понимание? Мы сможем в этой ситуации выстоять и сохранить цивилизацию только при одном условии — если мы количество заменим на качество. Количественное измерение человеческого потенциала, мощи цивилизации — это когда один потенциал, плюс другой, плюс третий, плюс четвертый. Но они же все разные, и какой-нибудь талантливый инженер и его личный человеческий потенциал может быть в 10 тысяч раз более мощный, чем у какого-нибудь другого человека, который в это время пьет пиво под забором. Просто количество демографическое, измеряемое на ВВП — подушевой доход, то есть вот эти наукометрические вещи известны, но качество мы не научились измерять. Значит, у нас задача какая? Научиться делать таким образом, чтобы наш количественный потенциал превратился в

качественный, и тогда мы сможем успешно соревноваться с другими цивилизациями. А иначе быть не может, иначе нас просто размочет, нас не будет.

Надо также сказать, что сейчас появилась политика новой публичной дипломатии. Публичная дипломатия до сих пор воспринимается, как некая такая мягкая игрушка. Народная дипломатия, горбачевско-ельцинские выстраивания отношений, когда все друг друга любят. На самом деле, ничего подобного. Новая публичная дипломатия — это синтез силовых средств, причем, резких, куда включается и террор, и асимметричные действия с точки зрения привлечения, скажем так, специально подготовленных войск, сил специальных операций. Кстати сказать, почему-то мы до сих пор не обращаем внимания, что американцы за последние пять лет увеличили свои силы специальных операций с 30 до 75 тысяч.

Новая публичная дипломатия, как она расширяется? И дальше возникает вопрос: а что мы ей противопоставляем? Вот этой политике силового синтеза мы противопоставляем стратегическое сдерживание, наша официальная доктрина. Стратегическое сдерживание. Стратегическое сдерживание, во-первых, оборонительное, и здесь со мной и Игорь Михайлович Попов, и Муса Магомедович Хамзатов согласятся, они как раз тоже об этом писали. Никогда вы не выиграете никакое столкновение, если вы будете обороняться. Представьте себе боксера, он вышел на ринг, и он говорит: «А я буду только защищаться, причем, не от всех ударов, а только от ударов ногами». И представьте себе, 12 раундов он защищался, а потом его должны объявить победителем. Может быть такое? Нет, конечно. В политике то же самое. Наша оборонительная политика, оборонительная доктрина — это доктрина проигрышная. Но на этом держится вся наша стратегия, и военная доктрина тоже. Ее надо категорически менять. Какие-то средства нужно другие разрабатывать, и какая-то другая стадия военного искусства должна наступить, когда мы будем это развивать.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЯДЕРНЫХ СИЛ США В СВЕТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ИХ ЯДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ

Уважаемые коллеги, хочу сказать, что мое выступление будет далеко от теоретических изысканий. Оно будет носить сугубо прикладной характер. Некоторые данные вы услышите сегодня впервые и в конце выступления восемь практических предложений, которые всегда требуются в публичных выступлениях на серьезные темы.

Соединенные Штаты до окончания нынешнего столетия, видимо сохранят концепцию нанесения первого превентивного и упреждающего ядерного удара, руководствуясь при этом стратегией ядерного сдерживания, как они говорят. Но в моем представлении оно должно быть классифицировано, если точно, и в кратком виде, как стратегия безусловного наступательного ядерного сдерживания, в которую входят и стратегические, и тактические ядерные вооружения.

Итог деятельности президента Обамы в этой сфере заключается в следующем. Являясь поборником безъядерного мира, он сократил только на 10% американские СЯС, в то время как Буш старший — на 41%, Клинтон — на 22% и Буш младший на 50%. С другой стороны, если взять в абсолютных цифрах, Барак Обама сократил количество ядерных боезарядов в СЯС на 507 единиц, в то время как оба Буша, отец и сын, сократили их на 14 801 единицу или в двадцать девять раз больше.

С другой стороны, Барак Обама израсходовал на модернизацию ядерных вооружений и создание носителей ядерных вооружений нового поколения больше, чем другие американские президенты его предшественники, хотя в Южной Корее в 2012 году он признавал, что у американцев находится больше ядерного вооружения, чем это им требуется. Он ничего не предложил для решения проблемы оперативно неразвернутых ядерных боезарядов, хотя обещал это. Они составили на первое марта 2016 года (это официальные американские данные) 63% от суммарного количества оперативно развернутых ядерных боезарядов СНВ США. Это очень много. Это возвратный потенциал.

Из зала: А у нас какое?

Козин В.П.: Секрет. Российские данные никогда не раскрываю. Помните Сулягина? Не надо меня провоцировать, не признаюсь. Дальше. В период своего президентства, Барак Обама инициировал лишь ряд незначительных изменений в ядерной доктрине, декларативно признав, что не будет наносить

ядерных ударов по городам. Но оговорка, о которой многие исследователи у нас забывают: это применимо только в конфликтах с обычными видами вооружений. В ядерной войне и по городам тоже. Включил формулировку о неприменении ядерных средств по отношению к государствам, которые присоединятся к ДНЯО и будут скрупулезно выполнять его. Оговорка: это Соединенные Штаты будут определять, кто нарушает, а кто не нарушает ДНЯО. Ни МАГАТЭ, ни Совет Безопасности, никто иной.

Два политически значимых, но нереализованных шага Обамы по видоизменению нынешней американской ядерной стратегии. Это попытка заменить стратегию взаимного гарантированного уничтожения на взаимную гарантированную безопасность. Пытались, формулировку представили, но в ней отсутствовал главный компонент. Это отказ от применения ядерного оружия в первом ударе. Она не принята. Второе, это пока через прессу, то есть не официально, предложить нам и применить эту концепцию неприменения ядерного оружия в первом ударе, продлить еще на пять лет существующий Пражский договор СНВ-3 вместо 2021 года до 2026 и заключить следующий договор СНВ-4 на двусторонней основе по 1000–1100 ядерных боезарядов для каждой страны. К сожалению, обе эти последние инновации Белый Дом не реализовал. Три министра его администрации обороны, энергетики и министр иностранных дел Госдепартамента Керри отказались поддержать переход на концепцию ненанесения первого ядерного удара, и главнокомандующий стратегическим командованием Соединенных Штатов Америки тоже поддержал их. Появились новые элементы трансформации ядерной доктрины Соединенных Штатов, которые пока не вошли в нее. Пока действует обамовская.

Неизвестно, что будет, когда придет к власти Дональд Трамп. Скорее всего, придет он. Тем не менее, я хочу вам доложить, и эти вещи очень важны, они озвучивались мной на встрече в Кубинке, АРМИЯ-16. Я считаю нужным поделиться ими с вами. Обама отказался от стратегии минимального ядерного сдерживания, такое было, что не позволяет ему очень резко опуститься по потолкам СНВ. Обама отказался понизить степень боеготовности ракетно-ядерных сил Соединенных Штатов, к чему его очень многие призывают, и призывают нас сделать то же самое. Но Обама не отказался от стратегии расширенного ядерного сдерживания. Это часть общенациональной стратегии. Обама также не отказался от концепции запуска по предупреждению *launch on warning*. Обама позволил обсудить нынешней американской администрации возможность начала ограниченной ядерной войны.

Появились даже высказывания высокопоставленных государственных деятелей Соединенных Штатов об ограниченном применении ядерного оружия. Не говорится против кого, но ясно, потому что Российская Федерация

и Китайская Народная Республика, соответственно, стоят в списке ядерных целей на первом и на втором месте. Если кто-то спросит, кто это сказал и где, это двадцать седьмое июля, симпозиум по ядерному сдерживанию под эгидой стратегического ядерного командования Соединенных Штатов, замминистра обороны Соединенных Штатов, город Омаха, штат Небраска.

Очень существенный момент: дебатировается возможность использования ядерного оружия с малыми боезарядами. Открыто говорится и действующими, и не действующими военными. В том числе бомба B61-12, которая имеет максимальный предел мощности боезаряда 50 килотонн, имеет и самый маленький 0,3 килотонны, как раз под эти цели. Если раньше американцы проводили отдельные учения сил общего назначения, то сейчас учения с применением обычных вооружений СОМ (силы общего назначения), постепенно трансформируются в ракетно-ядерные. Появилась концепция эскалации — деэскалации, то есть эскалация угрозы применения ядерного оружия с целью деэскалации конфликта, в том числе на Украине. К проведению ядерных военно-штабных компьютерных игр впервые привлекаются гражданские высокопоставленные государственные деятели, которые принимают участие в принятии ответственных решений. Раньше такого тоже не было. Это в компьютерных играх.

Ну и наконец, с целью отвлечения внимания от таких дебатов и возможных решений, разработали три сценария гипотетического применения ядерного оружия Российской Федерацией в двух случаях против государств Балтии и одного случая против Украины. Речь идет о трансформации ядерной стратегии США, которая синхронизирует ядерное и неядерное мышление до максимального ядерного сдерживания на всех фазах конфликта. Этот слайд «модернизация» я пропускаю. Две нынешних платформы президентской избирательной компании республиканцев и демократов предусматривают модернизацию СЯС, ТЯО, ПРО и так далее, без всяких изменений, не делая при этом различий между СНВ и ТЯО.

Будет создана новая триада. Она начнется уже к 2025 году. Алексей Иванович, у вас там был 2025 год, я обратил внимание, видимо не случайно совпадение. Это будет тяжелый стратегический бомбардировщик B-21. Он уже получил наименование, но в обиходе B-3. Новая МБР — 2029 год и экспериментальная ПЛАРБ, которая полностью заменит «Огайо», это «Колумбия», но не по государству Колумбия, а по федеральному округу Колумбия, где расположена американская столица. На это хозяйство уйдут такие-то суммы. Называют даже один триллион долларов эксперты из монтеррейского института, но Эштон Картер называл уже недавно и 500 миллиардов, то есть половина из того, что говорят эксперты. Первый выход «Колумбии» 2031 год тоже не за горами.

Вся эта новая стратегическая триада — восьмидесятый год, плюс, то есть практически до конца века. Тактическое ядерное оружие. Состоялось три испытания новой авиабомбы В61–12. Больше испытаний не будет. То есть конвейер может быть запущен в любое время. Максимальное количество, которое я видел, 930 единиц. Это новая бомба. Вот такое у нее вероятное круговое отклонение от цели. Сама бомба, ее макет в аэродинамической трубе — слайд наверху. Она в принципе может быть запущена. Это оружие первого удара. В Пентагоне и Госдепе, несмотря на то, что она формально считается тактической, считается одновременно и стратегическим оружием не по килотоннажу, а потому, что ее доставляют и новые самолеты средней дальности F-35 «Альфа» наземного базирования, F-35 «Чарли» палубного базирования и новый тяжелый бомбардировщик о котором я говорил, В-3 или В-21.

Появилась и сохраняется до конца века, так называемая, «чикагская триада». «Чикагская триада» это термин РИСИ. Он неофициальный. Это конгломерат ядерных средств, сил общего значения, противоракетной обороны, начиная с чикагского саммита 2012 года. Раньше была диада. Даже лиссабонский саммит в 2010 году употреблял термин «диада» — обычные и ядерные вооружения. Два последних саммита НАТО подтвердили эту триаду. Кстати, на выставке центра есть книжка. Она так и называется «Чикагская триада» 2016 года выпуска. Можете посмотреть. Очень плохой прогноз. ВВС Соединенных Штатов Америки и остальные 14 стран членов НАТО в целом сохраняют операцию «Балтийское воздушное патрулирование» в небе трех государств Балтии. Она ведется круглосуточно и круглогодично. Четыре типа самолетов это самолеты двойного назначения со всеми вытекающими отсюда последствиями, трех ведущих ядерных государств Запада: США, Великобритания, Франция.

Все названные девять обстоятельств влекут негативные последствия для национальных оборонных интересов Российской Федерации. И с учетом всех выше изложенных обстоятельств, представляется целесообразным реализовать следующие восемь практических предложений. Конечно, не сегодня и не завтра, но в перспективе, последовательно и обстоятельно.

Предложение первое. Надлежит внимательно и скрупулезно отслеживать все изменения, даже чисто теоретические, перспективной адаптированной ядерной доктрины Соединенных Штатов и ее материального наполнения. Шире практиковать теорию увязок решения одних проблем вооружений с другими, при определении наших подходов к проблеме обеспечения контроля над вооружениями США и их ближайших союзников по НАТО. Надлежит с другой стороны последовательно укреплять СЯС, средства противоракетной обороны и ВКС Российской Федерации.

Второе. Целесообразно постоянно ставить перед ядерными государствами, входящими в НАТО, вопрос о взаимном неприменении вместе с Россией ядерного оружия в первом ядерном ударе (хотя бы с американцами, тем более разговоры уже пошли), в качестве юридически обязывающего бессрочного договора и в качестве промежуточного шага к этой цели о переходе к стратегии оборонительно-ядерного сдерживания, которое никому не угрожает, в виде политической декларации. Понятно, что эта акция не потребует никаких финансовых вливаний и никаких сокращений наших СЯС и ТЯО.

Третье. Если Вашингтон официально предложит нам продлить договор СНВ-3, отказаться от такого предложения совсем. Договор СНВ-4 не заключать с американцами никогда, пока в ближайшей перспективе. «Красная звезда» двенадцатого сентября этого года в статье «Как сделать мир безопаснее» вашего покорного слуги, эти обстоятельства, десять наших мотивов непродления, непролонгации договора СНВ-3, изложила. Можете посмотреть. Я не буду их излагать. Если когда-то мы все-таки вернемся к новым сокращениям СНВ, надо обязательно использовать реальный учет СНВ и носителей боезарядов. Нельзя считать один бомбардировщик, который может нести 16 ядерных бомб свободного падения и больше полутора десятков крылатых ракет воздушного базирования с ядерным зарядом, как одну единицу. Это позволяет американцам прятать наступательные виды СНВ и ТЯО, и вообще стратегическое планирование тоже страдает при этом.

Четвертое. Требовать полного вывода тактического ядерного оружия США с европейского континента и азиатской части Турции. Не пойдут, будут упираться рогом? Ставить вопрос, как они ставили, выкручивая руки иранцам, требуя отказаться от военной части атомной программы.

Пятое. Следует предложить заключить многосторонний договор об ограничении систем противоракетной обороны. Многосторонний. Мы двусторонний договор заключали с американцами — вышли. Многосторонний, который бы ввел ограничения, потолки на ударно-боевые средства противоракетной обороны и географию, то есть пространственные сферы их размещения. Нельзя допускать резкого скачка количества ракет-перехватчиков над остающимися носителями и боезарядами СНВ, которые призваны прорывать систему противоракетной обороны. С моей колокольни два к одному, где два — это интерцепторы, ракеты-перехватчики и единица — это СНВ, но эксперты могут предложить и другие варианты. Охотно послушаю их.

Шестой пункт. Постоянно требовать от НАТО полного прекращения операции «Балтийское воздушное патрулирование» — Эстония, Латвия, Литва.

Седьмое. Поставить вопрос перед американцами в очень жестком режиме о выводе всех видов их вооруженных сил и новых военно-штабных структур с территории европейских государств, где они были развернуты

после первого апреля 2014 года, когда НАТО приняло решение о свертывании контактов с нами по военной и гражданской линии и развертывании различных видов частей и соединений.

И последнее. Провести, не знаю даже когда, года через три — через пять лет, если все будет хорошо, может быть и быстрее, принципиально новое совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Но ни в коем случае не в Финляндии, не в Хельсинки, которая с НАТО имеет 400 различных соглашений в военно-технической и военной области, и является привилегированным партнером Североатлантического союза. Например, провести в Белграде или в Женеве. Кстати, швейцарцы ухватились за эту идею очень активно.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОЛГОСРОЧНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Уважаемые коллеги, очень приятно видеть многие знакомые лица. Я думаю, с другими также будем взаимодействовать, как у нас сложились добрые отношения с МГИМО. Спасибо, Алексей Иванович, за приглашение. В свою очередь, хотел бы отметить, что развитие международных отношений проблематично в силу многих причин. Основные здесь были изложены. Но, на мой взгляд, существуют еще некоторые, которые тоже важны. В первую очередь, речь идет о том, что психология людей меняется медленнее, чем происходят изменения вокруг нас всех.

Буквально 200 лет назад для того, чтобы оценивать или прогнозировать международную обстановку, достаточно было знать, что творится у твоих соседей. Туда посылались люди, или в составе посольств, или, как ученые, или, как просто купцы, которые отслеживали, к чему готовится эта страна. Динамика развития обстановки была очень медленная. Для того чтобы войска собрались, подошли к границе, если собрались нападать, на это нужны были месяцы, а то и годы. И государство, в принципе, всегда жило относительно спокойно, если контролировало своих соседей. Такой подход в современных условиях неприемлем, это всем понятно, по массе причин. И речь здесь идет не только о том, что увеличилась динамика перемещений больших людских масс, техники.

Здесь Алексей Иванович приводил слайд гендиректора «Алмаз-Антея» Новикова, что современные средства воздушно-космического нападения буквально через 30 минут могут обрушиться на голову любого человека на земном шаре, будь он хоть в Арктике, хоть в Антарктике — разницы никакой. И вот это состояние перехода от мира к войне, о чем здесь говорили, в современных условиях настолько быстро и сложно, что психика едет у людей.

Сделаю маленькое отступление. Чисто психологическое наблюдение. Сегодня человек может находиться в центре Москвы, а через два часа оказаться в зоне боевых действий. Точно так же, находиться в центре Вашингтона или Брюсселя, а через несколько часов быть на передовой. Психика не успевает перестроиться. И когда, наоборот, возвращаются столь же быстро в зону мирных действий, мирной жизни, то также, психика не успевает среагировать и человек допускает всякие отклонения. Вот эта особенность отставания психики от развития разных сторон жизни человечества, она сказыва-

ется сейчас очень сильно, в том числе и на возможности прогнозирования международной обстановки.

Раньше было четко видно, кто из соседей друг, кто враг, с кем дружить, кого, с кем поссорить, кого привлечь, кого купить, хотя были и свои сложности. Но современный мир, в котором не поймешь, кто сейчас друг, кто враг, вот, он одного цвета, через минуту другого цвета. И самое страшное, очень сложно понять, кто крутит сторонами этого кубика Рубика. И еще третий немаловажный аспект. Представьте, здесь, на этом кубике каждый цвет отражает друзей, недругов, нейтральных, временных друзей, временных союзников, временных врагов и так далее, что кто-то изнутри этого кубика еще может поменять цвет. То есть внезапно для любого наблюдателя бывший союзник вдруг становится врагом.

К сожалению, для России показателен пример с Украиной. Братский народ в очень короткое время, вдруг, внезапно для подавляющего большинства населения, не для отдельных экспертов, изменился. И я, как отдельный эксперт, как бывший летчик-истребитель, много, чего расскажу про истребительную авиацию. Но в целом понимание у людей будет немножко другое. Я говорю, что с точки зрения развития международных отношений России и Украины вряд ли кто 10–20 лет назад мог бы сказать, что вот такая ситуация сложится. Я не говорю, когда за месяц до майдана, когда уже масса признаков идет, мы начинаем говорить, что скоро будет майдан или что-то такое. Я говорю о долгосрочном прогнозировании, чему посвящена наша конференция. В современных условиях сказать на 10–20 лет вперед, что конкретно будет, сложно, и я сейчас обосную этот тезис.

Все вузы учат, что в международных отношениях есть определенные закономерности, определенные правила, которыми стоит руководствоваться. И, как с кубиком Рубика, можно дать людям правила перемещения граней и сказать: «Хочешь получить вот такой цвет на этой стороне, пожалуйста, сделай вот такие движения. Хочешь, чтобы у тебя другая мозаика сложилась, применяй другие правила». Правила есть, но, как ни странно, во всем мире они не срабатывают, потому что есть фундаментальные причины.

Одна из причин, к сожалению, хотелось бы сказать, смешная, но горькая — мы в терминах не определились до сих пор. Читаю некоторые документы, очень сложно понять, что такое национальная безопасность. Состояние защищенности человека, личности, общества, государства. Хорошо, я согласен. Но когда гибнет личность, чтобы защитить государство, это как, нарушается национальная безопасность? Не перебор ли, к национальной безопасности примешивать степень защищенности личности? У нас каждый день во всем мире солдаты, патриоты своей родины защищают свою

страну и гибнут, чтобы государство, нация существовало. Значит, не совсем подходит это определение.

Другое, а что такое военно-политическая обстановка? Мы все любим оперировать, и я сам сейчас буду применять этот термин. Написаны диссертации. А что такое, начинаешь разбираться, сложно, неоднозначно. Но это я так, к слову. Просто терминологическая путаница, неоднозначность не позволяет, наряду с прочим, четко формулировать, чего же мы хотим или, к чему идем. Так вот, в настоящее время, когда все знают, какие законы взаимоотношений на арене существуют, к сожалению, получается, не все срабатывает. Причины здесь разные. То есть сложить тот узор из кубика Рубика, который хотелось бы, не всегда получается.

Вот самый простой пример по прогнозу. В 2012 году РБК опубликовал очаги возможных войн ближайшего будущего. Из них сработали только два, из семи, где-то 30% достоверность, получается. Не такая большая. Опрашивали, я так понимаю, очень известных специалистов, экспертов. Почему не срабатывает? Причин тоже много. Прогноз, я имею в виду. Причин много. Самая простая: война — удовольствие дорогое. Многие страны, к счастью, руководствуются здравым смыслом, что войну начать-то можно, и, даже, может быть, выиграть можно. А вдруг пойдет все не так. Тогда хватит ли возможностей этого государства вести эту войну? Хватит ли ресурсов, изменить международную обстановку в выгодном для себя свете? Мы все помним, как американцы увязли в Афганистане, как увязли в Ираке, что сейчас творится в Ливии, в Сирии. Разрушить что-то — не проблема. Проблема — это четко спрогнозировать и понять, а хватит ли сил и средств для достижения своей цели?

Чтобы не затягивать свое выступление, я кратко накидал основные факторы, которые определяют сложность прогнозирования международных отношений в наше время. Один из таких факторов — это формирование новой военно-политической ситуации в мире. Кажется, что здесь нового? Постоянно формируется, видоизменяется военно-политическая ситуация, складываются союзы, кто-то выступает против кого-то, потом снова дружит. Но именно в наше время, в последние десятилетия динамика увеличилась, динамика изменения военно-политической обстановки. Вы знаете, что Евро-союз в последние годы целенаправленно идет к тому, чтобы создавать свои вооруженные силы? Не силы НАТО, а конкретно свои вооруженные силы.

Буквально на днях прошла вот такая информация, на мой взгляд, интересная, это «Вашингтон-пост» опубликовал 14 сентября, что спецслужбы перенацеливаются от борьбы с терроризмом на противодействие России. Причем, по всем направлениям. Вот то, о чем мы сегодня говорили, и Алексей Иванович говорил, и Игорь Михайлович. Все становится очень сложным.

Сценарии уже могут быть различные. Но те государства, которые считают себя гегемонами, делают все, чтобы аналитика у них была на высшем уровне. Для этого собирают информацию, чтобы обработать и сделать правильные выводы. Применительно к России, получается, что кто-то хочет знать более подробно, чем мы дышим, к чему идем, и как нами управлять.

Второй тезис из тех основных факторов, что я привел, заключается в том, что на сложность стратегического прогнозирования развития международной обстановки влияет проблема становления нового экономического порядка. Вы помните, буквально 20 лет назад все были счастливы, что создается ВТО. Все считали, что это будет манна небесная, которая облегчит жизнь большинства населения на земле. В частности, и Россию прельщали тем, что сразу станет жить легче и веселее. Но что мы имеем 20 лет спустя? ВТО существует, жизнь некоторых корпораций стала лучше, в некоторых странах стала хуже, европейские страны многие пострадали после вступления в ВТО. И наряду с этим создаются новые союзы — Транстихоокеанский и тому подобное. На что направлены эти новые союзы? На то, чтобы преференции получали опять либо какие-то страны, либо корпорации крупнейшие.

В этих условиях, можно ли прогнозировать развитие международных отношений, не учитывая интересы вот этих глобальных корпораций? А можем ли мы сегодня сказать, какая корпорация через 20 лет станет глобальной и мощной? Кто из нас мог бы сказать 20 лет назад, что Apple станет, скажем так, мировой корпорацией с капитализацией, сравнимой с крупнейшими нефтяными компаниями? Я думаю, вряд ли бы нашелся кто такой смелый. Если у кого-то есть напечатанный такой прогноз, буду рад узнать и извиниться, что я заблуждался. То есть игроки, акторы, которые влияют на развитие мировой политики, на международные отношения в мире, становятся настолько разнообразными, что просчитать сложно, особенно на 20 лет вперед.

Вот простой пример по развитию экономики. Это Глазьев в свое время дал такие данные сравнения экономик. Сложно прогнозировать о том, что мы станем ведущей страной, если мы начинаем отставать в технологических укладах развития нашей промышленности, нашего хозяйства, а особенно последние годы зависимость лидерства страны и ее возможности влияния на международные отношения возрастает. То есть влияние экономики страны на ее возможности повлиять на международную арену очень сильно возрастает. Соответственно та страна, которая это понимает, может развиваться. Но опять же, кто из нас скажет, какая страна, даже та же Америка, через 20 лет будет развитой страной? Мы все видели, как Европа и Америка начали переносить в Азиатско-Тихоокеанский регион 20 лет назад свое производство, потому что было дешево и некоторые страны в том регионе стали мощно развиваться. Никто бы не мог предполагать, что Индонезия, Малай-

зия будут развиваться по отдельным секторам, но, тем не менее, в частности, по радиоэлектронике.

Сейчас сложно сказать, куда пойдет экономика, что нас ждет завтра, точнее через 20 лет. Я не рассуждаю категориями месяца, года. Наша конференция посвящена долгосрочному прогнозированию. И вот в чем проблема этих всех бед. Проблема в том, что система управления во всех государствах в мире отстает от технологических укладов, которые складываются в этом государстве. Во многих государствах существующая система управления соответствует третьему, в лучшем случае четвертому технологическому укладу, то есть началу – середине XIX века. Даже та же система образования, институты, вузы, еще какие-то официальные организации, соответствуют потребностям экономики середины прошлого века в лучшем случае.

Это противоречие приводит к тому, что мы все мучительно ищем новые пути, что должно быть. Где-то уходят от всеобщего образования, где-то наоборот стараются дать всему населению всеобщее высшее образование, где-то ищут новые формы взаимодействия органов власти и науки, в частности, через экспертное сообщество. Здесь говорилось, что в США большое внимание уделяется аналитике независимых экспертов. Это все поиски того, как должно сложиться отношение между наукой и госструктурой, какова вообще должна быть организация государств и о каких государствах мы можем говорить в условиях глобализации. Мы все говорим «глобализация». Я думаю, никто из присутствующих не будет возражать, что глобализация — это есть реальный феномен нашего времени, но в то же время мы все хотим, чтобы наше государство сохранилось. Наше государство — я имею в виду граждан любой страны этого мира. Никто не согласится, чтобы его государство пропало, но в то же время все признают, что глобализация идет.

Теперь применительно к прогнозу развития военно-политической обстановки. Здесь Алексей Иванович упоминал роль мягкой силы. Она, конечно, выросла в наше время. Самое главное, что, чем более экономически развито государство, тем легче его разрушить. Если кто-то сбросит пятисоткилограммовую бомбу на кишлак в экономически отсталой стране, он повредит максимум десяток одноэтажных глинобитных домов. Ущерб будет восстановлен (не касаемся человеческих жизней, будем считать, что потерь не было) в течение месяца. Но если эти же 500 килограмм применяют против огромного небоскреба, то потери для этого государства, экономические в том числе, могут выражаться уже миллиардами долларов, и последствия будут ощущаться очень долго.

Современная война планируется на территории всей страны, изначально на всей территории, причем против населения, не против вооруженных сил. Это особенность. Мы здесь выступали, по-моему, года два-три назад и

уже говорили на эту тему. Сейчас основная цель войны поразить население. Уничтожьте конструкторов, тех узких специалистов, которые выпускают космические корабли, и народу для восполнения этой потери, государству для восполнения этой потери понадобится 20–30 лет. А кто ему даст существовать эти 20–30 лет?

Новую технологию войны мы называли «Облачный противник». Противник как бы есть, это то, что в Сирии начиналось и в Ливии, но официального его нет. Непонятно кого бомбить, какие склады, где что у него есть официально, чтобы можно было четко сказать: «Рейхстаг. Флаг подняли, победили, захватили — все, война закончена». Сирийская армия может сколько угодно перемалывать боевиков, террористов, но они постоянно восполняются. Пока границы не будут перекрыты мировым сообществом, война будет бесконечна и исход ее понятен при несопоставимости ресурсов самой Сирии и всех тех стран, откуда боевики прибывают.

Интересный феномен — это приватизация войны. Все большую роль играет ЧВК. Очень трудно спрогнозировать или учесть при прогнозе развития международных отношений, где это ЧВК возникнет, как оно себя проявит, и с какой целью будет действовать. Против кого оно будет действовать, сложно сказать. Когда люди готовы воевать за деньги под любым знаменем, прогнозировать их действия сложно, даже сложно сказать, появятся они или нет.

Немаловажный фактор — хаотизация войны. Вот современная тактика действий боевиков. Можно сказать, это практически становится распространенным явлением. Здесь прошу обратить внимание. Это технология современной войны. Не нужны ракеты, слишком дорого. Дешевле по этому сценарию, поэтому этот сценарий находит все большее и большее распространение в мире. Мы в свое время с Игорем Михайловичем Поповым скромно говорили: «Армия не готова». Вообще, если честно, к такому развитию оказывается не готово государство. Вряд ли сегодня какое государство готово к такому сценарию. Ни европейские страны, ни США, я думаю, не готовы, потому что даже действия отдельных террористов, как мы с вами видели в этом году в Европе, вызывали шок и трепет. Просто никто не готов и скорее всего никто не знает, как противодействовать новой технологии войны, а это новая технология.

В заключение очень кратко — то, что здесь отмечали выступавшие передо мной, что по большому счету надо менять подходы, систему долгосрочного прогнозирования и надо, скорее всего, говорить не просто о прогнозировании, а о формировании будущего. Только та страна, которая целенаправленно будет формировать будущее на 20–30 лет вперед, его получит. Если же формировать только прогнозы на 20–30 лет, то как я постарался донести в своем докладе, задача становится очень трудной, а эффективность или точность такого прогноза маловероятной.

ОЦЕНКА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ: ДИАЛЕКТИКА ВОЙНЫ И МИРА

Уважаемые коллеги, мы с моим коллегой Мусой Магомедовичем Хамзатовым с удовольствием приняли приглашение Алексея Ивановича Подберезкина поучаствовать в этой конференции, потому что это интересное событие. Вообще, все события, которые происходят в МГИМО, и правильно, наверное, здесь Алексей Иванович подчеркнул, они так или иначе потом где-то выстреливают. Это как бы преамбула к выступлению, от тех сложных геополитических, геостратегических выкладок, которые Алексей Иванович представил. Нам бы хотелось, может быть расставить некоторые, не то, что точки, а некоторые штришки, моментики, которые он пробежал, затронув, но, тем не менее, на них не остановился.

Мы прекрасно понимаем, что государственное стратегическое планирование, которое осуществляется органами государственной власти и управления, и в сфере национальной безопасности, в частности, и конкретно в военной безопасности, оно осуществляется на очень серьезном уровне. Эту работу невозможно делать без анализа военно-политической обстановки. С этим, в принципе, все согласятся. Но анализ военно-политической обстановки должны делать профессионалы. Это могут быть и государственные структуры, начиная с разведки и, заканчивая другими ведомствами, и здесь обязательно должно участвовать независимое экспертное сообщество. Это тоже вроде, как понятно.

То, что на Западе называется «фабрики мысли», мы к этому пока еще только подходим. Условия для создания или разработки анализа военно-политической обстановки всегда очень сложные. Мы это тоже все прекрасно понимаем, мы Америку не открываем. Масса неизвестных факторов, аспектов, которые очень трудно зафиксировать, дать им оценку. Это есть. Мы с Алексеем Ивановичем, не сговариваясь, подчеркиваем эту идею: субъективизм. Хотим мы этого или не хотим, каждый имеет свое виденье того, что происходит. И в этом большая трагедия, что нет объективности как таковой, невозможно создать какую-то модель военно-политической обстановки, которая была бы абсолютно, на 100% правильная, потому что понятие правильности у каждого свое, к сожалению.

И естественно, для того, чтобы эту военно-политическую обстановку анализировать, нужен определенный инструментарий в руках тех, кто этим занимается. Это уже больше как раз кивок в сторону науки, в сторону тех,

кто должен дать этот инструментарий, позволить создавать эти модели, прогнозирование, *farsight* и так далее. Но вы согласитесь со мной, об этом я тоже буду говорить, что, честно говоря, анализ военно-политической обстановки государству или государственным органам, органам, которые занимаются стратегическим планированием в сфере национальной безопасности и прочее, абсолютно не нужен.

Если они будут читать там наверху один талмуд, второй, третий, пятый, десятый, от одной организации, от второй, от третьей и так далее, ничего никогда не получится. Поэтому, в принципе, нужен не анализ военно-политической обстановки для тех лиц, которые принимают решения, а, к сожалению, только оценка военно-политической обстановки, которая, конечно же, строится из анализа. И в этом ее диалектическая связь, что пока мы не разберемся, не докопаемся до сути, и потом эту суть всю отфильтруем, создастся одна, полторы, максимум две странички, вот до этого мы должны сказать, что мы пока еще ничего не сделали.

Нужно сформулировать или найти угрозы, опасности, которые существуют в военной сфере или в сфере национальной безопасности, если чуть пошире. Естественно, мы должны понимать, что военно-политическая обстановка проводится в интересах конкретного субъекта. Об этом мы тоже будем говорить. Честно говоря, военно-политическая обстановка в одной из африканских стран, скажем так, не в нашем районе, как это принято говорить, очень далеко, от России, в общем-то, не имеет никакого значения. Хотя там, может быть, что-то было бы и важно. То есть она должна быть конкретная, военно-политическая обстановка по отношению к кому-то, к субъекту политики. И, естественно, оценка анализа военно-политической обстановки должна носить, безусловно, конкретно-исторический характер, это можно называть как угодно, пространственно-временную характеристику и глубину. Долгосрочные, среднесрочные, ближнесрочные прогнозы. Хотя я полностью согласен с позицией Алексея Ивановича, что сделать это нереально. Но, тем не менее, что-то делать надо.

В результате, что мы имеем? Мы имеем некие состояния военно-политической обстановки — это мир и война или война и мир, кому, как удобнее. И есть какие-то этапы в рамках этих двух состояний, которые у нас тут названы. Военно-политическая стабильность, напряженность, кризис и, соответственно, конфликт. Вот в этом диапазоне, в принципе, наша страна, Российская Федерация, или еще какая-то страна, движется. Как это происходит, мы немножечко сейчас посмотрим, как нам представляется, для того, чтобы наглядно представить, как эти процессы происходят. И что тогда мы должны сделать из оценки военно-политической обстановки? Мы должны,

в принципе, понять, выявить степень напряженности военно-политической обстановки для нашего государства.

Прописные истины о том, что жизнь меняется, нынешняя эпоха — глобализированная, информатизированная, информационная — там масса терминов, смысл которых заключается в том, что события происходят очень быстро, мы не успеваем за ними. Мы выходим из дома, а уже произошли такие события, которые в корне меняют всю, может быть, даже стратегическую ситуацию в мире, военно-политическую ситуацию в мире. Это нормальный процесс. Если в XVI, XVII, XVIII да и в XIX веках все двигалось размеренно и медленно, если было копье, так оно было и в древнегреческих или древнеримских легионах, предположим, и дошло чуть ли не до Первой Мировой Войны — пика. Да, усовершенствования какие-то были, но чего-то особого и не было.

Революция в военном деле, уже с XIX, с начала XX века идет очень быстро. Вывод каков? То, что работало в прошлом, может быть, из оценок, из анализа военно-политической обстановки, сегодня уже работает плохо, а завтра, может быть, уже вообще работать не будет. Примеры того, как это работает, наверное, не совсем удачно, чисто классический вариант — это провал американского ЦРУ, когда они получили вот такую интересную ситуацию. 1991 год, развал великой страны, главного военно-политического, идеологического противника Соединенных Штатов. Произошло все буквально за считанные дни. Специалисты американские говорили, что все так и будет. Были доклады, потом они это рассекретили, есть в Интернете интересные материалы на эту тему. Предупреждали, что зреет вот то-то. Но когда произошли эти события, для тех же американцев, я имею в виду, для политического руководства, многие вещи были неожиданными.

Только что буквально Алексей Иванович говорил по поводу ситуации накануне событий на Украине. Классический пример. Когда только начались все эти события, многие писали, эксперты говорили, я точно знаю, что Александр Александрович Бартош говорил на эту тему, я писал материалы в «Независимом военном обозрении», мы говорили, что это может произойти. То есть даже те, кто вот здесь сидит, говорили. Но в руководстве как бы считали, что ничего не произойдет на Украине. А произошло то, что произошло, и мы теперь получаем ту ситуацию, которая там есть.

Оценка военно-политической обстановки, и мы это должны понимать, мы об этом, в общем-то, говорили, не может быть многословной, она не может содержать какие-то многотомные исследования, и она должна быть удобоваримая для того, кто ее получает. Но мы с этим сталкивались постоянно с Мусой Магомедовичем Хамзатовым. И не далее, как вчера, просто там был как бы визит в администрацию президента. И самая главная проблема, как

сидят там ребята, рассказывают, информации много, мы не можем эту информацию донести до главного лица, лица, принимающего решения.

И это понятно. Если у нас все вопросы в стране решаются через одно лицо, то представляете, какой объем информации через него проходит? Он должен и внутреннюю информацию знать, и внешнеполитическую знать, и военную сферу знать и понимать, и так далее, и тому подобное. И когда приходят и говорят: «Надо сделать то-то и то-то», что в такой ситуации может сделать первое лицо? Может только посмотреть в глаза министру или представителю какого-то ведомства и сказать: «Вы все просчитали, там все правильно? Согласны?». Тот говорит: «Да, все нормально». «Ну, давайте». Вот это «Ну, давайте», оно, конечно, опасно во всех отношениях, но как из этой ситуации выходить, в общем-то, наверное, никто не знает. Эта проблема типична не только для нашей страны, но и для Соединенных Штатов, для любой нормальной страны, которая занимается серьезными проблемами. Уж слишком много факторов, слишком много каких-то моментов и аспектов, которые надо учитывать. Если не учесть маленькую детальку, потом эта деталька всплывает и оказывается крахом или во внешней политике, или во внутренней политике, и так далее.

К сожалению, здесь есть другой выход из всего этого, который тоже всем нам знаком: лучше ничего не делать. Тот, кто не делает, ошибок и не совершает. Его могут наказать только за то, что не приняты меры. А за что наказать? «А, вот, не знали», наука не подсказала, эксперты не вычислили и так далее. Поэтому сложная ситуация, но из нее как-то надо выходить, так или иначе. И если мы говорим об оценке военно-политической обстановки, то, конечно же, ЛПР, т.е. лицо принимающее решения, ждет конкретных шагов, возможных сценариев. И при каждом этом варианте должны быть четко высвечены плюсы и минусы, что будет, если мы идем по этому пути, получаем вот эти плюсы и эти минусы, что будет по этому пути, что по этому? Если этого нет, то чего мы можем ждать от тех, кто принимает решения?

При оценке военно-политической обстановки, конечно, прежде всего, нужно определиться, мы это показали на первом слайде, со степенью напряженности той самой военно-политической обстановки. Это, кстати, очень условная вещь. Мы все прекрасно понимаем, что не всегда процессы зреют шаг за шагом. Это не урожай на грядке, это не дыня, как принято говорить, которая созревает. Иногда возникают какие-то процессы, революционные, очень мощные, внутренние, которые выплескиваются во что-то, и с каждым годом, с каждым десятилетием, с новой эпохой эти процессы становятся все быстрее и все громаднее качественно. Но, тем не менее, напряженность военно-политической обстановки — это один из разведпризнаков, который говорит, что надо к чему-то готовиться.

Если в этом ключе посмотреть, мы тогда можем высветить тот путь, по которому развивается военно-политическая обстановка, и его, может быть, экстраполировать на перспективу. В ретроспективе это проще всего, мы видим, что развивается военно-политическая обстановка для какой-то страны Х. Если мы слева возьмем шкалу времени, то может быть месяц, год, десятилетие — это уже детали. И если посмотрим, как эта обстановка развивалась в каждую единицу времени, то увидим, например, что вот от этого рубежа до этого рубежа, условно говоря, за год, обстановка развивалась от военно-политической напряженности и до военно-политического кризиса достаточно быстро. То есть за год отношения резко испортились, и мы сразу перешли в состояние кризиса.

Но следующий, например, год — это будет обстановка в состоянии кризиса, и никаких изменений практически не произошло. То есть определенная стабильность, но не военно-политическая, а стабильность замороженной ситуации. И после этого, как видите, опять начались дипломатические проколы, обострения обстановки, которые привели, в конечном счете, к военному конфликту. Можно таким образом подойти. Это более-менее наглядно, не надо описывать многие процессы, человеку, даже не специалисту. Но это должны делать специалисты. А лицо, принимающее решения, должно увидеть и понять. Есть какая-то тенденция, она высвечивается. Может быть, эта тенденция срабатывает, но не всегда. Мы, как эксперты, тоже это понимаем

Естественно, мы об этом тоже немножко говорили, затрагивали эту идею, нас должна волновать военно-политическая обстановка через призму интересов России. Мы не можем и не должны тратить ресурсы времени, сил, интеллектуальный потенциал на то, чтобы досконально изучать военно-политическую ситуацию во всех уголках земного шара, после чего консервировать это и оставлять. Нет, это нужно делать, но это нужно делать для науки, это нужно делать, может быть, для развития экономики, для развития политических процессов это все правильно. Но если мы с вами остановились только на национальной безопасности, военной безопасности, то практически, наверное, большинство событий, которые происходят в мире, далеко от наших границ, ну, я выбрасываю великие державы, для нас они несущественны.

И оценка военно-политической обстановки вряд ли будет затрагивать для нашей страны оценку ситуации в той же самой Гвинее, предположим. Слишком далеко и слишком не перекрещиваются наши интересы. А вот Сирия, скорее всего, да. То, что происходит в Соединенных Штатах, безусловно, да, хотя они далеко от нас, через океаны, но, тем не менее. Мы все понимаем, почему. Алексей Иванович упоминал Дональда Трампа. Еще можно упомянуть и Хиллари Клинтон. Вроде бы, не наше дело состояние здоровья

вот этих кандидатов на пост президента Соединенных Штатов, но они у нас оказываются чуть ли не животрепещущими вопросами в оценке военно-политической обстановки. Но если человек болен, и у него есть какие-то проблемы со здоровьем, где гарантия, что он не нажмет какую-нибудь не ту кнопку, которую надо нажать? Пусть я очень далеко заскакиваю, но идею мы все понимаем. То есть вещи даже личного плана в таком смысле для оценки военно-политической обстановки оказываются очень существенными. И вот этот диапазон субъективности, объективности очень широк.

И еще маленький момент. Мы говорили про субъективность. Здесь я абсолютно согласен, и Алексей Иванович эту мысль подчеркивал. Да, конечно, все эксперты субъективны. Но самое большое достоинство, что только эксперты понимают, что происходит. Потому что знать великие люди наши, великие руководители могут. И очень часто большие начальники говорят: «Так, здесь ничего интересного и нового, я все знаю». Но то, чего им не хватает, это понимания. А понимание могут дать только эксперты. Если есть страноведы, которые занимаются теми же Соединенными Штатами, которые были там в командировках, изнутри знают эту страну, менталитет, какие-то национальные особенности и характеры, и так далее, их мнение, их оценка будет самой существенной. Потому что все, что подготовят органы, не занимающиеся так глубоко этой тематикой, это будет то, что, образно говоря, взято из Интернета. А понимание этих процессов могут дать только эксперты.

Поэтому любые встречи, контакты, и здесь мы всегда поддерживаем наших коллег из МГИМО, они всегда должны приветствоваться. Потому что есть возможность пообщаться, поговорить и понять какие-то вещи, почувствовать, о чем идет речь. Два состояния военно-политической обстановки, как мы говорили, мир и война. Мне бы хотелось в заключении некоторые моменты тоже подчеркнуть. Вроде, как все очень просто. Сегодня упомянутый Владимир Ильич Ленин, старшее поколение помнит вот эту его классическую цитату, что война есть продолжение средствами насилия той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Ну, это на основе учения Карла Фон Клаузевица «Война — есть продолжение политики насильственными средствами». А вторая часть этой цитаты, она очень редко у нас упоминалась даже в советскую эпоху. Она интересна, на мой взгляд: «Мир есть продолжение той же политики, с записью тех изменений в отношениях между силами противников, которые созданы военными действиями».

И получается тогда, интересная логика была у Владимира Ильича, что все-таки существенным или главным является состояние войны. Война что-то изменяет, и только после этого мир, причем, на условиях выигравшего, на

условиях победившего. А потом, из-за того, что кого-то не устраивают те самые условия победившей державы, опять все скатывается к тому, что начинается война, и каждая из держав начинает уже свои условия диктовать. Вот эта мысль очень интересна, хотя мы как-то на нее не обращаем внимания. Эта мысль, на мой взгляд, существенна, прежде всего, для наших политиков, которые должны понимать, что вообще границы между войной и миром как таковой нет.

Если вспомнить того же Клаузевица, он в своей работе дал порядка 20, если не больше, может быть, даже 30 определений, что такое война. И то, что общепринято, что война есть продолжение политики насильственными средствами, это одно только из определений, причем, не самое существенное. А самое существенное, которое он дал, что война есть, перефразируя его слова, как бы упрощая, навязывание своей воли противнику. Если мы посмотрим через вот эту категорию навязывания своей воли, то тогда идет сейчас против нас война? Интересно, а что, санкции — это не попытка навязать нам их волю? А олимпиада, спорт? Разве это не война в этом смысле, по Клаузевицу? Это тоже надо понимать, по крайней мере, экспертам. Одно дело — общее представление, как бы для широкого круга читателей, граждан нашей страны. Никто же не будет говорить, что сейчас война со всеми вытекающими особенностями. Но эксперты-то должны это понимать.

Следующий момент. Если посмотреть вот эту динамику, как изменяется война и мир, то, наверное, все согласятся, что, в общем-то, достаточно просто мир переходит в войну, как правило, через кризис. Это редко бывает без состояния кризиса. Кризис может быть долгим или недолгим. Сейчас, может быть, некоторые эксперты отнесут состояние военно-политической обстановки для России, как кризисное, потому что ситуация, честно говоря, не очень спокойная, вполне может что-то скатиться до состояния конфликта. Конечно, не такого, как в годы Второй Мировой Войны, но, тем не менее. С другой стороны, если мы вот эти отношения или эту ситуацию с состоянием конфликта не решим, то тогда получается состояние замороженного конфликта, что может быть еще хуже. Дипломаты, эксперты все знают о наших проблемах в отношениях с Японией. Куда мы можем деться, если нет мирного договора, причем, уже не одно десятилетие. Вроде, как все нормально, и торговля, и культурные связи есть — все нормально. Но мирного договора-то нет.

Эти вопросы очень сложные. Решать их каким-то образом надо. И сама ситуация уже выглядит тогда не такой легкой, даже при оценке военно-политической обстановки. Теперь уже не просто состояние войны и мира через кризис, а уже получаются и промежуточные какие-то стадии. Может быть, мир стабильный, может быть, нестабильный. Между кризисом и кон-

фликтом будут попытки кризисного урегулирования, то, что сейчас наш министр иностранных дел уже годы, наверное, пытается разрешить с госсекретарем Соединенных Штатов. Тот же самый конфликт на Украине. Это все процессы кризисного урегулирования, к чему они могут привести? Они могут привести или к конфликту, или к миру. Иногда туда, иногда сюда.

Есть такое понятие, как постконфликтное урегулирование. Сложный процесс. То, что сейчас идет в Афганистане, то, что сейчас идет в Ираке, это с точки зрения Соединенных Штатов — постконфликтное урегулирование. Есть даже специальные операции, которые проводят вооруженные силы, называются пост-стабилизация. Если сама военная акция 2003 года в Ираке заняла буквально считанные месяцы, то постконфликтное урегулирование идет уже с 2003 года — достаточно долго. Правильно это или неправильно, опять же, сложно сказать. И если попытаться еще более усложнить эту ситуацию, то мы все прекрасно понимаем, что оценка этой военно-политической обстановки должна будет выливаться в какие-то сценарии.

Алексей Иванович уже более конкретно, более прагматично подошел к этому, попытался выразить те сценарии, которые забиты уже в книгу. Мы здесь чисто методологически подходим. Условно говоря, нормальные отношения, мир, потом он становится нестабильным, потом он в кризис переходит, потом опять что-то нестабильное, и тогда мы либо обратно возвращаемся к кризису и к миру, или возвращаемся, предположим, к кризису и переходим к войне. Или мы сразу после этого состояния резко переходим к войне, которая длится долго, потом постконфликтное урегулирование, потом опять кризис и возможная война. А здесь, может быть, сразу какие-то события, связанные с тем, что мы урегулировали все конфликты. Сложно это сделать? На наш взгляд, совершенно сложно. Будет ли это работать? Нужно ли это лицам, принимающим решения? Я не готов ответить на этот вопрос. Мне кажется, скорее всего, нет.

Опять же, тот же самый большой человек, руководитель скажет: «Ты мне голову не забивай, скажи, что надо делать?» Вот на этот вопрос, к сожалению, очень трудно ответить. Как ответить на этот вопрос? Можно еще долгие дискуссии вести. Но если быть очень кратким, то просто надо работать, каждому на своем месте. Экспертам на своем месте, политикам на своем. Лишь бы система была, которая все-таки бы все это в себя впитывала, после этого систематизировала и выдавала тому лицу, которое отвечает за нас всех, за наше отечество, и чтобы он получал именно ту информацию, которая нужна.

Ну, и в заключении, кто не знает, все-таки эту аббревиатуру. Это, может быть, весь пафос моего выступления. KIS — это лозунг, который существует в Вест-Пойнте, в Академии вооруженных сил США, в сухопутной. Кеер

it stupid. Я не буду переводить здесь, я же не могу ругаться. У меня больше через другую форму было — «Делай проще, глупец». Наверное, это главный лозунг, который должен быть во всем. Мы все очень часто слишком усложняем все вещи. Я понимаю, здесь есть две стороны. Чем сложнее, тем больше политический авторитет и профессиональный авторитет эксперта, политика или еще кого-то. Потому что мы сами прекрасно знаем эту фразу, что простота — сестра таланта. Чем проще и понятнее, тем лучше. И именно вот эта простота востребована на том самом высоком уровне, о котором мы говорим. Конечно, учить студентов, воспитывать курсантов, хотя курсанты пусть попроще, но студентов, слушателей, особенно в сфере дипломатии, конечно, не всегда этот принцип сработает. Но, тем не менее, нужно это иметь в виду.

Есть важная методологическая проблема. Существует мнение, что вопросами войны и мира должны заниматься военные ведомства. Никогда они не занимаются. Потому что военное ведомство занимается вооруженной борьбой, военными действиями, организацией, планированием, ведением военных действий. Когда воевать непосредственно на поле боя, это их дело. Но война — это не только это. Сейчас мы это прекрасно понимаем. Даже не столько военные действия, сколько другие события, которые происходят, другие виды борьбы — экономическая, политическая, психологическая, информационная, дипломатическая, в том числе. А в результате всех этих акций вдруг, раз, было государство Югославия и нет его. Был Советский союз и тоже нет. Пока Украина еще какая-то есть. Но возможны всякие варианты.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА «ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ»

Новые формы использования силы в международных отношениях сейчас можно условно объединить под собирательным термином «гибридная война». Под «гибридной войной», как правило, подразумеваются военные действия, которые совмещают дозированное использование регулярных вооруженных сил, операции неформальных вооруженных формирований, акции гражданского протеста и саботажа, а также информационную войну, экономические санкции и политическое давление.

Термин «гибридная война» официально признается в США. Так, например, Полевой устав 3-0 сухопутных войск США определяет гибридные боевые действия как «многообразную и динамичную комбинацию регулярных сил, неформальных вооруженных формирований, криминальных элементов, или комбинацию этих сил и элементов под единым руководством для достижения взаимовыгодных результатов... Эти силы могут включать милицейские, террористические, партизанские формирования и уголовников»¹.

Однако, этот термин многим не нравится. В России этот термин в официальных документах пока не используется, хотя феномен этой новой формы войны признается. Так, в новой Стратегии национальной безопасности РФ, принятой 31 декабря 2015 года, прямо указывается, что угрозы национальной безопасности РФ, имеют «комплексный взаимосвязанный характер», а политика сдерживания России «предусматривает оказание на нее политического, экономического, военного и информационного давления», — подчеркивается в документе².

Некоторые российские авторы, предпочитают использовать термин «сетевая война». Так, по мнению профессора МГИМО А.И. Подберезкина, сетевая война «заключается в использовании любых средств — политических, экономических, информационных, военных и других для достижения конечной и глобальной геополитической цели». «...Силовые и военно-силовые (вооруженные) действия ведутся системно, одновременно и скоординировано на всех уровнях», — подчеркивает он. По его оценке, «произошла серьезная переоценка значения тех или иных политических и иных средств... в пользу силовых, но

¹ FM 3-0, C1. Headquarters Department of the Army. Washington, DC, 22 February 2011. — p. (1-5).

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации N 683 от 31 декабря 2015 г.

не военных средств», а «средства вооруженного насилия, прежде всего традиционные отнюдь не являются единственными и решающими средствами войны»¹.

Вместе с тем, следует учитывать, что в США термин «сетцентрическая война» (*network-centric warfare*) получил несколько иную трактовку. Там он относится, главным образом, к действиям вооруженных сил, хотя и включает нетрадиционные военные действия — операции по поддержанию мира и доставке гуманитарной помощи, контрповстанческие и контртеррористические действия, информационные операции и некоторые другие формы военной активности. При этом принято считать, что сама концепция сетцентрической войны зародилась в США в конце 90-х годов, что, в частности, нашло отражение в документе Объединенного комитета начальников штабов «Общее видение 2010»².

В книге американских теоретиков сетцентрической войны Д.С.Альбертса, Дж.Гарстка и Ф.П.Стейна, представляющих министерство обороны США, говорится, что такая война «характеризуется способностью географически разрозненных сил (состоящих из групп) получать высокий уровень общего понимания оперативной обстановки на театре военных действий, который может использоваться путем само-синхронизации и других сетцентрических операций для достижения намерений командования». «Сетцентричность обеспечивает быстроту командования, то есть конвертацию информационного превосходства в действия... Более того, сетцентричность предоставляет возможность для объединения тактического, оперативного и стратегического уровня войны», — отмечается в работе³.

Так что встает вопрос, какой термин лучше всего использовать для характеристики новых форм использования силы в международных отношениях. Хочется напомнить в этой связи, что задолго до американцев, русский военный теоретик Е.Э.Месснер ввел понятие «мятежевойна». В своей фундаментальной работе «Лик современной войны», изданной в 1959 году в Буэнос-Айресе, Месснер проанализировал «новую форму вооруженных конфликтов... в которой воителями являются не только войска и не столько войска, сколько народные движения»⁴. Может лучше всего вернуться к это-

¹ Подберезкин А.И., Харкевич М.В. «Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования международных отношений. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — С. 42–43, 60–61.

² Joint vision 2010. Chairman of the Joint Chiefs of Staff, 5126 Joint Staff, Pentagon, Washington, D.C. 20318–5126.

³ David S. Alberts, John J. Garstka, Frederick P. Stein. Network centric warfare: developing and leveraging information superiority. 2nd Edition (Revised). DoD C4ISR Cooperative Research Program, Washington, D.C., 2000. — p. 98

⁴ Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера / Под ред. В.И. Марченкова. Москва: Военный университет, Русский путь, 2005. — С. 101.

му термину? Все таки у него есть право первенства и за ним стоит разработанная теория.

Впрочем, дискуссионным является не только терминология, но и время возникновения феномена гибридной войны. Тот же полевой устав сухопутных войск США исходит из того, что «гибридные угрозы» являются относительно новым явлением. Там, в частности, отмечается, что «возникновение гибридных угроз увеличило неопределенность оперативной обстановки»¹. Можно также сослаться на мнение американского военного эксперта майора армии США Брайана Флеминга, который отмечает, что «вторая ливанская война 2006 года и некоторые аспекты повстанческой активности против войск США в Ираке и Афганистане являются первыми проявлениями возникновения гибридной угрозы»².

Альтернативную точку зрения представляет, например, член Высшего консультативного совета при Верховном главнокомандующим ОВС НАТО в Европе доктор Харлан Уллман. По его мнению, «во многих аспектах гибридная война также стара, как обычная война». Он в частности, отмечает, что во время Первой мировой войны «можно было воочию наблюдать гибридную войну». «Кибернетическая часть была представлена взламыванием шифров и либо подслушиванием, либо разрывом подводных линий связи, ведущих из Лондона, Парижа и Берлина к их заморским базам и территориям. Экономические санкции накладывались путем неограниченной подводной войны и блокады. Пропаганда клеймила врагов варварами, совершающими бесчисленные злодеяния против невинных граждан. А бомбардировщики Цеппелин и Готта путем ночных террористических бомбардировок наводили панику на жителей Лондона»³.

Действительно, различные элементы гибридной войны проявляли себя в далеком прошлом, причем, даже гораздо раньше, чем Первая мировая война. Примером может служить Отечественная война 1812 года. Тогда против армии Наполеона использовались и действия партизанских отрядов, и рейды диверсионных групп, и жесткая пропаганда и лишение противника доступа к продовольствию, фуражу и даже теплу. Так что второй вопрос, который встает при анализе феномена гибридной войны — следует ли считать эту войну новым явлением или признать, что она — хорошо забытое старое?

¹ FM 3–0, C1. Headquarters Department of the Army. Washington, DC, 22 February 2011. — p. vii.

² *Fleming Brian P.* The Hybrid Threat Concept: Contemporary War, Military Planning and the Advent of Unrestricted Operational Art. United States Army School of Advanced Military Studies. United States Army Command and General Staff College. Fort Leavenworth. Kansas, 2011. — p. 43.

³ *Ullman Harlan K.* Hybrid War: Old Wine in a New Bottle? // http://www.huffingtonpost.com/dr-harlan-k-ullman/hybrid-war-old-wine-in-a-_b_6832628.html (последний заход 29.01.16).

В этой связи стоит упомянуть, что военно-политические цели сторон в мятежевойне, как указывал Месснер, кардинально отличаются от тех целей, которые ставятся в традиционных войнах. «В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве... В нынешнюю эпоху легче разложить государство, чем его покорить оружием», — отмечал он¹. Поэтому главная цель мятежевойны — «разложить дух врага и уберечь от разложения свой дух»².

Согласно Месснеру, состав сил и средств, задействованных в мятежевойне, также принципиально изменился по сравнению с обычными войнами. Он отмечал, что в мятежевойне «воюют партизанами, «добровольцами», подпольщиками, террористами, диверсантами, массовыми вредителями, саботажниками, пропагандистами в стане врага и радиопропагандистами»³.

В итоге Месснер выделил семь основных способов ведения мятежевойны:

пропаганда — «идеи надо вколачивать, как вколачивают гвозди»;

саботаж — «акция неповиновения, в которой без большого личного риска может принять участие великое множество людей обоего пола и всех возрастов»;

вредительство — «это уже не просто невыполнение распоряжений властей, это — связанное с известным риском причинение ущерба порчею машин, продуктов и т.д.; тут нет предела изобретательности и инициативы»;

диверсия — «это разрушение объектов военных (склады, телеграфные линии и т.п.) и невоенных (амбары с зерном, нефтеводы и т.д.)»;

терроризм — «это убийство из-за угла солдат на улицах и дорогах, мелких агентов власти и людей, сочувствующих противной стороне», а также «террор верховой» — удары по руководящим кадрам противника;

партизанство — «вооруженные действия отрядов, формируемых населением»;

восстание — «когда не отдельные партизанские отряды, но значительная часть населения берется за оружие»⁴.

Поэтому, критерием оценки в том, является ли данная война гибридной или нет, стоит сделать соотношение регулярных и нерегулярных методов и форм ведения войны. И тогда становится ясно, что в прежние эпохи нерегулярные методы войны, хотя и существовали, но не являлись преобладающими, а теперь именно они выходят на первый план, становятся основными.

¹ Хочешь мира, победи мятежевойну! Творческое наследие Е.Э. Месснера / Под ред. В.И. Марченкова. Москва: Военный университет, Русский Путь, 2005. — С. 65, 109.

² Там же. — С. 64.

³ Там же. — С. 110.

⁴ Там же. — С. 90–91.

Кстати говоря, Месснер предсказал переход к новой форме ведения войны, опираясь на опыт изучения конфликтов периода «холодной войны». В связи с этим встает третий вопрос: была ли «холодная война» формой гибридной войны или это все таки явления разного порядка? На первый взгляд цели, формы и методы «гибридной войны» и «холодной войны» совпадают. Однако нельзя не заметить и определенные различия.

Во-первых, в ходе холодной войны целью противоборствующих сторон было преобразование обществ государств-противников. СССР стремился к победе социализма в странах Запада. США и их союзники добивались краха коммунистических режимов и перехода стран социализма к капитализму. В гибридной же войне ставится другая цель — либо подчинение противника, либо, в случае невозможности это сделать, его уничтожение.

Во-вторых, различия в целях породили и отличия в методах. В годы холодной войны, стороны стремились оказывать помощь идеологически близким силам, в том числе использовавшим вооруженные методы борьбы. В то же время существовали определенные красные линии при выборе союзников. Не допускалось, например, сотрудничество с нацистскими и откровенно террористическими организациями, преступными группировками или пиратами. Сейчас все эти ограничения сняты. Цель оправдывает любые средства и терпит любых союзников.

В-третьих, изменился характер информационной войны. И речь идет не только о возможности тотального воздействия на аудиторию государства-противника современными средствами массовых коммуникаций. Изменился и сам характер подачи материала. В период холодной войны стороны пытались манипулировать фактами, трактовать их в свою пользу, даже заниматься передергиванием и подтасовкой фактов. Однако все это делалось на основе реальных событий, происходящих в жизни. И порой, эта объективная сторона ставила сторонам определенные ограничения в том, что можно, а что нельзя. В ходе гибридной войны реальность стала просто игнорироваться. СМИ и информационные технологии стали формировать свою собственную реальность, напрямую не связанную с тем, что происходит в жизни. Произошла виртуализация международной обстановки. Поэтому победа за умы людей стала возможной чисто информационным путем, без реальных практических достижений. И победить в этом противоборстве можно только применяя не менее изощренные способы и методы информационной войны.

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ И ФАКТОР ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Информационная эпоха расширила механизмы применения политического насилия, добавив к физическим методам убеждение, манипуляцию сознанием и другие информационные способы воздействия на сознание общества. Так, ухудшение военно-политической обстановки последних лет в регионе Северной Африки и на Ближнем Востоке, ряде постсоветских государств, есть прямой результат применения информационных операций, технологий демонтажа политических режимов вкупе с грубой военной силой, известных под общим названием как «гибридные войны». Ветеран американской журналистики Дж. Пилджер высказал это следующим образом: «Время, в котором мы живем, настолько опасно и настолько искажено в общественном восприятии, что пропаганда более не «невидимое правительство». Это и есть правительство. Она правит непосредственно, не боясь противоречий, и её главная цель — завоевать нас: наше чувство мира, нашу способность отделять правду от лжи. Информационный век — на самом деле век СМИ. У нас войны СМИ, цензура СМИ, демонология СМИ, наказание СМИ, развлечение СМИ — сюрреалистичный сборочный конвейер послушных клише и фальшивых оценок».

Опыт развития политических кризисов и военных конфликтов последних лет показывает, что Россия готова и способна быть активным участником складывающейся сегодня новой системы международных отношений. Но с этим перед страной встают новые задачи информационного обеспечения ее государственной политики. Приведу ряд фактов. Так, 8 июля с.г. в преддверии саммита в Варшаве, Организация Североатлантического договора и Евросоюз подписали декларацию о сотрудничестве, в которой обязались вместе противостоять “гибридным угрозам” с востока и юга. Согласно документу, организации обязуются скоординировано поддерживать военную промышленность и проводить совместные учения, в том числе, по противостоянию “гибридным угрозам”¹. Генеральный секретарь Альянса подчеркнул, помимо прочего, что ЕС и НАТО занимают единую позицию

¹ См.: Joint statement of the NATO-Ukraine Commission at the level of Heads of State and Government. 09.07.2016 // NATO. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133173.htm. Дата доступа: 24.08.2016

в отношении РФ (“НАТО даст военный ответ на то, что альянс расценивает как потенциальную российскую угрозу”¹).

Вышесказанное представляется логичным рассматривать в том контексте, что к настоящему времени в ряде европейских стран уже действуют правительственные комиссии по борьбе с “информационной угрозой” со стороны России. Так, например, еще в марте 2015 г. решением Европейского Совета в структуре Европейской службы внешних связей (ЕСВС) была создана экспертная группа по противодействию “российской дезинформационной кампании и пропаганде в Европе”. Данная оперативная рабочая группа EastStratCom (англ. EastStratComTaskForce), состоящая из 9 экспертов — четырех штатных сотрудников ЕСВС и пяти экспертов-русистов из Чехии, Великобритании, Дании, Латвии и Эстонии с октября 2015 г. и с февраля 2016 г. выпускает “Обзор дезинформации” (Disinformation Review), и “Дайджест дезинформации” (Disinformation Digest) соответственно². В Европе функционируют также European Values Think-Tank (Экспертный центр Европейские ценности), Political Capital Institute (Political Capital Policy Research&Consulting Institute), занимающийся изучением пропутинских настроений и др.

19 апреля 2016 г. в Комитете Европейского парламента по международным делам прошло первое слушание, на котором был представлен проект документа по стратегической коммуникации ЕС, направленный на повышение эффективности борьбы с пропагандой третьих государств (подразумевались Россия и ИГИЛ)³. Согласно итоговому документу, в свете усиливающейся враждебной пропаганды с Востока и Юга, которая негативно влияет на процесс принятия политических решений в Европейском союзе, оперативная рабочая группа EastStratCom должна быть трансформирована в полноценный орган при Европейской службе внешних связей с соответствующим персоналом и бюджетным ресурсом.

Включен в процесс и Североатлантический альянс. Так, под эгидой данного блока функционируют Центр кибервойны НАТО (CCDCOE) в Таллине, Центр информационной войны НАТО (STRATCOMCOE) в Риге и т. п. По предварительным данным известно, что в Финляндии планируется создание “центра по борьбе с гибридными угрозами” и пронатовские силы ищут необходимые ресурсы для того, чтобы указанный проект стал реальностью.

¹ См.: НАТО и Россия: баланс между обороной и диалогом. 19.07.2016 // НАТО. [Электронный ресурс]. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/opinions_134210.htm. Дата доступа: 26. 08.2016

² См. напр.: Обзор дезинформации. Неделя 14. 11.02.2016 // EEAS. [Электронный ресурс]. URL: http://eeas.europa.eu/top_stories/2016/110216_ru.htm. Дата доступа — 16.08.2016.

³ См.: EU strategic communication to counteract propaganda against it by third parties. 19.04.2016 // European Parliament. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europarl.europa.eu/committees/en/afet/events.html?id=20160415CHE00011>. Дата доступа — 16.08.2016.

Российский институт стратегических исследований в рамках одного из направлений своей деятельности анализирует риски и угрозы безопасности нашей страны в информационной сфере. К настоящему времени выпущено два масштабных доклада (за 2014 г. и 2015 г.), посвященных характеру информационной политики различных государств мира по отношению к внешней и внутренней политике Российской Федерации, а также действиям ее политического руководства.

Такие исследования стали возможными благодаря привлечению данных медиастатистики, полученных и изученных с применением прикладной дисциплины — политической медиаметрии, что позволяет осуществить анализ информационных процессов, помимо общенаучных методов и методов общественно-политических наук, с опорой на комплекс статистических данных. В данном случае при проведении исследования за единицу счета и анализа принимается относительно значимая публикация в СМИ, представляющая реципиенту оценочное знание о Российской Федерации или действиях ее политического руководства. Выделение такой публикации из общего информационного потока, определение ее тональности, а также ее последующая аналитическая обработка проводимые перманентно на протяжении длительного периода времени высококвалифицированными лингвистами и экспертами-страноведами без применения машинных методов обработки информации обеспечивает высокое качество разметки первичных источников, а также надежность представляемых результатов. Основопологающие процедуры исследования, описание конкретных приемов и подходов, пояснения по методике расчетов детально описаны в современной научной литературе¹.

Если лапидарно описать общую информационную вокруг РФ за 2015 г.², то видно, что агрессивную в отношении нашей страны информационную политику вели государства англосаксонского мира, к которым примыкают Япония, Грузия, Армения, Украина, Беларусь, а также большая часть стран-членов ЕС.

По сравнению с 2014 годом, позитив проявили СМИ Франции, Чехии, Молдовы, Италии, Бельгии. Рост негативных по отношению к РФ настрое-

¹ См.: *Николайчук И.А.* Политическая медиаметрия. Зарубежные СМИ и безопасность России: Монография / И. А. Николайчук; Рос. ин-т стратег. исслед. — М.: РИСИ, 2015. — 230 с.

² Прим. авт.: Мониторинг информационной политики осуществлялся для 60 стран. Информационно-психологические операции, которые осуществляются с помощью зарубежных государственных центров внешней пропаганды, но ведутся на русском языке, нами не учитывались. К организации процесса мониторинга не осуществлялась обработка сообщений новостных агентств (в связи с их заведомой нейтральностью). Кроме того, не анализировались сообщения в блогах и социальных сетях, поскольку эти феномены коммуникации обладают относительно самостоятельным механизмом формирования общественного мнения, существенно отличающимся от традиционных СМИ.

ний произошел в странах Скандинавии; Катар; Беларуси и Армении. ЮАР, напротив, перешла в лагерь “нейтрально настроенных” стран. Государствами, в которых доминировали позитивные тенденции в 2015 г., являются Сирия и Куба. Более детальную информацию можно посмотреть в полном отчете об исследовании¹.

Представлять информацию за 2016 г. еще рано — мы не знаем, как распорядятся цифры и какие страны выйдут в “лидеры” антироссийской и про-российской информационной политики. Пока лишь отмечу, что основными темами в иностранных СМИ для давления на Россию за рассматриваемый период были:

1. Сближение России и Турции.
2. Освещение темы участия российской сборной в Олимпиаде в Рио-де-Жанейро. (*The Wall Street Journal* писал 25.07: «Владимир Путин наверняка запугал МОК».)
3. Влияние России на ход предвыборной гонки в США против Х.Клинтон, в пользу Д. Трампа.
4. Действия России в Сирии.
5. Угроза безопасности НАТО со стороны России.
6. Обвинения в адрес России в ведении «пропагандистской войны» на территории иностранных государств.

Нельзя не отметить новые тренды, которые еще только раскрываются в иностранной прессе:

1. Обвинение в адрес России в причастности к кибератаке на украинскую энергосистему в декабре 2015 г.
2. Назначение на ключевые позиции в регионах представителей российских силовых ведомств.

Приведенные данные свидетельствуют, что в настоящее время информационно-коммуникационные технологии становятся уже обыденным средством политического насилия, и, соответственно, приобретают принципиально иное значение с точки зрения их влияния на состояние государственной безопасности. Причем в адрес нашей страны они стали применяться все более активно после воссоединения Крыма и Севастополя с Россией, когда ряд ведущих западных стран кардинально усилили не только экономическое, но и информационное давление на Москву.

С учетом сказанного выше понятно, что перманентный и тщательный мониторинг состояния медийного пространства не только актуален сегодня, но и будет важным аспектом деятельности по обеспечению безопасности

¹ См.: Антироссийский вектор: зарубежные СМИ в 2015 г. // РИСИ. [Электронный ресурс]. URL: <http://riss.ru/bookstore/monographs/antirossijskij-vektor-zarubezhnye-smi-v-2015-g/>. Дата доступа: 26.08.2016

РФ на перспективу. Такой анализ — важное подспорье в определении мер противодействия существующим и нарождающимся угрозам. С целью парирования вызовов и угроз, связанных с использованием странами Запада информационно-коммуникационных технологий для решения собственных внешнеполитических задач для России крайне важно принимать адекватные, безотлагательные меры по обеспечению своей информационной безопасности и необходимый этап здесь — это подготовка соответствующих высококвалифицированных кадров, чем с успехом занимается МГИМО.

ГИБРИДНАЯ ВОЙНА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КОНФЛИКТЫ БУДУЩЕГО

В 2012 году в главе в монографию, посвященную революции в военном деле, я высказывал серьезные сомнения в возможности эффективного ведения той формы войны, которая была обозначена как «комплексный конфликт». Сегодня, когда мы столкнулись с целым пластом публикаций, посвященным т.н. «гибридным войнам», очевидно, что эта точка зрения требует нового критического пересмотра. В этом докладе я постараюсь описать эволюцию термина «гибридная война» и продемонстрировать, как происходит ее институализация на западе. Парадоксально при этом, что никакой новизны в этом явлении нет, что признается всеми ведущими специалистами, но влияние публичных заявлений оказывается куда более значимым, чем реальные теоретические разработки.

Качественные изменения в способах ведения войны следует связывать в первую очередь с разработкой новых методов управления войсками и, в итоге, с отработкой перспективных военных доктрин. При рассмотрении военных доктрин важно разделять понятие оборонной доктрины государства (как концепции национальной безопасности) и военных доктрин как принципов и правил, используемых для достижения поставленных задач¹. В то же время положения военных доктрин напрямую вытекают из принципов, отмеченных в доктрине национальной обороны. Рассмотрим в качестве примера ключевые моменты эволюции оборонной доктрины США на протяжении второй половины XX в.

В годы президентства Л. Джонсона основная военная доктрина предусматривала возможность ведения США «двух с половиной войн» одновременно, что понималось как два полномасштабных военных конфликта в Европе и Азии (против СССР и КНР, соответственно) и одного локального конфликта невысокой интенсивности в третьем мире. При Р. Никсоне эта доктрина была изменена в пользу «полтора войн»², а при Б. Клинтоне выродилась в парадигму «win-hold-win», которая предусматривала активное участие только в одном конфликте и пассивное сдерживание другого конфликта. Стратегическая доктрина США, сформулированная Д. Рамсфельдом, базируется на принципе «1–4–2–1», что подразумевает следующее:

¹ В русскоязычных источниках понятия государственной оборонной доктрины и частных военных доктрин часто смешиваются.

² Одной полномасштабной войны — предположительно, в Европе, и одной малой войны или локального конфликта в другом регионе.

- 1) способность в любых условиях эффективно оборонять территорию континентальных США (1);
- 2) способность осуществлять сдерживание в четырех ключевых регионах мира без непосредственного участия крупных сил в конфликтах (4);
- 3) способность к одновременному участию в двух локальных конфликтах низкой интенсивности (2);
- 4) при способности одержать решающую победу в одном из этих конфликтов (1)¹.

Очевидно, что военные амбиции США постепенно и планомерно сокращались на фоне роста амбиций политических. Возможность ведения полномасштабной войны с примерно равным по силе противником перестала рассматриваться уже в 1970-е гг., а в настоящее время способности по военному вмешательству рассматриваются лишь на уровне локального конфликта с заведомо более слабым противником. При этом увеличивалась роль «мягкого сдерживания» и распространения влияния взамен прямого военного вмешательства. Военная машина США в ее современном состоянии, таким образом, является способной к эффективному и решительному проведению не более чем одной военной кампании. Поэтому демонстрируемая эффективность проведения такой операции становится очень важной для сохранения потенциала силового влияния — вооруженные силы США не могут позволить себе «потерять лицо» без существенного ущерба проводимым «мягким» операциям сдерживания. Одновременно возрастает роль прямого или опосредованного использования сил третьих сторон в собственных интересах. Эти факторы не могли не найти свое отражение в разработке новых военных доктрин.

Одной из таких доктрин, разработанной в конце 1990-х гг., стала широко известная и разрекламированная доктрина сетецентричной войны (*network centric warfare*)². Однако нас в контексте рассмотрения вопросов гибридной войны больше интересуют другие доктрины, возникшие примерно в то же время.

Термин «война четвертого поколения» был впервые введен в 1989 г. американским аналитиком У. Линдом³. Изначально определенный сравнительно размыто, в дальнейших работах он приобрел четкость и получил поддержку

¹ Нормативные документы доступны в электронном виде в JointElectronicLibrary. — (<http://www.dtic.mil/doctrine/doctrine/doctrine.htm>).

² Раннее определение термина дано в работе David S. Alberts, John J. Garstka, and Frederick P. Stein, *Network Centric Warfare: Developing and Leveraging Information Superiority*, 2nd ed., revised, (Washington, DC: C4ISR Cooperative Research Program, 1999). Современный пересмотр доктрины представлен в документе *The Implementation of Network-Centric Warfare / Department of Defense*. — Washington, D.C., 2005.

³ *The Changing Face of War: Into the Fourth Generation // Marine Corps Gazette*. — October 1989.

среди военных¹. Характерными особенностями «войны четвертого поколения» являются:

- 1) противостояние негосударственных акторов государственным;
- 2) использование наднациональной структуры базирования;
- 3) активное использование террористической и партизанской тактики;
- 4) прямая агрессия против культуры противника;
- 5) широкое использование психологической борьбы, возможностей по оказанию экономического и политического давления на всех уровнях;
- 6) использование нонкомбатантов в тактических ситуациях (заложники, рабочая сила, живой щит);
- 7) отсутствие наблюдаемой иерархии командования и финансирования боевых действий;
- 8) опосредованное использование (в том числе «слепое») третьих сторон, негосударственных акторов, частных лиц и коммерческих организаций в своих интересах.

В приведенных выше определениях «войны четвертого поколения», характерных для американских исследователей, отчетливо наблюдается образ противника — негосударственного актора², террористической или подпольной группировки. В работах, издаваемых в США, «война четвертого поколения» рассматривается чаще как данность, характерная черта современных и будущих конфликтов в «войне с террором» и асимметричных противостояний³. Однако не следует однозначно ассоциировать использование методов «войн четвертого поколения» только и исключительно с негосударственными акторами — при наличии определенной политической воли эти же методы вполне применимы и для государственных акторов. Такой подход продемонстрирован в работе китайских военных «Неограниченная война⁴».

Основной проблемой, которая поднята авторами этого труда, было умозрительное рассмотрение возможностей противостояния Китая технологически превосходящему противнику (им недвусмысленно выступают США). При этом основной стратегией обозначались невоенные методы воздействия на противника, из которых особо отмечены возможности террористических атак, экономическое давление, политические воздействия с использовани-

¹ Наиболее подробно принципы «войны четвертого поколения» описаны в работе: Hammes Th. X. *The Sling and The Stone (Four Generations of Warfare) / On War in the 21st Century*. — St. Paul, MN, 2006. — P. 293.

² Подробнее см.: <http://www.sipri.org/contents/conflict/nonstateactors.html>.

³ Такое рассмотрение конфликта позволяет критикам доктрины утверждать, что концепция войны четвертого поколения всего лишь описывает мятежи или партизанские действия: Echevarria J.A. *Fourth Generation War and Other Myths / Strategies Studies Institute*. — November 2005.

⁴ Qiao Liang and Wang Xiangsui. *Unrestricted Warfare*. — Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House: 1999.

ем существующих неоднозначностей в международном праве (lawfare) и расширение пространства конфликта в область киберпространства (кибервойна, или iWar). Авторами отмечается, что представители европейской цивилизации в силу их менталитета, могут оказаться не способны вовремя и адекватно распознать угрозы, характерные для комплексного использования всех сил и средств агрессии, поскольку ассоциируют агрессию преимущественно с прямым использованием силы¹.

Отметим характерную черту этих исследований и разработок в области форм ведения войны в будущем: *качественное расширение пространства конфликта*. В противовес классическим представлениям о ведении войны формат столкновения смещается от вооруженного противостояния на поле боя в поле информационной борьбы, политических и экономических агрессий, а также в киберпространство. При этом роль непосредственного использования силы постепенно вырождается в служебную, ориентированную в первую очередь на поддержку масштабных операций «несиловой агрессии».

В западных публикациях часто указывается на то, что разработка концепции «гибридной войны» является российским ноу-хау — впрочем, Россию там ныне принято обвинять во всем. Но в данном случае эта отсылка отчасти справедлива — за модными ныне ярлычками «гибридной войны» и даже упомянутыми выше концептуальными разработками в области «неограниченной войны» стоит основополагающий труд русского военного теоретика Е.Э. Месснера. Этот офицер царской армии в эмиграции в Аргентине впервые сформулировал концепцию «мятежевойны» в 1960 году, хотя тогда эта концепция не встретила понимания.

Лишь в 2005 г. в военном сборнике, в серии «Военная культура Русского зарубежья» его труд был издан в России. В этой работе Месснер подробно разбирает такие ныне «инновационные» концепции, как безграничный террор, использование энергоносителей в качестве средства силового влияния, предсказывает возникновение сетевых организаций и четко выделяет «горячие точки» современности. Там же выделены проблемы отсутствия грани между противником и мирным населением — характерные для т.н. «гибридных войн», предложены некоторые тактики противопартизанских операций, а также выделены критерии технологического противостояния, характерные для «революции в военном деле».

В развитии своих концепций Месснер, в частности пишет: *«В прежних войнах важным почиталось завоевание территории. Впредь важнейшим*

¹ Перевод фрагментов книги на английский язык доступен в интернете по адресу: <http://cryptome.org/cuw.htm>.

будет почитаться завоевание душ во враждующем государстве. Воевать будут не на двухмерной поверхности, как встарь, не в трехмерном пространстве, как было во времена зарождения военной авиации, а в четырехмерном, где психика воюющих народов является четвертым измерением...»; «Воевание повстанцами, диверсантами, террористами, саботажниками, пропагандистами примет в будущем огромные размеры...».

Несложно увидеть, что данные определения в полной мере описывают форматы современных конфликтов, проходящих в различных регионах мира. После этого исторического экскурса, который наглядно продемонстрировал нам то, что «гибридная война» не является чем-то новым в военной науке, вернемся, однако в современность и попробуем кратко проанализировать возникновение — а точнее возрождение — этой концепции в ВС США.

Основные работы по теме «гибридных конфликтов» принадлежат подполковнику Фрэнку Хоффману (являющимся одновременно одним из ведущих критиков концепции «революции в военном деле»), который впервые использовал термин в 2004 г. Позднее, характерные признаки гибридного конфликта описал Рассел Гленн в следующей формулировке применимо к гибридной угрозе: *«Противник, который одновременно использует некоторую комбинацию политических, военных, экономических, социальных и информационных технологий, а также конвенциональные, иррегулярные, катастрофические, террористические и криминальные методы ведения войны. Может включать в себя комбинацию государственных и негосударственных акторов»*. Несложно заметить, что данное определение не выходит за рамки «неограниченной войны», или «войны четвертого поколения» в трактовках китайских специалистов или Линда соответственно.

Гленн приводит в качестве примера гибридного конфликта серию столкновений между Хизбаллой и израильской армией (АОИ), ссылаясь на опыт второй ливанской войны. Хоффман резко, не стесняясь в выражениях, критикует опыт этого конфликта, утверждая, что АОИ проявила полное непонимание изложенных концепций, пытаясь противостоять гибридной угрозе с использованием совсем не предназначенных для этого сил и средств. Что же произошло на практике?

Во время войны в Персидском заливе в рядах американских военных теоретиков родилась «инновационная» концепция «эффекторных операций». Полное определение таких операций звучало как «процесс достижения желаемого стратегического результата или влияния на противника путем синергетического и кумулятивного использования военных и невоенных возможностей на всех уровнях конфликта». Такое туманное определение, разумеется, не могло иметь какого-либо практического применения, но израиль-

тяне попытались адаптировать его в том виде, в котором они его понимали, в 2006 г., а американцы пробовали использовать в ходе военной кампании в Афганистане. При этом ставились цели «способствования созданию (путем военных операций) такой среды, которая делает возможным восстановление страны в целом».

Продемонстрированная некомпетентность вооруженных сил Израиля и США в применении туманной концепции «эффекторных операций» совершенно неудивительна. По сути дела перед армейскими формированиями ставились политические задачи, которые они не способны и не должны решать. Концепция комплексной военно-политической операции только создавала путаницу в попытках ее трактовки, а параллельно предпринимались попытки некритически использовать основные постулаты «революции в военном деле». Образовавшийся коктейль не мог дать никакого позитивного результата.

Итоги Второй ливанской войны, несмотря на заявления обеих сторон о своей победе в конфликте, могут рассматриваться как сокрушительное поражение Израиля в информационной сфере, сопряженное с серьезным внутриполитическим кризисом и последовавшим за ним расследованием комиссии Элияху Винограда. Ответственность за провал была, в частности, связана с отсутствием анализа внутривнутриполитической ситуации в Ливане и четко определенных политических целей войны. Как отмечает подполковник ВС США Майкл Д. Снайдер, анализируя действия Израиля во Второй ливанской войне, одним из важнейших ее выводов является требование к наличию «культурной компетенции» у любых сил, пытающихся провести подобную операцию. К областям «культурной компетенции» он относит:

- осведомленность о культурном мировосприятии оппонента;
- внимание к культурным различиям;
- знание различных культурных практик и мировоззрений;
- кросс-культурные умения, способность к пониманию, коммуникации и взаимодействию с представителями различных культур.

Очевидно, что АОИ не продемонстрировала данную компетенцию, в связи с чем достижение военной цели привело к усилению враждебности населения, утрате легитимности военной операции в глазах мирового сообщества, что в свою очередь может быть рассмотрено как поражение в войне, связанное с невозможностью достигнуть ее политических целей¹.

Точно такой же точки зрения придерживается и главный практик «гибридных войн» Майкл Хоффман, отмечая что экспериментальные кон-

¹ Эта точка зрения обосновывается в работе “The Truth Is Out There: Responding to Insurgent Disinformation and Deception Operations”.

цепции вроде «эффекторной операции» вообще не следовало применять в реальном конфликте без глубокого и всестороннего понимания. Он также подчеркивает тот факт, что Хизбалла явно продемонстрировала способность негосударственных акторов изучать и выявлять уязвимость армий, построенных по западному образцу и вырабатывать эффективные меры противодействия¹.

Именно этот фактор, многократно повторенный Хоффманом в своих работах, привлек самое пристальное внимание к феномену, названному «гибридной войной». Под угрозу ставилась сама способность США и союзников противостоять новым вызовам, которые прочно вошли в повседневную практику операций в Афганистане и на Ближнем Востоке. Едва лишь закрепившийся в умах концепт «революции в военном деле на фоне тотального технологического превосходства» был скомпрометирован. Была показана неспособность армий Запада адаптироваться к новым угрозам, был брошен вызов самому образу мысли американского командования, и этот вызов требовал ответа. Дошло даже до того, что именно концепция гибридного конфликта — также проходящая под названием «Новые войны», учитывавшая работы по войне 4-го поколения и неограниченной войне — была объявлена истинной революцией в военном деле взамен раскритикованной концепции сетцентрических операций.

Практически без задержки, в 2008 г. корпус морской пехоты США представил экспериментальную 5-дневную программу подготовки офицеров для участия в «гибридных боевых ситуациях». Фактически, эта программа фокусировалась на развитии коммуникативных и психологических навыков, а к тренировкам привлекалось большое число актеров, которые должны были имитировать массовую панику, враждебность местного населения и другие ролевые ситуации. Актеры подбирались из жителей Ирака, а в ходе учений активно использовались подлинно голливудские спецэффекты для имитации крупных взрывов, обширных травм и развития навыков адекватного поведения в условиях стресса. В число задач офицерского состава входило также пресечение онлайн трансляций и контроль использования населением мобильных устройств для предотвращения негативного освещения операций.

В последующих работах концепция гибридного конфликта начала приобретать комплексные очертания — в нее добавились политические и экономические факторы, включая также требования по проведению масштабных психологических операций, информационных кампаний, меро-

¹ Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars, Frank G. Hoffman, Potomac Institute for Policy Studies, Arlington, Virginia, 2007.

приятий в области публичной дипломатии. Иными словами, концепция перестала быть чисто военной доктриной, превратившись в комплексную военно-политическую парадигму, где собственно военные операции постепенно теряли в весе. Эти разработки не привлекали серьезного общественного внимания, держась в тени, но ситуация резко изменилась в 2013 г.

Наставление для сил специальных операций США «Гибридные боевые действия» было опубликовано в августе 2013 г., незадолго до начала волнений на Украине. В качестве основных примеров гибридной войны рассматривалось партизанское движение в СССР во время Великой Отечественной войны, Вьетнамская война, Вторая ливанская война и вторая иракская кампания. При этом советская партизанская организация рассматривалась как исторически первый пример организованной гибридной войны (такой подход можно оспаривать). Рассмотрение партизанского движения в этой работе было как минимум поверхностным, но в умах военных теоретиков создало прочную связь в части приоритета СССР в области гибридных операций. С обострением ситуации на юго-востоке Украины термин «гибридная война», вновь вернувшийся в тренд в связи с недавней публикацией, немедленно был активно растиражирован.

Так что же такое эта «гибридная война»? Ни что иное, как конфликт, выходящий за рамки типичных боевых ситуаций, игнорирующий обычаи и способы ведения войн, принятые в начале 20-го века, неограниченно использующий весь ресурс государства или негосударственного актора для достижения поставленной политической цели. Было бы вполне правомерно использовать наравне с этим термином и обозначенные выше: неограниченная война, война 4-го поколения и т.п. В своей работе в 2012 г. я предпочитал термин «комплексный конфликт».

Однако «гибридная война» отличается от других описанных сценариев акцентом на стратегическую неопределенность, необъявленность, активные психологические и дезинформационные операции на глобальном уровне, которые обычно доступны только глобальным акторам. Такие поддерживающие кампании имеют значительно больший масштаб, чем собственно войсковые операции, и должны быть точно скоординированы во времени и пространстве, привлекать экспертов, воздействовать на СМИ, учитывать культурный, религиозный, политический и другие факторы. Основная цель таких операций — дезориентация не только и не столько противника, сколько общественности. Таким образом, гибридная война всегда ведется еще и против своего же народа.

В 2012 г. я писал, что подобного рода комплексный конфликт едва ли реалистичен, поскольку требует высочайшего уровня координации самых

различных армейских, политических, информационных, неформальных и других структур, и потребует радикальной трансформации способов управления, выходом их на уровень выше военной организации, где целый пласт специалистов работает как единое целое на различных уровнях. Эту точку зрения, вроде бы, доказывали неудачи АОИ на Ближнем Востоке, позиционные тупики, в которые зашла армия США в Ираке и Афганистане, развитие международных террористических организаций и т.п. В то же время я отмечал, что соблазн применить теоретические наработки по комплексным конфликтам слишком велик, чтобы его не использовать, и такие конфликты неизбежно возникнут в ближайшем будущем, но в короткий срок перестанут быть управляемыми, несмотря на поддерживаемую во властных кругах иллюзию контроля.

И это предсказание полностью сбылось. События «арабской весны», Украина и Сирия — все эти кризисы развивались в полном соответствии с концепциями комплексных конфликтов, и во всех случаях, несмотря на вмешательство на самых высших уровнях и с привлечением всех доступных ресурсов управляемость была очень быстро потеряна. Вновь и вновь продемонстрировано различие в уровне координации комплексных операций, когда одни их части (включая информационные кампании) проводятся безупречно, в то время как параллельные операции становятся полностью неуправляемыми. Массированные дезинформационные кампании, поддерживающие такие операции дезориентируют не только мировое сообщество, но и собственные дипломатические службы и неправительственные организации, привлекаемые для осуществления поддерживающих мероприятий в области публичной дипломатии. Потеря контроля приобретает высокую вероятность, которая только растет со временем.

Тем не менее, данная точка зрения разделяется далеко не всеми, и это само по себе увеличивает риски в обеспечении международной стабильности. Ряд безответственных политических режимов, приняв на вооружение теоретические положения доктрин, постоянно предпринимают попытки ведения комплексного конфликта, которым не могут в полной мере управлять. Такое начало комплексного конфликта сравнимо с распечатыванием «ящика Пандоры»: само инициирующее действие может казаться управляемым и логичным, но лавинообразный рост взаимозависимых последствий в короткий срок становится неуправляемым.

Теоретические основы понимания «гибридных войн» не могут не оказать влияния на будущие разработки в военных доктринах. Основной проблемой противостояния подобным операциям является преодоление дезориентации, вызываемой синхронным применением конвенциональных и неконвенциональных сил на фоне проводимых психологических опе-

раций. Эта проблема легко преодолима в условиях военного положения, но сама суть гибридного конфликта подразумевает пограничное состояние «ни мира ни войны», когда меры по контролю вражеской пропаганды не применимы в полной мере. В этом контексте особую роль приобретает развитие аналитических служб, действующих на разных уровнях в тесной координации друг с другом с целью предельно быстрого выявления факта агрессии и выработки решений по противодействию им с использованием всего ресурса государства.

АНАЛИЗ ДОЗИРОВАННОГО ПРИМЕНЕНИЯ ВОЕННОЙ СИЛЫ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ ОПТИМАЛЬНОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТА В СИРИИ

Материал подготовлен в рамках исследовательского проекта «Анализ дозированного применения военной силы для достижения оптимального военно-политического эффекта на государственном, региональном и глобальном уровнях в 2010–16 годах». Под «дозированным» будет пониматься осознанное однократное или многократное применение военной силы с переменным усилием, меньшим максимально возможного в имеющейся ситуации, обусловленным соображениями военного, внутри- и внешнеполитического, а скорее всего, комбинированного характера.

Чем дольше длится конфликт в Сирийской Арабской Республике (САР), тем сильнее он оказывает влияние на ситуацию во всем регионе Ближнего Востока, втягивая в воронку противостояния все больше государств. Наличие и разрастание в Сирии и Ираке «серой зоны», которую центральные власти этих стран уже давно не контролируют, а те силы оппозиции, которые позиционируют себя как «демократические» или, хотя бы, как «умеренные», так и не смогли взять под свой контроль, привело к созданию нового квазигосударственного образования с динамично меняющимися границами. С ростом своих политических амбиций и на фоне идеологического и пропагандистского успеха, подкрепленного военными победами, оно последовательно меняло свое название с региональной привязкой, как то «Исламское государство Ирака» (2006 г.), «Исламское государство Ирака и Леванта» («ИГИЛ», 2013 г.) на географически неопределенное и более емкое «Исламское государство» («ИГ», 29 июня 2014 г.).

Основными причинами его зарождения и развития, в частности, стали:

1. Недооценка некоторыми внешними акторами поддержки президента Башара Асада со стороны сирийцев. Ее степень вполне четко определяется во-первых, результатами выборов, проведенных 3 июня 2014 года в условиях войны, на которых ему отдали свои голоса 88,7 процентов избирателей. Во-вторых, тем, что даже после 4,5 лет гражданского противостояния, разросшегося до повстанческой войны, в условиях экономического и политического давления извне, даже в самые критические дни — летом\осенью 2015 года — властями Сирии контролировалась территория, на которой проживало около 80% населения страны. В-третьих, поддержка президенту подтверждается и многолетним активным участием различных по кон-

фессиональной и этнической принадлежности групп народного ополчения в бескомпромиссном и беспрецедентном по своей жестокости вооруженном, политическом, информационном и идеологическом противостоянии. Причем, зачастую в условиях блокадной автономии и невозможности получения ощутимой поддержки от Дамаска. Последнее, в принципе, свидетельствует о рациональности их выбора своей политической позиции и стороны в конфликте.

2. Переоценка сил оппозиции, формально ориентированной на США и ЕС — как по количеству ее активных сторонников, так и по глубине и устойчивости мотивации, а также по готовности к долговременному вооруженному противостоянию.

3. Но главное — это недооценка идейной привлекательности, военного и мобилизационного потенциала террористических группировок, обосновавшихся в Сирии и Ираке.

Эти ошибки автоматически привели к тому, что отличное знание и эффективное использование тонкостей межконфессиональных, межэтнических, родоплеменных связей и противоречий в Сирии, Ираке и Ливане, а также особая степень жестокости в насаждении своих порядков, сделали т.н. «Исламское государство» основной военно-политической силой, оппозиционной Дамаску.

Следует отметить, что в Вашингтоне и европейских столицах, по крайней мере, на экспертно-аналитическом уровне, уже в 2012–2013 годах прекрасно понимали, что этот конгломерат террористических организаций рано или поздно станет самостоятельной и самодостаточной силой, и одной из основных проблем региона. Однако в рамках принятой в США методологии решения проблем в порядке их поступления, которая была применена в Афганистане, Ираке и Ливии, и там же весьма наглядно продемонстрировала свою полную несостоятельность, этой угрозе была отведена второстепенная роль. После изучения мнения экспертов, политическое решение было принято из расчета на то, что «проблема с режимом Башара Асада» будет успешно решена в кратчайшие сроки, и в основном, силами самой сирийской умеренной оппозиции.

При таких ожиданиях, возможная активизация и укрепление «ИГИЛ» рассматривались как сопутствующие издержки, которые при необходимости — в случае выхода ситуации из-под контроля, — будут купированы уже после достижения основной цели — свержения Б.Асада.

В то же время, своеобразную индульгенцию «ИГИЛ» получило и за свое активное антиасадовское позиционирование. Тактика использования этой группировки базировалась на ложных представлениях о том, что она в первую очередь будет занята локальными проблемами укрепления собственной

власти и борьбой за влияние с другими террористическими организациями. А в условиях ожидаемого укрепления иракской государственности, усиления иракской армии, сформированной и подготовленной США и их союзниками, она будет просто вынуждена перенести фокус своей активности с Ирака на ослабленную гражданской войной Сирию. А вне Сирии — ограничится лишь мобилизационной и вербовочной деятельностью — то есть, предполагалось, что она станет одним из инструментов по свержению режима Б. Асада, и не более того.

Поэтому проблеме усиления группировки не уделялось должного внимания, достаточного для пресечения роста ее влияния и расширения контролируемой ею территории, причем мало что изменилось и после начала против нее воздушной операции Международной коалицией во главе с США в сентябре 2014 года.

Сложная военно-политическая ситуация в Сирии, ставшая результатом проекции воздействия целого ряда противостояний, имеющих локальный, геополитический, религиозный, конфессиональный и межплеменной характер, вынуждает все стороны, участвующие в боевых действиях в стране, дозировать применение своей военной силы.

Сравнительный анализ нанесения ракетно-бомбовых ударов США и возглавляемой ими Международной коалицией по военным и экономически значимым целям в САР и Ираке позволяет сделать вывод о попытке Вашингтона канализировать деятельность т.н. «Исламского государства», Джебхат ан-Нусры (с июля 2016 года — «Джебхат Фатах аш-Шам») и других террористических группировок исключительно против Сирийской Арабской армии и властей Сирии. В целом, имеет место более высокая интенсивность и эффективность оказания как материально-технической и организационной помощи, так и непосредственной огневой поддержки своим союзникам в противостоянии с террористическими формированиями в Ираке, чем в Сирии.

Если взять, Турцию, то у нее имеется значительный опыт ведения трансграничных боевых операций — в основном, в Ираке, — с официально заявленной целью уничтожения тыловых и тренировочных баз Рабочей партии Курдистана (РПК), признанной в Турции террористической организацией, как при режиме С. Хусейна, так и после его свержения. Однако необходимо отметить, что в военных и специальных операциях Турции всегда просматривалась и другая, более значимая стратегическая цель, а именно: в условиях невозможности окончательного решения «курдского вопроса» — формирование в Иракском Курдистане выгодной Анкаре, модерируемой ею военно-политической ситуации в целом, и военного баланса сил между курдскими партиями, отдельными племенами и кланами, в частности.

Дополнительной, но не менее важной задачей, стоявшей перед Анкарой, было подтверждение своего статуса региональной державы всеми доступными — военными, экономическими и политическими способами. В этом же контексте, как представляется, надо рассматривать последовательность действий Анкары и в Сирии:

1. Когда стало очевидным, что ситуация в соседней стране окончательно вышла из-под контроля Дамаска, поддержка — как минимум, политическая, финансовая и логистическая, — не только оппозиционной Сирийской свободной армии, но и боевиков т.н. «Исламского государства». На этом этапе Турция должна была дозировать свои действия в целях недопущения резкого усиления вовлеченности в конфликт на стороне Дамаска Ирана, и с оглядкой на политическую реакцию России.

2. После появления в Сирии Воздушно-космических сил РФ (ВКС РФ), Анкара была вынуждена ограничивать и дозировать действия своих вооруженных сил уже во избежание и прямого боевого столкновения с российскими ВС. Однако довольно быстро, в результате детального анализа хода операции ВКС РФ в САР, в Анкаре пришли к выводу, что ее политика по таким вопросам, как:

— курдский и туркоманский — на ее южных и юго-восточных границах;

— общетюркский — с охватом ближневосточного, южнокавказского и центральноазиатского регионов, частично — Европы (Болгария, Албания, Молдова, Крым РФ и т.п.) и Китая;

— противостояние с шиитским миром, и в первую очередь, с Исламской республикой Иран, — находится на грани фатального геополитического провала.

Кроме того, в начале октября 2015 года появилась информация, что Багдад, оценив эффективность действий ВКС России в Сирии в сравнении со скромными успехами сил Международной коалиции во главе с США, также намерен официально обратиться к Москве за помощью в борьбе с так называемым «Исламским государством», уже на своей территории. Анкара увидела в этом потенциально еще большую опасность, в том числе, и для своих энергетических интересов — имеющихся и перспективных, — по вопросу импорта нефти из Иракского Курдистана.

Уничтожение же российского бомбардировщика СУ-24 в небе над Сирией дало понять государствам ближневосточного региона (а политика именно на этом, региональном уровне и является для Турции принципиально значимой) и, в целом, всему тюркскому миру, высочайшую степень готовности к защите своих стратегических интересов. Инцидент стал результатом принятия решения той же системой, и в той же плоскости, что и отказ Анкары в

2003 году предоставить свою территорию и открыть свою границу с Ираком для содействия США в проведении наземной операции по свержению Саддама Хусейна.

И тогда, и сейчас, в случае своей пассивности, самоустранения Анкары от попыток использования объективно сложившейся ситуации в своих интересах, она понесла бы куда более серьезные имиджевые потери — что на Востоке равносильно стратегическому поражению, если не катастрофе.

С другой стороны, уничтожение Су-24 привело к фактически полному прекращению использования турецких ВС в Сирии, и в первую очередь — военно-воздушных сил.

3. После улаживания всех политических и экономических разногласий с Москвой, 24 августа 2016 года Анкара возвращается к проведению трансграничных операций своих ВС в Сирии, включая одностороннее объявление о 90-километровой зоне безопасности на севере страны. Однако и сейчас Турция дозирует свою военную активность на севере Сирии, фокусируясь на противостоянии курдским движениям. А боестолкновения с так называемым «Исламским государством», на которое Анкара продолжает делать ставку как на инструмент, во-первых, изменения политической карты региона, а во-вторых, подавления курдских движений Сирии, имеют значительно более низкую интенсивность, и носят, скорее, стимулирующий характер, призванный направить вектор его военной активности в нужном ей направлении.

Понятно, что к настоящему времени имеет место ситуативное совпадение интересов Турции, России и даже Сирии по вопросам, во-первых, противостояния террористическим группировкам (при сохранении существенной разницы в идентификации их таковыми, конечных целях и тактики применения против них военной силы), а во-вторых, перспективы создания на севере страны объединенного курдского фронта. Но надо отметить и высокую степень реализации Анкарой, несмотря на все внутривосточные проблемы (включая и попытку военного переворота, и внешнеполитическую напряженность с Москвой и т.п.), так называемых «окон возможностей» для подтверждения своего статуса региональной державы.

В этих обстоятельствах еще более тонко надо было действовать России — нужен был не только точный расчет времени начала операции, сил и средств для развертывания в кратчайшие сроки на территории Сирии группировки ВКС, но и определение необходимого и достаточного уровня интенсивности их применения, тщательная селекция и очередность поражения целей ракетно-бомбовых ударов. Особенно это относится к начальному этапу непосредственного участия ВКС РФ в боевых действиях. Впрочем, дозирование применения военной силы со стороны России проявилось уже в том, что

в Сирии была развернута группировка в составе, в основном, только ВКС РФ, с параллельным заявлением об отсутствии планов по проведению наземной операции.

Очень эффективным в контексте дозирования военных усилий в зависимости от складывающейся оперативной ситуации оказалось неожиданное объявление Москвой 15 марта 2016 года о выполнении ВКС РФ поставленных задач и ее выводе из Сирии. И это даже при том, что на фоне политической значимости такого заявления вопросы, собственно, количественного характера, а также степень обусловленности такого шага объективными факторами, в частности, такими, как:

- необходимость ротации летного и технического состава;
- выработка моторесурса техники;
- переход к применению иных средств поражения противника, с несколько другими боевыми и эксплуатационными характеристиками;
- в конце концов, учет местных погодных условий, отражающихся на эффективности боевой работы, — остались в тени.

Принцип дозированного применения военной силы для достижения оптимального военно-политического эффекта был фактически применен и в ситуации с размещением ВКС РФ на авиабазе Шахид-Ноже, находящейся в 50-ти километрах от иранского города Хамадан. Ее использование хоть и позволяло существенно увеличить бомбовую загрузку российских бомбардировщиков (за счет снижения необходимого для выполнения боевой задачи в Сирии топлива), имело ощутимый экономический, политический и психологический эффект, но было в кратчайшие сроки свернуто — из-за появления негативного к нему отношения у части политического истеблишмента и общества Ирана. Тем не менее, этот вариант боевого взаимодействия был опробован, и показал свою эффективность с технической и логистической стороны.

А оперативная реакция Москвы на недовольство в Иране, во-первых, сняла возникшее было «недопонимание», пресекла возможное появление и рост напряженности в отношениях с Тегераном; а во-вторых, работает на укрепление доверия к России, как государству, уважающему интересы Исламской республики Иран, и тем самым оставляет возможность использования этой авиабазы, а возможно, и другой военной или гражданской инфраструктуры ИРИ в будущем — уже при более спокойном отношении иранцев.

К тому же, вся эта ситуация привносит положительный (для Москвы и Тегерана) эффект неопределенности в отношении перспектив и масштабов военного сотрудничества между Ираном и Россией как по вопросу противодействия террористическим группировкам в Сирии, так и по другим общим угрозам, имеющимся и перспективным.

Опыт проведения в течение одного года ВКС РФ операции в Сирии показал, что дозированное применение военной силы

- **сохраняет высокую эффективность** в вопросах:

- изменения текущей оперативной обстановки;
- коррекции складывающегося военно-политического баланса сил;
- достижения поставленных целей при минимальных потерях в военной, политической, экономической и имиджевых плоскостях;
- оказания непрямого, но существенного влияния на внутривнутриполитические процессы;
- моделирования выгодной союзникам Москвы переговорной позиции как в самой Сирии, так и в регионе, в целом;
- слома имевшихся и уже устоявшихся негативных тенденций в общественном настроении;

- **позволяет:**

- в более оптимальной пропорции дополнять военные усилия по уничтожению террористических группировок политико-дипломатическими мерами по разрешению сирийского конфликта в целом;
- в значительной степени купировать консолидацию оппозиционных сил по противодействию новому — внешнему врагу;
- предотвратить распространение конфликта на новые территории;
- сохранить договороспособность, по крайней мере, части сторон конфликта и их союзников вне Сирии;
- не допустить втягивания России в полномасштабную войну вплоть до того, чтобы оказаться одной из сторон конфликта и принять на себя основное бремя войны;
- ограничить нежелательную негативную реакцию как у себя дома (так называемый «афганский синдром»), так и за рубежом;
- избежать в информационной войне формирования по отношению к себе устойчивого образа врага у значительной части сирийского общества.

Как представляется, наиболее высокую эффективность этот метод применения военной силы в сравнении с другими возможными будет иметь в крайне неопределенной военно-политической и непростой этноконфессиональной ситуации, в условиях войны «всех против всех».

При том, что он привносит для противника дополнительную неопределенность в систему военно-политических отношений всех участников конфликта и баланса сил в конфликте в целом, этот метод повышает степень собственной свободы в принятии стратегических военно-политических решений на государственном уровне, обеспечивает значительно более широкое поле для политического маневра, генерирует значительно большее количество возможных вариантов развития ситуации.

Вместе с тем, дозированное применение военной силы для достижения наиболее оптимального эффекта является достаточно сложным инструментом военно-политической игры, требующим пристального и квалифицированного информационного и аналитического сопровождения ситуации; принятия каждого следующего решения на основе очень тщательного и многостороннего анализа текущих изменений и выявленных тенденций; предполагающим возможность оперативного внесения изменений в тактику боевых действий.

Для минимизации вероятности принятия излишне рискованных и исключения ошибочных решений, своевременной оценки проекции развития военной ситуации на политическую, социально-экономическую, межплеменную и конфессиональную ситуацию, данный метод требует привлечения на постоянной основе экспертов и аналитиков из смежных областей научных и прикладных исследований — истории, регионалистики, конфликтологии, религии, этнографии, экономики и т.д.

ДАИШ — СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫЗОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ И УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

Исламское государство (ДАИШ (Daish) — арабская аббревиатура ИГИЛ) в настоящее время — одно из самых сложных, закрытых и относительно эффективных военно-политических феноменов в современных международных отношениях. И хотя в России и во многих западных странах оно квалифицировано как «террористическая организация» и запрещена, на Ближнем Востоке отношение к ИГ не столь однозначное. Парадоксальным образом ДАИШ можно даже назвать своего рода политическим квантовым феноменом, где на разных качественных уровнях одновременно сосуществуют как бы разные реальности.

На Большом Ближнем Востоке (ББВ) среди многих прозападных элит бытует устойчивое мнение, что ИГ — это искусственно созданная политическая структура, буквально напигованная агентами самых различных спецслужб мира. На прямой вопрос «как тогда можно объяснить столь конфронтационное отношение к ДАИШ со стороны Вашингтона и его союзников?» обычно, после некоторой паузы, следует странный ответ: никто не знает, какие альянсы на этом уровне возникают, кто с кем и против кого «дружит». Многие же эксперты спецслужб, в том числе и в России, обоснованно считают, что в ИГ эффективно налажена «перевербовка», и подготовка двойных агентов поставлена «на поток».

В любом случае можно уверенно сказать, что во всё более запутанной и сложной картине ББВ (где системные хитросплетения постоянно становятся всё более запутанными) ДАИШ занимает одно из первых по своей загадочности место. И, конечно, одна из главных причин этого — то или иное участие разнородных спецслужб в его возникновении и формировании.

Как некая протоструктура ИГ было создано опытными офицерами спецслужб Саддама Хусейна, включая представителей могущественной партийной разведки БААС. Поэтому ИГ отличается достаточно высоким профессиональным уровнем офицерского корпуса, управленческих кадров, пропагандистского механизма, управления сферой обеспечения внутренней безопасности. Внутренняя структура ИГ, в соответствии с традиционными правилами функционирования мухабрат («спецслужбы» — *араб.*), сочетает в себе открытые, полуофициальные и полностью закрытые оргкомпоненты.

В создании и формировании ИГ с 2003 года, наряду с саддамовскими мухабрат, в той или иной степени принимали участие спецслужбы Сирии и Турции, а также, правда в очень незначительной степени, военные разведки

США и Великобритании. Это было обусловлено и тем, что иракские спецслужбы ещё со времён ирано-иракской войны накопили существенный опыт закрытых связей со своими коллегами из других стран.

На самом верхнем уровне в значительной степени, пусть и временно, совпали интересы американцев и бывших баасистов. Военно-разведывательному сообществу США, которое стремится сформировать новую систему баланса сил (новую систему сдержек и противовесов) на ББВ и делает стратегическую ставку на Исламскую Республику Иран, одновременно нужен значимый региональный противовес Тегерану, чтобы в долгосрочной перспективе не попасть в зависимость от Ирана как региональной супердержавы. Ни Турция, ни тем более Саудовская Аравия или Израиль по разным причинам таким эффективным региональным противовесом ИРИ стать не могут. И здесь ДАИШ оказывается важным фактором затягивания иранских силовых структур в целый ряд разгорающихся региональных конфликтов.

Некоторые спецслужбы США достаточно эффективно использовали ИГ в 2014 году против правительства аль-Малики в Ираке, которого активно поддерживало руководство КСИР (Корпуса стражей исламской революции). Кроме того, ИГ ослабило КСИР и в другом отношении — взяв под контроль огромные территории Сирии и Ирака — союзников Ирана.

В то же время нынешняя конспирологическая интрига с ИГ объективно играет на руку политической группировке президента Ирана Рухани. Укрепление положения ИГ в регионе способствует более быстрому налаживанию всего комплекса отношений между Тегераном и Вашингтоном. Но политика — это чаще всего «искусство возможного». Разные спецслужбы играют свои партии, очень часто с ориентацией на различных хозяев — те или иные внутренние элитные группы.

Где же больше всего пока провалились американцы в этой опасной для себя игре с ИГ?

Во-первых, и самое главное: практически невозможно эффективно контролировать или даже долго воздействовать на военно-политическую силу, которая не имеет жёсткой иерархической структуры.

Во-вторых, высшая западная элита совсем не ожидала, что ИГ так быстро превратится в значимую региональную силу и реальный глобальный центр притяжения радикальных сил в исламе. А раз не ожидала, то и не смогла выработать соответствующую рефлексивную стратегическую контригру.

В-третьих, к середине 2015 года стало окончательно ясно, что массовая поддержка ДАИШ в самых различных сегментах суннитского (не только, кстати, арабского) социума возрастает. Более того, американские бомбардировки ИГ и начавшееся использование российской авиации в Сирии под

флагом борьбы с ДАИШ ещё больше способствуют росту его популярности не только на БВ, но и в Европе, и в целом на Западе.

Оргструктура

ДАИШ формируется на основе гибкого сочетания сетецентричной оргмодели и классических принципов формирования иерархических структур. Это даёт возможность руководству ИГ достаточно эффективно использовать открытые, полужакрытые и глубоко скрытые организационные компоненты.

Высший уровень командования в ДАИШ — это военно-политическая шур и специализированные штабные центры, а второй уровень — это некое, внешне аморфное, сообщество полевых командиров. Таких командиров в Исламском государстве, по некоторым данным, приблизительно от семисот до девятисот человек. Именно эта группа представляет собой наиболее пассионарный компонент ИГ в идеологическом, политическом и военном отношении.

Собственно, именно полевые командиры Исламского государства оказывают решающее воздействие на каждодневную реальную власть на контролируемых территориях. Особенно с учётом того, что в условиях сочетания иерархического и сетевого принципов построения организации процессы принятия решений в ИГ идут одновременно и сверху вниз, и снизу вверх.

Третий уровень в Исламском государстве — это возрастающая массовая социальная поддержка. Причём такая поддержка усиливается не только в самой Сирии и Ираке, но и на всём Ближнем Востоке, в исламском мире. Всё это заставляет вновь акцентировать внимание на некоторых особенностях ДАИШ, которые выкристаллизовались в результате соединения идеологии радикального джихадизма и специфического опыта саддамовских мухабрат.

Прежде всего, речь идёт о креативном использовании технологий сетецентричных войн. Например, весной 2015 года американцы объявили о ликвидации заместителя лидера ИГ Абдель Рахмана Мустафы аль-Кадули, а также о серьёзном ранении самого халифа Абу Бакра аль-Багдади. Однако даже если эти события действительно имели место, никакого серьёзного и немедленного воздействия на боеспособность ИГ они оказать не могли (дальнейшие события это, собственно, и подтвердили). В рамках сетецентричных войн даже физическая ликвидация лидера или его заместителя на эффективность проводимых такой организацией мероприятий и боевых операций серьёзно не влияет.

Важное место в модели сетецентричных войн ИГ занимает технология формирования и развёртывания агентурных сетей, прежде всего на идеологической основе. ДАИШ имеет, с высокой долей вероятности, наиболее

разветвлённую агентурную сеть на Ближнем Востоке с тенденцией её расширения в другие геополитические зоны.

Постепенно, в самом начале, формируется сеть добровольных симпатизантов и информаторов, которые только собирают необходимую информацию, прежде всего о представителях властных структур противника, военных и служб безопасности, представителях социальных слоев, кланов и племен, враждебно настроенных в отношении ДАИШ, массовой вражеской агентуре и т.д. Такая информация даёт возможность практически сразу нанести решительный удар по агентурной сети противника, как это произошло весной 2015 года в Рамади и Пальмире, и не допустить развёртывания диверсионно-партизанских действий в тылу ДАИШ.

Далее, на следующем этапе, в работе в глубоком подполье, как это происходит в настоящее время в Багдаде, на территории Саудовской Аравии и Иордании, на основе сети идеологически мотивированных информаторов появляется возможность приступить к формированию отдельных ячеек и групп, способных к единичным диверсионно-партизанским действиям с целью критической социально-политической дестабилизации.

На третьем этапе такие ячейки постепенно начинают воссоединяться в некие общие субрегиональные или национальные сети.

Весной 2015 года «Аль-Джазира» провела опрос своей телеаудитории, и обнаружилось, что почти 70 процентов зрителей (скорее всего, только арабоязычного канала) одобряют цели ДАИШ. По отдельным арабским странам эта цифра временами может достигать 90–95 процентов. В закрытом режиме Исламское государство поддерживает значительное число суннитских, прежде всего, арабских элит. Во всяком случае, именно финансовые потоки этих элитных групп составляют одну из основных, а может быть, и основную статью доходной части бюджета ИГ.

Осенью 2014 года тогдашний саудовский министр иностранных дел принц Сауд аль-Фейсал заявил госсекретарю Джону Керри: «ИГИЛ — это наш ответ на вашу поддержку партии «Даваа» (в тот момент правящая радикальная шиитская партия в Ираке)». Причём под «нашим ответом» имелся ввиду не столько саудовский, сколько общесуннитский ответ. В целом ряде стран исламского мира ИГ уже воспринимается как ведущий политический субъект суннитского большинства.

К августу 2015 года Исламское государство контролировало почти 45% территории Сирии и около 35 процентов Ирака — с общим населением от 8 до 10 миллионов человек. На захваченных территориях форсированно создавались или воссоздавались органы территориального управления, вводились единые шариатские нормы поведения, жёстко истреблялись представители всех враждебных или нелояльных групп населения. Соответствующую ин-

формацию предоставляла агентурная сеть. Уничтожались также криминальные банды грабителей и бандитов, а конкурирующие экстремистские группировки либо приводились к покорности, либо также ликвидировались.

Между прочим, в Сирии изначально главной целью ИГ было не свержение режима Асада, а именно формирование своего особого государства. Как известно, реализация идеи панарабского единства, как она формулировалась в партийных документах БААС, должна была начаться первоначально именно через объединение Ирака с Сирией, в том числе и через консолидацию партийных баасистских структур обеих стран.

На всём этом захваченном пространстве ИГ контролирует и управляет многочисленными нефтяными и газовыми объектами, электростанциями, другими действующими экономическими предприятиями, банками, продолжает получать субсидии от своих различных внешних сторонников. Экономика этих территорий постепенно начинает работать на новые госструктуры Халифата, обеспечивая товарное заполнение рынков и налоговые поступления. Хотя пока денежной единицей на территории Халифата остаются доллар и существующие национальные денежные единицы, планируется уже в 2016 году ввести в обращение свою валюту — динары и дирхемы.

Основное внимание в рамках текущего государственного строительства уделяется восстановлению и формированию традиционной мусульманской социальной инфраструктуры: выступая за справедливое распределение ресурсов, ИГ строит госпитали, новые дороги, школы, улучшает транспортное сообщение. Там, где это возможно, ДАИШ стремится восстановить управленческую инфраструктуру, чтобы все государственные учреждения, ответственные за социальное жизнеобеспечение, бесперебойно функционировали, а чиновники дисциплинированно выходили на работу.

Социальная жизнь на территориях, подконтрольных ДАИШ, строится в соответствии с законами и нормами шариата. Ворам отрубает руки, неверных жён забивают камнями, пьяниц и прелюбодеев секут плетью, наркодилерам отрезают головы, а гомосексуалистов сбрасывают с крыш многоэтажных домов. Наряды религиозной полиции — «хизба» — разъезжают по населённым пунктам и следят за сохранением справедливых цен и соблюдением норм шариата. Повсеместно действуют шариатские судебные и исполнительные органы.

Внутренняя политика ИГ основана на принципах и нормах социальной справедливости, социальной солидарности с малоимущими и бедными, на необходимости развития самоорганизации общества на традиционных исламских началах. Особенно большое внимание уделяется широкомасштабной социальной деятельности, включая предоставление продовольственных пайков и медицинских услуг нуждающимся, содействие в получении обра-

зования, реализацию исламского правосудия и исламского порядка. Всё это обеспечивает исламским радикалам значительную поддержку населения. Локальное, местное сопротивление в отношении ДАИШ практически отсутствует.

Политику стимулирования социальной поддержки руководство ИГ проводит одновременно в разных направлениях. Это и непосредственная адресная поддержка обездоленных слоёв населения, например, массовая раздача продовольствия и лекарств, предоставление медицинской помощи, как это произошло сразу после захвата Пальмиры. Это и разветвлённая, широко-масштабная религиозно-идеологическая работа. Это и воссоздание государственных структур жизнеобеспечения. Это и существенные меры по обеспечению социальной справедливости на подконтрольных территориях.

ИГ предпринимает и специальные усилия, чтобы завоевать лояльность населения того или иного города. Например, после захвата Рамади, административного центра иракской провинции Анбар, из городской тюрьмы были сразу же освобождены узники — 70 мужчин и 30 женщин. У большинства из них охранниками были прострелены ноги, чтобы они не могли бежать. Были сразу же выпущены на свободу многие жители города, задержанные полицией по ложным обвинениям в терроризме, с которых требовали крупные взятки за возможное освобождение.

В январе 2015 года руководство ДАИШ официально заявило, что бюджет Исламского государства составит на текущий год более 2 миллиардов долларов. Главная цель раскрытия такой цифры в условиях резкого падения цен на нефть заключалась в публичной демонстрации всему миру, что долгосрочный проект Исламское государство при наличии таких влиятельных и финансово обеспеченных союзников в исламском мире в принципе не может обанкротиться.

Идеология и политическая стратегия

Исламское государство с середины 2014 года проявило себя как мощная, волевая идеологическая сила, переводя идеи Халифата из только исторической сферы в максимально практическую плоскость. ДАИШ — это эффективный политико-идеологический феномен не только на Большом Ближнем Востоке, но, возможно, во всём мире.

Ключевым критерием действительно успешной политической идеологии в любой части земного шара является широкомасштабное развёртывание проекта «общего дела», постоянно согласуемого с большинством соответствующего социума. И это не только и не столько историко-пропагандистское обоснование «общего дела» для максимально широких слоёв населения, но и выдвижение и обоснование тех практических механизмов и технологий, при

помощи которых сотни тысяч и миллионы людей оказываются способными непосредственно лично участвовать в реализации такого «общего дела».

Таков, например, идеологический смысл призыва Абу Бакра аль-Багдади к мусульманам из других стран ехать в Ирак и Сирию, чтобы именно совместно строить Халифат. При этом он особо подчёркивает, что эмиграция в ИГ — религиозный долг всех мусульман мира. К середине 2015 года в Исламское государство сознательно переехали представители более 100 стран мира.

В рамках идеологии ДАИШ Халифат это отнюдь не государство в западном понимании. Халифат есть политическое воплощение уммы как принципиально новой социальной реальности. Поэтому, с одной стороны, такая идеология придаёт реальный смысл жизни для мусульманской личности, оказывает и будет оказывать возрастающее влияние на миллионы прежде всего молодых людей во всём исламском мире. Концепция Халифата, создающаяся всеми мусульманами и объединяющая на практике сакральные, социальные и политические смыслы уммы, становится закономерным полюсом системного притяжения. Но, с другой стороны, такая идеология жёстко противопоставляет мусульманский мир остальной человеческой цивилизации.

Провозглашение Халифата — это и глубоко символическая акция ИГ против соглашения Сайкса-Пико, против раздела арабского региона, который сто лет назад осуществил Запад. Как известно, соглашение Сайкса-Пико противоречило негласным договорённостям с тогдашними арабскими лидерами, которым Европа обещала независимое арабское государство со столицей в Дамаске в обмен на поддержку борьбы против османов. Для ДАИШ публичное не только на словах, но и на деле отвержение соглашения Сайкса-Пико крайне выгодно, так как это добавляет мотивации его бойцам, считающих себя и мстителями за историческую несправедливость, и законными наследниками Халифата после Османского государства.

Неожиданное форсированное преобразование ИГИЛ в Исламское государство, в Халифат на практике подразумевает объявление «джихада» всем светским элементам Запада в мусульманском мире. Это означает, что реальность цивилизационного конфликта между исламским миром и Западом переходит в сферу конкретного политико-силового противостояния, по крайней мере на пространствах Большого Ближнего Востока.

С другой стороны, появление действительного Исламского государства, Халифата, означает, что подспудная ненависть десятков и сотен миллионов мусульман к Западу способна канализироваться с непредсказуемыми политическими последствиями уже в среднесрочной перспективе.

Провозглашение Халифата в глобальном идеологическом контексте означает для исламского мышления и для всего исламского мира стратегический вызов самому факту бессмысленного существования западной материалистической цивилизации. Ведь Халифат является для очень многих мусульман ясным выразителем принципиально новой в человеческой истории социальной общности — уммы, в рамках которой, собственно, и происходил мистический процесс общечеловеческого, группового и личностного жизненного смыслообразования.

Почему миллионы и десятки миллионов людей, и не только в исламском мире, поддерживают радикальные и ультрарадикальные идеологические воззрения ДАИШ, несмотря на мощную глобальную контрпропаганду? Причём такое влияние проявляется не только на уровне «мусульманской улицы», но и на уровне элит. Например, даже министры Чада приезжали, чтобы послушать проповеди Мухаммада Юсуфа, популярного в регионе лидера «Боко Харам» — союзника ДАИШ.

Но есть и более примечательный пример. Многие влиятельные политические элитные группы и кланы арабских стран Залива не только финансово помогают ДАИШ, но и устанавливают с представителями его высшего руководства конфиденциальные связи.

Причина такого политико-идеологического воздействия ДАИШ заключается в том, что ИГ, осознанно или неосознанно, воспринимается в исламском мире как возможно единственная альтернатива надвигающемуся глобальному и региональному хаосу, развивающейся системной энтропии, как религиозное воплощение политической воли и всеобщего справедливого порядка, как соединение различных временных компонентов исторического исламского сознания.

Поэтому и командующий американскими оперативными силами на Ближнем Востоке генерал-майор Майкл Нагата и генерал Джон Аллен, который в 2014 году возглавил международную коалицию против ДАИШ, отмечают, что на Западе идеология ИГ не воспринимается как предельно опасная стратегическая угроза. Но, по мнению генералов, именно идеологическая делегитимизация ДАИШ становится критически важной во всех попытках нанести ему серьёзное поражение.

Что касается пропагандистской деятельности, которая обслуживает эту идеологию, то здесь явно доминирует стратегический, научный подход: ДАИШ имеет специальное управление, которое системно занимается такой деятельностью. У ИГ есть собственный и уже достаточно раскрученный журнал «Дабик», видеостудия, веб-мастеры, маркетинговые группы, группы хакеров, опыт эффективного использования не только СМИ, но и СМК, социальных сетей и т.д. Более того, ДАИШ обладает опытным профессио-

нальным кадровым потенциалом в этой сфере. Причём по этому показателю они явно опередили баасистов.

Эти талантливые пропагандистские кадры производят простую и понятную пропагандистскую продукцию, воздерживаясь от абстрактных, сложных и непонятных для больших социальных групп идей, используя для эффективного воздействия на коллективное бессознательное масс максимально простых представлений, методики повторения бинарных и миметических принципов. Такие пропагандистские методы и технологии позволяют эффективно воздействовать на коллективное и индивидуальное бессознательное максимально широких масс населения.

Например, соответствующее идеологическое управление ДАИШ публикует «ежегодные отчёты» о своих действиях, военных победах, убийствах и финансовых поступлениях подобно крупной международной компании, которая выпускает отчётность в Excel и PowerPoint. Так, в июне 2014 года Исламское государство обнародовало прекрасно составленный 400-страничный документ с множеством визуальных и матричных материалов, подтверждающих приведённые цифры. В этом документе ДАИШ отчитывается по количеству казней, сожжённых домов и терактов с участием смертников за 2013 год. Рисунки, иллюстрации и схемы рассказывают о «более 10 тысячах боевых операций в Ираке», «казни 1083 противников» (вдвое больше, чем годом ранее), «сожжении и уничтожении 1015 домов», «238 операциях со смертниками», «подрыве 4 тысяч взрывных устройств на дорогах», «освобождении сотен» сидевших в тюрьме исламистов.

Доклад этот был массово «распропагандирован» в мировых СМИ, и это, кстати, являлось одной из главных рефлексивных пропагандистских целей ИГ. Скрытая задача пропаганды этого документа заключалась в том, чтобы расширить глобальную бессознательную панику среди западных обывателей, завербовать новые кадры, запугать врагов и подтолкнуть новых потенциальных спонсоров к продолжению финансирования джихада против крестоносцев, шиитов и прочих врагов Исламского государства. Долгосрочную военно-политическую стратегию ДАИШ можно условно назвать «подталкиванием большой общеисламской революции». И это очень напоминает стратегию пророка Мухаммада, направленную на стимулирование социальных революционных настроений в среде племён и стран, противостоящих начальному исламу.

Долгосрочная военно-политическая стратегия ИГ включает в себя несколько важных компонентов. Во-первых, системная пропаганда образа особой новой социально-политической общности на основе принципов социальной справедливости, социальной солидарности и социальной ответственности. Во-вторых, особое внимание уделяется не столько захвату и

удержанию территорий, сколько тотальной, долгосрочной деморализации противника — его вооружённых сил, его руководства, тех групп населения, которые его поддерживают. То есть речь идёт о том, чтобы существенно подтолкнуть систему острейших социально и политико-идеологических противоречий, тлеющую во многих арабских странах, и заставить её открыто проявиться на поверхности политической конфронтации. Другими словами, речь идёт о «целенаправленном подталкивании общеарабской революции».

В рамках такой стратегии крайне важными в политико-психологическом плане являются постоянные активные наступательные действия боевых подразделений ИГ, которые предполагают нанесение быстрых и неожиданных контрударов с гибким маневрированием при этом имеющимися силами. Проведение таких комбинированных операций в условиях отсутствия преимущества в тяжёлой технике и авиации требует от военного командования ДАИШ очень чёткой штабной координации и отработанных систем связи. Кроме того, такая демонстрация наступательной воли, в свою очередь, обеспечивает постоянный приток в ряды группировки новых опытных кадров, прежде всего подготовленных в военном отношении.

Военное строительство и военная тактика

Исламское государство фактически уже сформировало специфическую кадровую армию для ведения «гибридной войны», численность которой, по мнению большинства экспертов, составляет от 70 до 90 тысяч бойцов, хотя другие оценки варьируются от 30 до 200 тысяч личного состава. У этой армии на вооружении находятся разнообразное ракетное оружие, бронетехника, включая самые современные танки, дальнобойные орудия, в том числе 155-мм гаубицы М1998, более 800 крупнокалиберных и зенитных пулемётов.

Пять особо важных факторов обусловили заметные военные успехи Исламского государства в течение 2014–2015 гг.

Во-первых, руководство ДАИШ сформировало свой эффективный специализированный военный совет, своего рода генштаб, куда входят от 8 до 13 высших офицеров. Исламское государство обладает одной из лучших на Ближнем Востоке внешней разведкой и успешной контрразведкой.

Во-вторых, налицо наличие высокого морального духа и инициативности офицеров и бойцов ИГ. Этому в значительной степени способствует децентрализация структуры военного командования, когда решения в непосредственной боевой ситуации принимают сами мобильные боевые группы.

В-третьих, большой накопленный военный опыт. Значительная часть командного состава боевых подразделений ДАИШ постоянно находится в со-

стоянии непрерывных военных боевых действий в течение нескольких лет. А ещё великий китайский стратег Сунь Цзы учил: «Очень трудно победить ту силу, которая постоянно воюет».

В-четвёртых, военное командование ИГ эффективно использует и комбинирует в рамках единой тактической модели три взаимосвязанные технологии: предварительная информационная и психологическая деморализация противника, использование нетрадиционных методов войны с давлением на внутренние слабости противника и конвенциональные военные действия после достижения военного перевеса.

ДАИШ очень часто сочетал в 2014–2015 гг. стратегическую выдержку, способность планировать сложные комплексные операции одновременно в Сирии и Ираке, которые представляют своего рода многослойную гибридную войну, включающую использование разветвлённых приёмов терроризма, городской партизанской войны, подрывной информационно-психологической войны и традиционных методов конвенциональной войны. Тем самым достигалась и системность стратегических, оперативных и тактических уровней ведения военно-силовых действий.

Коалиционный потенциал

Религиозно-идеологическое руководство ДАИШ стремится создать некую общую согласованную догматическую интерпретацию ислама и на этой основе постепенно консолидировать различные группы и организации радикальных моджахедов, несмотря на наличие традиционной конкуренции в их рядах.

В то же время лидеры ИГ проявляют особую политико-идеологическую гибкость, налаживая союзнические отношения с представителями многих других суннитских групп. Речь идёт не только об активном взаимодействии с баасистами. Целый ряд бывших старших офицеров армии и силовых структур С.Хусейна, видных функционеров партии БААС находятся среди «высокопоставленных советников» руководства ДАИШ. Помимо таких прочных связей ИГ с баасистами, представители руководства ИГ активно и небезуспешно пытаются выстраивать отношения с племенными лидерами и с суфийскими военными формированиями. И это приносит свои политические плоды. Менее чем за год ДАИШ превратился в самый крупный исламский суннитский радикальный центр на планете, когда различные экстремистские группировки постепенно превращаются в филиалы ИГ.

Но ситуация в плане выстраивания отношений между более крупными «региональными» группировками, например, ДАИШ и «Аль-Каида» Магриба (АКИМ), представляется более сложной задачей. Например, в Ираке

и Сирии их представители периодически сражаются между собой. Казалось бы, их «вражду» усиливают также теологические и идеологические различия, в частности, противоречия в интерпретации шариатских норм. Так, например, АКИМ не признаёт многие «нововведения» ИГ, введенные им в регулирование общественно-семейной жизни.

Но, несмотря на теологические и идеологические дискуссии, конкретные факты говорят о развитии практического взаимодействия. Например, ИГ, захватив золотовалютные резервы Центрального банка Сирии в городе Ракка, передало АКИМ значительную часть захваченной суммы «для финансирования её операций в северной части Мали». Нечто подобное произошло и после захвата Мосула в Ираке.

Таким образом, прежняя вражда между группами радикальных исламистов всё чаще (но не всегда) уступает место взаимодействию и сотрудничеству в борьбе против общего противника. В особенности это касается рядового состава данных организаций. Речь идёт, прежде всего, о борьбе против светских режимов в регионе. При этом даже многие бойцы просаудовских исламистских формирований, казалось бы, враждующих с ИГ, особенно рядовых, разделяют идеи относительно необходимости свержения «продажных прозападных режимов».

Один из признанных духовных вождей современного салафизма, Абу Мухаммад аль-Макдиси, также как и другой джихадистский авторитет — Абу Катада, поддерживают Джабхат ан-Нусра и традиционную «Аль-Каиду» в их религиозных спорах с ДАИШ. Макдиси, духовный наставник Заркауи, вступил в яростные теологические дебаты с алимами ИГ и резко выступил против провозглашения Халифата и объявления Багдади халифом. В ответ он сам был обвинён в ереси и богохульстве. Тем не менее, тот же Макдиси публично заявил, например, что если он будет поставлен перед выбором — поддержать американскую интервенцию или ДАИШ, то он, безусловно, поддержит Исламское государство. То же самое наверняка сделают большинство традиционных салафитских шейхов и имамов.

Маневренная военно-дипломатическая коалиционная тактика активно используется в конкретных боевых условиях. Например, военное руководство ИГ в рамках весенней операции по захвату Идлиба добровольно уступило инициативу и не стало противодействовать просаудовским группировкам, что обеспечило последним пятьдесят процентов успеха. В свою очередь, это позволило ИГ перебросить силы из Сирии под Рамади, а после его взятия — часть подразделений обратно в Сирию под Пальмиру.

Более того, в этот же период ДАИШ пошёл на тактическую активизацию боевых действий в палестинском лагере Ярмук в Дамаске, что объективно отвлекло внимание сирийского военного командования от Идлиба. Всё это

существенно способствовало успеху «Джейш аль-фатх», которую активно поддерживают Анкара и Эр-Рияд.

Такого рода коалиционные маневры дали возможность ИГ достичь трёх по крайней мере важных тактических целей.

Во-первых, отвлечь внимание Дамаска от Пальмиры, так как ситуация в Идлибе потребовала от командования сирийской армии перебросить в этот район все свои элитные части («Тигры», «Соколы пустыни» и часть 106-й бригады Республиканской гвардии).

Во-вторых, укрепить конфиденциальные связи между спецслужбами ДАИШ и «Джейш аль-Фатх».

В-третьих, продемонстрировать своим союзникам в Дамаске политико-военный потенциал Исламского государства.

Противоречия внутри западного истеблишмента в связи с фактором ДАИШ

Внезапно появившееся и быстро набравшее вес и силу Исламское государство становится причиной серьёзного обострения отношений внутри высшего западного политического истеблишмента. С одной стороны, часть этой элиты считает ДАИШ серьёзнейшей долгосрочной угрозой Западу, которую необходимо как можно быстрее уничтожить, используя все возможные средства. В русле этого тренда в западных СМИ активно демонстрируется и подчёркивается «варварский, звериный лик» ИГ, его жестокое, кровавое отношение к немусульманам, его вандализм и нетерпимость, невозможность с ним договариваться и т.д. Представители данной части западного истеблишмента настаивают на проведении максимально жёсткой силовой политики в отношении ДАИШ.

В этом смысле типичными можно считать рекомендации представителя Совета по международным отношениям (важного компонента американской внешнеполитической элиты) Макса Бута. Он считает, что надо направить в зону боевых действий 30 тыс. американских войск, установить бесполётную зону в Сирии, максимально вовлечь Турцию в проведение широкомасштабной наземной операции, эффективно объединить против ДАИШ курдов, шиитов и суннитов, настроенных оппозиционно к ИГ, расширить массированные военные налёты на территории, контролируемые Исламским государством.

Другое направление, представленное, прежде всего, в военно-разведывательном сообществе США, исходит из того, что ИГ — это такой долгоиграющий фактор, который уже невозможно уничтожить в обозримой перспективе. Поэтому с ним надо считаться, с ним надо работать, в том числе и для стратегического сдерживания Тегерана, исходя из жизненно важных ин-

тересов Соединённых Штатов на Большом Ближнем Востоке. С учётом этих моментов генерал-лейтенант ВВС США Дэвид Дептула предлагает очень осторожно использовать точечные военные бомбардировки против руководства ДАИШ, его экономических и военных центров.

Военно-разведывательное сообщество США исходит из того, что к осени 2014 года установился относительно приемлемый для американских интересов баланс сил между потенциалами шиитов и курдов в регионе, с одной стороны, и ДАИШ, с другой. Кроме того, внимание ИГ отвлекается на внутренние противоречия внутри суннитского сообщества. Всё это ограничивает возможности для дальнейшей экспансии ДАИШ, которая могла бы стать угрозой для США.

Отражением этих взглядов стало то, что во влиятельном журнале *Foreign Policy*, выражающем, прежде всего, интересы американских «реалистов-силовики», стали появляться публикации, где говорилось о том, что в американском медиапространстве доминирует целенаправленное шельмование ИГ, прямое искажение и фальсификация характера и масштабов его деятельности.

Две эти тенденции в отношении ИГ в западном политическом истеблишменте достаточно жёстко столкнулись и между ними продолжается невидимая, но ожесточённая борьба. Тем не менее можно даже не прогнозировать, а постулировать, что уже в среднесрочной перспективе Исламское государство будет восприниматься и интерпретироваться в американской элите именно как главная глобальная и стратегическая угроза. Собственно, такой тренд уже проявляется. Барак Обама в конце 2014 года публично заявил, что жизненно важные интересы США сталкиваются с тремя ключевыми угрозами — Исламское государство, пандемия Эболы, Россия. Причём угроза ИГ оказывается на первом месте, несмотря даже на мощный ядерный потенциал России.

Девять факторов обуславливают особую значимость такой экзистенциальной опасности ДАИШ для США.

Во-первых, Исламское государство является для высшей американской элиты долговременной, цивилизационной и идеологической угрозой, с которой невозможно, в принципе, найти компромисса. То есть это прямое, непосредственное противостояние «или-или». Ведь, например, ДАИШ, в отличие от «Аль-Каиды», не только декларирует превосходство исламской цивилизации по сравнению с западной, но и постоянно и всячески это демонстрирует. Идеологи ИГ подчёркивают, что лидером современной материалистической богоборческой цивилизации являются именно США.

Во-вторых, потенциально Исламское государство, в силу своего антиамериканизма, имеет огромную социальную поддержку своих целей и своей

идеологии не только в суннитской среде планеты, но и в самом западном обществе, где антиамериканские настроения усиливаются в самых разных слоях социума.

В-третьих, ДАИШ — единственная структура в исламском мире, которая обладает системным долгосрочным политическим проектом, который привлекателен и понятен для сотен миллионов человек. А, например, Россия альтернативным глобальным политическим проектом похвастаться не может. Хотя Китай пытается сформулировать свой такой долгосрочный проект, но даже внутри высшего китайского руководства по этому поводу нарастают всё более явственные и острые противоречия.

В-четвёртых, Соединённые Штаты, при всей своей политической, пропагандистской и интеллектуальной мощи, проигрывают идеологическую и информационную войну с Исламским государством. Это открыто признают даже ведущие аналитики и стратеги военно-разведывательного сообщества Соединённых Штатов.

В-пятых, именно ИГ является, по мнению официального Вашингтона, главной силой, которая подрывает существующий западный мировой порядок. И в этом отношении ДАИШ гораздо более опасен, чем Россия и Китай. Исламское государство — это символ бескомпромиссного врага западного мироустройства. [1]

В-шестых, внутри России, которая сейчас открыто противостоит США, американцы имеют разветвлённую агентурную сеть, значительное число своих высокопоставленных «агентов влияния», целые социальные группы, которые ведут потребительский образ жизни, прямо или косвенно симпатизируют западным стандартам. Внутри же ИГ США не имеют действенной агентуры, а, соответственно, обладают весьма зыбкой первичной информацией о происходящих там процессах. Это ещё больше усиливает у военно-разведывательной элиты Америки стратегические опасения.

В-седьмых, ДАИШ возглавляют и в его структурах работают тысячи руководителей и сотрудников бывших саддамовских мухабрат, и прежде всего, высокопоставленные представители партийной разведки — по определению убеждённые, принципиальные враги США. Офицерский корпус саддамовских мухабрат (эта система безопасности ещё в конце 90-х годов включала в себя девять спецслужб) в сотрудничестве с американскими оккупационными властями практически не участвовал.

В-восьмых, США не готовы к длительной, широкомасштабной военной конфронтации с ДАИШ с использованием своих сухопутных сил в силу целого ряда стратегических, политических, социальных, геополитических, идеологических и других причин. А бомбардировки, на которые американцы уже потратили десятки миллиардов долларов, военную ситуацию

никак кардинально развернуть не могут. Как признают американские высокопоставленные аналитики: «...у США нет военных вариантов борьбы с ИГИЛ. Ни антитеррористические операции, ни стратегия противодействия повстанческим выступлениям, ни полномасштабные военные действия не позволят одержать решительную победу». Многие представители военно-разведывательного комплекса США прямо признают, что к концу августа 2015 года ДАИШ более силен, чем год назад, несмотря на проведенные тысячи бомбовых вылетов.

В-девярых, фактически высший американский истеблишмент не знает даже в интеллектуальном плане, что делать с ИГ в долгосрочной перспективе. Против ИГ Вашингтон вынужден использовать т.н. стратегию «наступательного сдерживания». Как пишет один из известных аналитиков военно-разведывательного сообщества США: «По крайней мере, ещё какое-то время наиболее действенной политикой, отвечающей нашим целям и средствам и имеющей самые высокие шансы защитить наши интересы, останется «наступательное сдерживание» — сочетание ограниченной военной кампании с серьёзными дипломатическими и экономическими усилиями для ослабления ИГИЛ и согласования интересов многих стран, которым угрожает наступление этой группировки».

ДАИШ и Центральная Азия

Исламское государство в январе 2015 года объявило о переносе боевых действий в страны Центральной Азии. Такой шаг и последующие события за прошедшие месяцы только подтверждают, что данное действие в значительной степени является стратегической пропагандистской и пиар-акцией. В ближайшие годы ДАИШ не может перейти к широкомасштабной экспансии, в том числе и в Центральной Азии, пока не будут достигнуты кардинальные изменения в отношении трёх ключевых региональных целей — в Сирии, Иордании и Саудовской Аравии.

Смарт-стратегия ИГ исходит из того, что дестабилизация внутренней социально-экономической ситуации (на фоне обездоленности широких народных масс, коррупционного произвола, массовых репрессий в обществе, обострения межклановых противоречий и т.д.) должна достигнуть такой качественной степени, при которой рано или поздно сформируются местные пассионарные группы, способные целенаправленно вести вооружённую борьбу. Только в таком случае ДАИШ может приступить к предоставлению информационно-идеологической, пропагандистской, консультативной, финансовой, политико-силовой поддержки местным моджахедам. Это не означает, что руководство ИГ отказывается от соответствующего политического прогнозирования и планирования. Во-первых, исходя из накопленного опы-

та, ДАИШ должна приступить к формированию своей агентурной сети в этом регионе. Главная задача соответствующих ячеек — сбор информации, мониторинг текущей ситуации, постепенное формирование горизонтальной сети по принципу «от родственника к родственнику, от соседа к соседу», постепенное внедрение в силовые институты.

Во-вторых, определение иерархии стратегических целей. Геополитическое понятие «Центральная Азия» включает и Афганистан, где ДАИШ только приступил к наращиванию своего присутствия. Самым слабым звеном в Центральноазиатском регионе является Таджикистан. Затем идут Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Казахстан. Значительная часть так называемых элит этих постсоветских стран (прежде всего, Кыргызстана и Таджикистана) в той или иной мере интегрирована в евразийскую нарко-систему. Степень критической бедности в Таджикистане, Киргизии и Узбекистане достигает 80–85 процентов: уровень доходов на душу населения на многих, прежде всего сельских, территориях этих стран не превышает 50 долларов в месяц.

В-третьих, потенциальной социальной базой наступления на постсоветскую Центральную Азию могут стать мигранты в странах Аравийского полуострова. Там в настоящее время могут находиться от 700 до 900 тысяч граждан Узбекистана и более полумиллиона выходцев из Таджикистана. Значительная часть таких трудовых мигрантов по определению уже восприимчива к религиозному радикализму.

В-четвёртых, ДАИШ и другие радикальные джихадистские структуры поддерживаются и подпитываются двумя основными социальными группами. С одной стороны, это количественно увеличивающиеся социально обездоленные слои с крайне высоким уровнем безработицы и отсутствием каких-либо перспектив на улучшение своего социально-экономического положения. С другой стороны, это многочисленные представители городских средних и образованных слоёв населения, для которых всё более острой становится проблема смысла жизни. В постсоветской Средней Азии и тех и других вполне достаточно. Поэтому мобилизационный потенциал для быстрого распространения джихадистского движения здесь очень высок [2]. В своей пропаганде на среднеазиатское население ДАИШ делает упор на жертвы среди гражданского населения от рук правительственных сил в Сирии и Ираке. Далее акцент делается на то, что выходцы из Центральной Азии «должны присоединиться к тому, что считают легитимным сопротивлением против деспотических режимов». Выражение этой идеи является чрезвычайно важным для ИГ, поскольку это помогает группировке «создать своего рода долгосрочный позитивный имидж среди потенциальных новобранцев в Центральной Азии».

В-пятых, для руководства ДАИШ не секрет, что в регионе среди населения крайне низок авторитет властей этих государств, погрязших в коррупции и межклановых склоках. Особенно актуальна данная проблема для двух стран. Речь идёт, прежде всего, об Узбекистане, чья властная элита пребывает в состоянии раскола. Сложнейшая ситуация в этом отношении складывается и в Таджикистане. Президент Рахмон, окружённый выходцами только из своего родного Кулябского района, всё больше и больше отчуждается от реалий своего общества.

В-шестых, под очень большим вопросом находится компетентность местных силовиков для борьбы с принципиально новыми вызовами. Коррупцированные силы безопасности правящих режимов, активно занимающиеся переделом экономических ресурсов, неоднократно демонстрировали свою неспособность действительно бороться с действующими там отрядами оппозиции. Например, в городах страны, в том числе и в самом Ташкенте, неоднократно неизвестные вывешивают в открытом доступе чёрные флаги «джихада» в поддержку ИГ.

В этих условиях страны региона рискуют уже в ближайшее время получить «критическую массу» недовольных. Не случайно, что уже в ходе саммита СНГ 10 октября 2014 г. президент Таджикистана Эмомали Рахмон запросил помощи у Москвы в борьбе с ИГ и повышения координации спецслужб для парирования данного вызова. Особенно с учётом того, что в северном Афганистане на границе с Таджикистаном и Туркменистаном всё заметнее присутствие группировок, которые соотносят себя с ИГИЛ. Например, религиозные экстремисты, обосновавшиеся в афганском Бадахшане, также присягнули на верность Исламскому государству, заменив свои прежние флаги на чёрный стяг ДАИШ. Осенью на таджикской границе располагаются до семи тысяч, а на туркменской — порядка трёх тысяч боевиков. Афганские провинции Кундуз, Баглан, Сари-Пуль, Фарьяб, Джузджан стали местом скопления радикальных джихадистов из Таджикистана, Узбекистана, Северного Кавказа, Саудовской Аравии и Пакистана. По всей видимости, именно по этой причине Владимир Путин в начале саммита членов Организации договора о коллективной безопасности в Москве в декабре 2014 года заявил: «Приоритетное значение необходимо отдать таджико-афганской границе и оказать финансовую и техническую помощь Таджикистану с целью модернизации его вооружённых сил».

Уже в настоящее время на своей военной базе в Таджикистане Россия разместила беспилотники «Застава», «Гранат» и «Лир». Эти самолёты спроектированы для выполнения разведывательных полётов в любое время суток, способны вести аэрофотосъёмку, улавливать источники радиоволн и при необходимости выполнять штурмовые операции. Помимо этого в рам-

ках вооружения и оснащения вооружённых сил Таджикистана Россия разместила на территории находящейся там базы 201-й мотострелковой дивизии ракетные установки «Град», танки Т-72 и учебное оборудование для отработки прицельной стрельбы, а также приступила к подготовке отрядов снайперов. Проблема, однако, в том, что чисто военными средствами и методами кардинально сломить тенденцию усиления системных угроз региону уже не удастся. Продуманная целостная стратегия Москвы по защите своих интересов в Центральной Азии отсутствует. Тем не менее лидеры стран этого региона, понимая, что надеяться на Пекин и Вашингтон практически нельзя, почти открыто прикрываются российским заступничеством.

Логично предположить, что именно на постепенное и долгосрочное втягивание России в многочисленные силовые кризисы и вооружённые конфликты в геополитическом пространстве исламского мира и делается решающаяся ставка многими опытными глобальными игроками. Цель та же, какой она была в отношении Советского Союза во второй половине 70-х годов XX века — максимально истощить внутренний потенциал, вызвать саморазвивающуюся внутреннюю социально-экономическую дестабилизацию и постепенную фрагментацию страны.

Таким образом, в среднесрочной и долгосрочной перспективе террористическая деятельность ДАИШ, как на территории Большого Ближнего Востока, так в Южной и Юго-Западной Азии (Индия, Пакистан, Афганистан) и в Центральной Азии представляет собой не только стратегический вызов человечеству но и серьезную угрозу национальной безопасности Российской Федерации, которую необходимо постоянно учитывать при планировании ответных действий российских уполномоченных органов и организаций деятельности ДАИШ.

При подготовке данного доклада автор использовал материалы опубликованного доклада к.ф.н., Президента центра стратегических исследований «Россия-Исламский мир) Ш.З. Султанова см. <http://politobzor.net/show-75846-sultanov-daish-strategiskiy-vyzov-zapadnoy=civilizacii.html>

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОРУЖИЕ. ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

1. Организационное оружие

В последние десятилетия в тех или иных регионах мира наблюдается применение новых или усовершенствованных технологий организационного оружия (оргоружия). Виды применения оргоружия в литературе и СМИ называются по-разному:

В дальнейшем за основу будет взято определение д.ф.н., профессора И.Ю. Сундиева, согласно которому **организационное оружие (оргоружие)** есть “способ активации патологической системы внутри функциональной системы государства-мишени, при котором патологическая система для своего развития поглощает ресурсы носителя. Характерной особенностью патологической системы (применения организационного оружия) [...] является то, что она воздействует на функциональную систему общества, в первую очередь, «извне», с иерархически «вышележащего» (властного) уровня системной организации. [...] Деструкция, как действие организационного оружия, направлена на достижение результатов, находящихся в «системе ценностей» инициатора применения данного оружия”¹. Поскольку термин «оружие» рассматривается в качестве обозначения всех устройств и средств, применяемых с целью уничтожения живой силы противника и его промышленного потенциала, а в еще более широком смысле — нанесения ему урона, то сам термин «оружие» в данном случае можно считать умест-

¹ Организационное оружие: функциональный генезис и основные направления использования в современной истории России / И. Ю. Сундиев // Экономические стратегии. — 2013. — № 6. — С. 26–37.

ным, поскольку к средствам относится и способ действия (способ активации патологической системы).

Среди основных причин резкой активизации развития оргоруужия можно выделить следующие:

Политические — крах биполярной системы и, как следствие, разбалансировка миропорядка; угроза омницида вследствие сохранения ядерного арсенала ключевыми ядерными державами; высокие политические риски, связанные с прямой военной интервенцией.

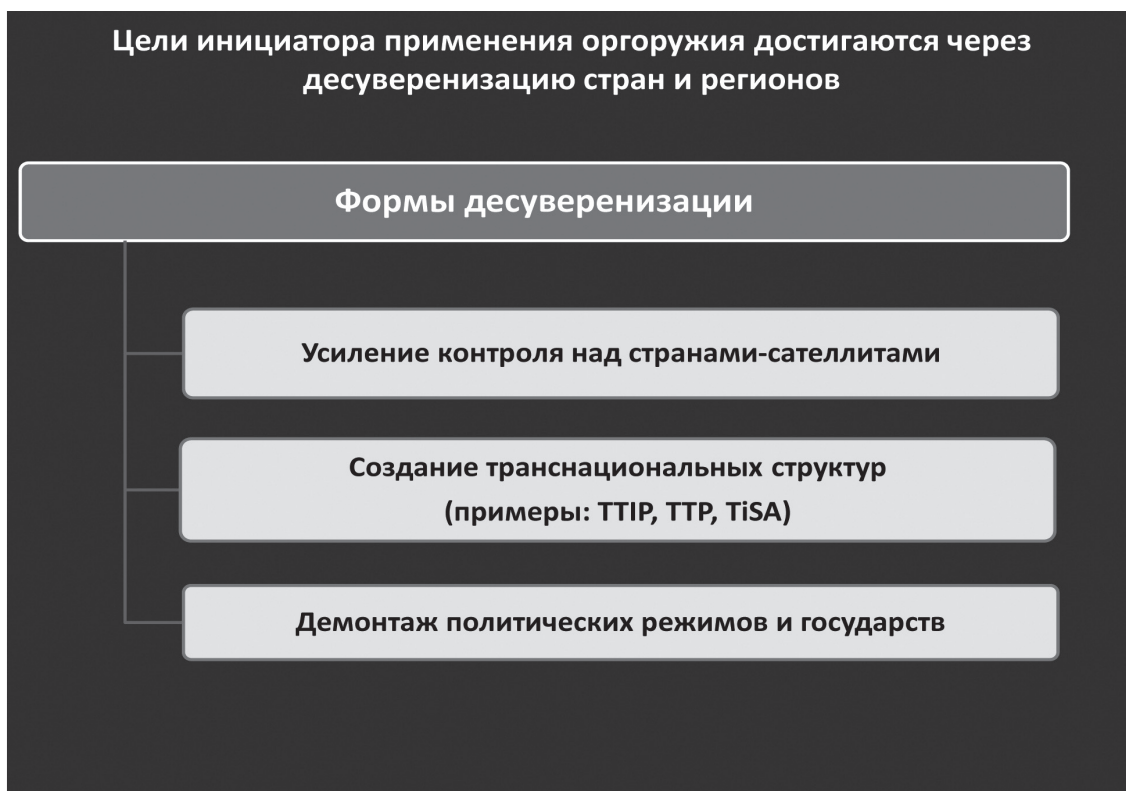
Экономические — колоссальные затраты на проведение войн классического типа; глобализация мировой экономики и усиление взаимозависимости ее элементов; способствование созданию новых транснациональных структур.

Научно-технические — развитие теории хаоса и общей теории систем; развитие ИКТ; исследования в области организационного поведения.

В связи с этим, возникает вопрос: каковы возможные меры противодействия оргоруужию? Для ответа вначале следует сказать несколько слов о некоторых его видах.

2. Примеры видов организационного оруужия

Цели агрессора достигаются через десуверенизацию стран и регионов, которую условно можно разделить на три формы:

В контексте данной работы наибольший интерес представляет демонтаж политических режимов и государств, в дальнейшем рассматриваемый на примере цветных революций — вид оргоружия, для успешной реализации которого требуется выполнение двух условий: необходимого («наличие политической нестабильности в стране, сопровождающейся кризисом действующей власти») и достаточного («наличие специально организованного (по особой сетевой форме) молодежного протестного движения»)¹. Можно условно выделить три стадии демонтажа в зависимости от тяжести последствий для государства-мишени:

Первая стадия — цветные революции в Грузии, на Украине (2004–2005 гг.), в Тунисе — относительно малокровные или бескровные, не приведшие к распаду государства.

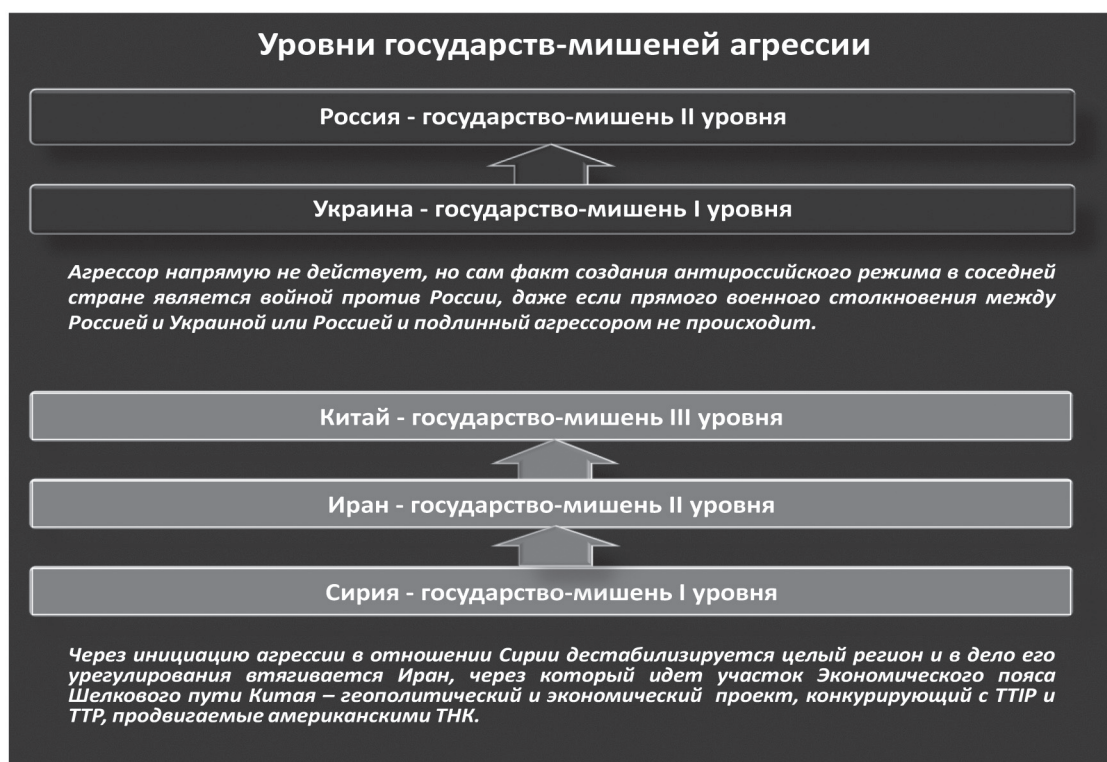
Вторая стадия — если мер, соответствующих первой стадии, недостаточно для демонтажа политического режима, то «цветная революция» переходит в более жесткую стадию, сопровождаясь существенным кровопролитием и частичным распадом государства. Пример — Йемен и Украина (2013–2014 гг.).

Третья стадия — если мер первых двух стадий недостаточно, то агрессор переходит к третьей стадии, в которой исключаются вооруженные силы объекта воздействия, разрушается политический и социально-экономический фундамент общества, после чего элиты страны-жертвы объявляются виновными в кризисе и потере контроля над развитием ситуации (т.н. технология

¹ Манойло А.В. Цветные революции и технологии демонтажа политических режимов // NB: Международные отношения. — 2015. — № 1. — С. 1–19.

«облачный противник»¹). Для демонтажа режима применяются асимметричные действия, включая массированное использование транснациональных иррегулярных вооруженных формирований (пример — Ливия, Сирия).

Государства-мишени, в зависимости от степени их значимости для агрессора, также можно разбить на условные уровни:

Украина являлась мишенью I уровня, в которой созданный антироссийский режим генерирует проблемы в отношении России (государство-мишень II уровня). Другой пример — через инициацию агрессии против Сирии (государство-мишень I уровня) в ходе Арабской весны дестабилизируется целый регион и в дело его урегулирования втягивается Иран (государство-мишень II уровня), по территории которого пролегает участок Экономического пояса Шелкового пути Китая (государство-мишень III уровня) — геополитического и экономического проекта, конкурирующего с продвигаемыми американскими корпорациями проектами ТТIP и ТТР.

К оргоружию можно отнести и миграционное оружие, суть которого заключается в следующем. Используя внедрение патологической системы в общества целых регионов, технологи оргоружия запускают “социальный вирус”, стремящийся поглотить ресурсы всей системы (регионов), приводя

¹ Выступление к.в.н. М.М. Хамзатова «Облачный противник»: новая угроза международной безопасности», Дни науки, «Современные аспекты международной безопасности», МГИМО МИД России, 2014 г.

ее к (само) дезорганизации, последствия которой могут быть использованы против других систем, но при этом продолжают работать на решение задач агрессора. Например, искусственная дестабилизация Северной Африки и Ближнего Востока привела к инструментализации миграционного потока для последующего боевого применения, в частности, для ускорения процесса распада Европейского союза.

Соответственно, **миграционное оружие** можно определить как массовый исход беженцев из региона, где искусственным образом были созданы условия, представляющие угрозу для жизни местного населения, которое контролируемо направляется в конкретные страны с целью оказания на их правительства и общества политического, социокультурного, экономического и психологического воздействий в интересах инспираторов данного кризиса.

Процесс применения оргоружия проходит не без сбоев и не без побочных эффектов, куда можно отнести:

Контрпереворот военных в Египте 2013 года, в ходе которого был свергнут режим Мухаммеда Мурси, годом ранее пришедший к власти во время Арабской весны. Приход к власти маршала Абдель Фаттаха ас-Сиси.

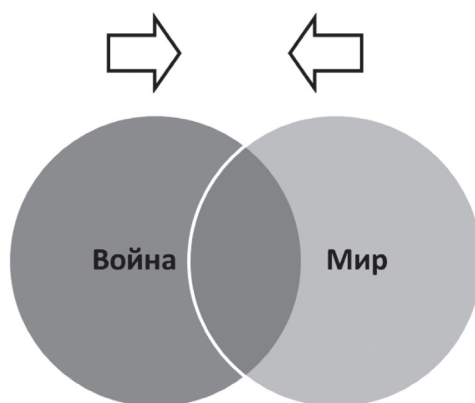
Образование такого субъекта, как квазигосударственная террористическая организация Исламское государство, сформировавшееся в ходе интеграции баасистского подполья и радикальных исламистов.

Сохранение Башаром Асадом контроля над частью сирийской территории с помощью союзников.

3. Противодействие организационному оружию

Приведенные примеры показывают, что развитие оргоружия в глобальном масштабе приводит к ускоренному стиранию границы между войной и миром, постепенному превращению международного права в анахронизм. В условиях стремительной архаизации системы международных отношений, где устаревают понятия «война» и «мир», организация государств и принципы их взаимодействия все менее адекватны изменениям, претерпеваемым существующим миропорядком.

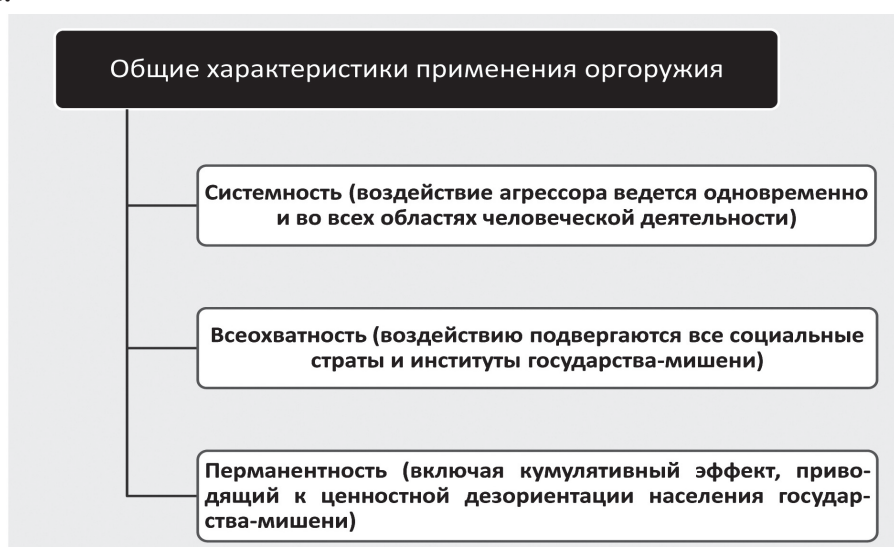
На фоне данных событий фиксируется резкий уход в отрыв оргоружия от методов защиты от него по сравнению с традиционным противостоянием «снаряда и брони», в противоборстве которых наблюдается паритет при условии сравнения противников приблизительно одного технологического уровня развития (например, СССР и США).

Представляется, что объяснение данному феномену нужно искать в следующем. Революция в области ИКТ позволила инициатору применения оргоружия добиться недостижимого ранее синергетического эффекта от роста согласованности действий его элементов (сетевые структуры агрессора, его спецслужбы, СМИ, средства экономического и политико-дипломатического воздействия на государство-мишень и др.), в т.ч. и по сетецентричному принципу, с использованием сетевых ресурсов — важнейшего инструмента оргоружия (включая цветные революции и др.).

В результате оргоружие все больше соответствует следующим характеристикам:

Возникает ситуация, когда для увеличения эффективности оргоружия в ходе согласования его различных элементов агрессору не требуется радикально менять свою общественную организацию. Государству-мишени, напротив, в условиях стремительного развития оргоружия и смещения основной ставки на него в глобально-силовом противостоянии все сложнее эффективно противостоять ему только за счет улучшения взаимодействия профильных ведомств (органов правопорядка, госбезопасности, средств пропаганды и контрпропаганды и т.д.). Следовательно, защита государства должна соответствовать характеристикам оргоружия, применяемого против нее, т.е. быть перманентной, системной и тотальной, но для ее создания необходима коренная трансформация организации всего общества государства-мишени (предположительно, с образованием постгосударства), а не только его военной организации. В качестве гипотетических средств противодействия глобальному и системному применению оргоружия возможно отнести следующие предлагаемые меры:

1) Переход к гибридной (иерархической и сетевой одновременно) форме организации (пост) государства, с уменьшением доминирующей роли иерархии как основной формы организации управления, но при сохранении целостности и суверенитета (пост) государства.

2) Возможное отсутствие дифференциации между большинством военных и гражданских институтов.

3) Создание сетевых структур (например, дружин и т.п., взаимодействующих с властями) в условиях активизации внешним агрессором широко-масштабной подрывной деятельности террористического подполья против государства-мишени, когда классические военно-полицейские методы мало-эффективны. Например, в Сирии правительством использовались подобные отряды, т.е. безопасность частично была возложена на самих граждан страны, а взаимодействие осуществлялось по схеме «население — спецслужбы — полиция — армия», при необходимом уровне подготовки населения. Данная схема показала свою эффективность.

4) Необходимость радикальной трансформации законодательной и правовой систем.

5) Пребывание (пост) государства в режиме перманентной и тотальной защиты и нападения в условиях полного доминирования оргоружия в качестве основного инструмента в глобальном противостоянии в будущем.

6) Оказание системного противодействия применению оргоружия не только и не столько через улучшение координации отдельных ведомств, сколько всей национальной мощью.

Выводы и заключение

1. Цели инициатора применения оргоружия достигаются через десуверенизацию стран и целых регионов, которые можно разделить на уровни по степени их значимости для агрессора.

2. Новые технологии позволили вывести оргоружие на новый уровень развития, достичь невиданного ранее синергетического эффекта от согласованных действий его элементов.

3. Ставка на оргоружие в глобально-силовом противостоянии привела к акселерации диффузии состояния «войны» и «мира» и, как следствие, к стремительной архаизации международного права и все большему несоответствию организации государств новым реалиям.

4. Увеличение эффективности оргоружия не требует радикальной социальной трансформации агрессора, вследствие чего оргоружие стремительно опережает в своем развитии средства защиты от него.

5. В условиях непрерывного и системного применения оргоружия становятся все менее адекватны контрмеры, основанные только на повышении взаимодействия отдельных профильных ведомств.

6. Для противодействия оргоружию, возможно, необходимо радикальное изменение организации государств-мишеней, когда сопротивление оказывается перманентно и тотально, т.е. всей национальной мощью.

Следует отметить, что в перечисленных мерах речь не идет о ликвидации институтов как таковых, поскольку данный подход сделает невозможным любое серьезное противодействие глобально-системному применению оргоружия. Смысл изменений в кардинальной реорганизации институтов, их усовершенствовании в соответствии с новыми вызовами. Предлагаемые меры, безусловно, гипотетические, однако практически нет сомнений в том, что в условиях совершенствования технологий оргоружия выстоят лишь те страны, которые восстановят собственный суверенитет в полном объеме, включая создание идеологии, и выработают эффективный адаптационный механизм, изменившись конгруэнтно новым реалиям. Столь радикальная трансформация маловероятна в сжатые сроки — для нее население и элиты стран не готовы ни организационно, ни психологически, но сохранение странами, в первую очередь Россией, своего существования потребует фундаментальных изменений собственной организации в условиях, когда война — это мир.

Список используемых аббревиатур

ИКТ — информационно-коммуникационные технологии.

TTIP — Transatlantic Trade and Investment Partnership (Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство).

TTP — Trans-Pacific Partnership (Транстихоокеанское партнерство).

TiSA — Trade in Services Agreement (Соглашение о торговле услугами).

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ И КОНКРЕТНЫЕ УРОКИ СИРИЙСКОЙ КАМПАНИИ

В 2015 году Россия вернулась в мировую политику, как мощная суверенная держава. Операция в Сирии была первой широкомасштабной военной операцией постсоветской России за пределами территории бывшего СССР. Русские в очередной раз проявили себя как искусные стратеги. Начатая в прошлом году военная кампания России в Сирии застала врасплох не только ИГИЛ, но и разведывательные службы и аналитиков Запада.

Способность российского политического руководства и военного командования менять стратегическую ситуацию в зоне интересов своего государства с минимальными усилиями и максимальной внезапностью, заслуживает самой высокой оценки. При этом Россия продемонстрировала, что она сильный игрок на Ближнем Востоке, что с ее действиями необходимо считаться. Россия помогла сирийскому законному правительству, показала, что она на стороне закона и справедливости. Если бы режим Башара Асада упал, в Сирии, вероятнее всего, установился бы режим, настроенный против России. Поэтому сейчас для Москвы важно сделать так, чтобы новые сирийские руководители понимали и учитывали интересы России, причем не только в самой Сирии, но и на всем Ближнем Востоке. Ведь позиция России за время операции изменилась: теперь Кремль не держится персонально за Асада, а предоставляет сирийцам самим решать вопрос о правителе, лишь бы он был пророссийским.

Большая часть задач, поставленных перед российской военной группировкой в Сирии, действительно выполнена: инфраструктура «Исламского государства» разрушена, позиции Сирийского правительства упрочились. Когда переговоры в Женеве только начались, наступил лучший момент для вывода войск. Иначе пришлось бы принимать решения об усилении российского присутствия в Сирии. Но если воздушно-космическая операция, которую российские войска проводили в течение полугода, была встречена россиянами положительно, то начало сухопутной операции стало бы повторением Афганистана и вызвало бы резко отрицательную реакцию общества, тем более накануне выборов. Кроме того, вывод российских войск дает возможность провести сами женевские переговоры в более спокойной обстановке.

На современном этапе развития военного дела США и НАТО переходят к новой системе развертывания — постоянной мобилизации сил, не нуждающихся в развертывании, готовых в любой момент к нанесению удара и по планам без срока, без конкретной даты, в любой удобный для них момент.

Организация постоянного присутствия США в Ираке, Турции, на Ближнем Востоке — это расплата Башара Асада за отказ от присоединения к Объединенному командованию вооруженных сил США в зоне Африки и лишение российского флота базирования в Тартусе. Одновременно решается проблема — не допустить европейских партнеров к крупным источникам нефти.

Российские воздушные силы коренным образом изменили динамику происходящего и дали сирийской армии невероятный стимул. Общая площадь освобожденной территории равна 10 тысячам квадратных километров (около 5% от площади всей Сирии). Террористы вытеснены из Латакии, освобождена Пальмира, восстановлено сообщение с Алеппо и продолжаются боевые действия по его освобождению от незаконных вооруженных формирований. Очищена большая часть провинций Хама и Хомс, деблокирована авиабаза Квайрес, которая была заблокирована более трех лет, установлен контроль над нефтегазовыми полями вблизи Пальмиры: три больших поля, которые на сегодняшний день приступили к функционированию в повседневном режиме.

Наши пилоты в Сирии выполнили более 9 тыс. вылетов. Нанесены удары высокоточным оружием на дальность свыше 1,5 тыс. км. На территории Сирии уничтожено более 2 тысяч бандитов — выходцев из России, в том числе 17 полевых командиров. Ударная авиация ВКС РФ уничтожила большую часть объектов нефтяной промышленности, находящейся под контролем боевиков, а также поразила почти 3 тысячи средств перевозки «черного золота», тем самым существенно сократив источники финансирования террористических группировок. В результате ударов удалось серьезно остановить, а в отдельных местах и полностью прекратить ресурсное обеспечение террористов за счет пресечения торговли углеводородами. ВКС России уничтожили в Сирии 209 объектов нефтедобычи и перекачки топлива, а также более 2 тыс. так называемых машин-наливняков. Операция в Сирии финансировалась из бюджета Минобороны. Сумма, затраченная на боевую подготовку, составила 33 млрд руб. Соответственно, один час работы авиационной группировки в Сирии стоил 8,2 млн руб¹.

Россия показала всему миру, что российская армия очень сильна. Американцы для борьбы с Хусейном собирали свои войска на Аравийском полуострове три с лишним месяца, мы же за считанные дни перебросили нашу группировку в Сирию. Мы совершали ежедневно по 70–80 вылетов и уничтожали по 250 целей, американцы совершали около 20, притом что у них было 180 самолетов, а у нас только 50. Мы заставили американцев уважать

¹ Путин рассказал, во сколько обошлась операция в Сирии. URL http://news.rampler.ru/33071128/?utm_source=email&utm_daily_2016-

Россию, а Барак Обама был вынужден признать, что российская армия является второй по мощи в мире¹. Во время начала российской операции министр обороны США Эштон Картер говорил, что Россия поставила в этом конфликте не на тех, на кого надо было, а теперь мы сотрудничаем с американцами и обмениваемся друг с другом информацией.

Работа ВКС РФ действительно не прошла зря — достигнут молниеносный и окончательный результат, и он ощутим. Особенно если сравнить с той катастрофической ситуацией, которая складывалась до начала Российской военной операции. Тем не менее можно ещё раз констатировать, что одними только действиями авиации в войне с полупартизанскими силами не справиться. Помимо помощи, оказанной сирийским правительственным войскам, успехи которых в конечном итоге и привели к установлению перемирия и началу реальных мирных переговоров.

Россия получила в Сирии две военные базы (военно-воздушная база в Хмеймиме и военно-морская в Тартусе), с помощью которых она может контролировать весь Ближний Восток и восточную часть Средиземного моря, где находятся базы НАТО. Сохранение за Россией авиабазы Хмеймиме также является серьёзнейшим приобретением. По заявлениям официальных лиц, системы ПВО С-400 и некоторая часть боевых самолётов, самолёты воздушной разведки, там останутся, так же как и корабельная группировка у берегов Сирии. То есть после вывода основной части войск из Сирии, на базах РФ будет находиться около 1 тыс. человек, два батальона, человек 800². Останутся и военные специалисты, которые обучают сирийскую армию. В случае непредвиденных обстоятельств российское присутствие в Сирии может быть вновь усилено через эти базы.

Самое общее наблюдение по опыту этой войны состоит в следующем. Международное право будет нарушено в любой момент, если ведущие государства Запада сочтут для себя целесообразным пойти на подобный шаг. В международной политике стали правилом двойные стандарты, сильные всегда готовы применить свою силу, хотя пока ещё ищут оправданий для своей агрессии. США и НАТО присвоили себе монопольное право — санкционировать насилие, то есть другие государства и политические силы могут нападать друг на друга, бомбить и убивать, но с разрешения «мирового жандарма» (понятно, сам он ни у кого спрашивать разрешения не станет).

Основной вывод для России: скорость развития неблагоприятной для нашей страны военно-политической и экономической обстановки может за-

¹ Пантюшина Юлия, Карпова Анна, Сулова Лора. Победа или провал: чего Россия добилась в Сирии и почему Путин выводит войска. https://snob.ru/selected/entry/105831#comment_820069

² Владыкин Олег. Бомбардировки приближали мир. Российская авиагруппировка свернула спецоперацию в Сирии. URL http://nvo.ng.ru/nvo/2016-03-18/1_bombs.html

труднить и сорвать процесс создания новой Российской армии, оснащенной современными средствами поражения. Военная агрессия против России возможна в случае максимального ослабления ее экономического, военного и морального потенциала, отсутствия готовности у граждан РФ встать на защиту своей Родины.

Кроме того, по ходу войны в Сирии и событий вокруг нее можно сделать ряд отдельных наблюдений.

Первое — события на Ближнем Востоке еще раз показали, что главным принципом международных отношений становится принцип силы. Поэтому наша страна должна всерьез задуматься о своей безопасности.

Второе — Запад уже не может полагаться исключительно на лидерство США. Хотя Штаты продолжают во многом оставаться «незаменимым лидером», каким они были последние 60 лет, у них все меньше сил и возможностей, продолжать успешно играть эту роль.

Третье — мировая общественность стала отдельным фактором международных отношений, не совпадающим с политическим руководством стран и государств и проявляющим чувствительность к проблеме применения силы, в особенности военной силы, будь то в Сирии, Ираке, Афганистане, в России, Африке или еще где-нибудь, рассматривая эту меру с позиций ее адекватности.

Четвертое — гражданская война в Сирии стала вооруженным конфликтом нового типа, характерным для новейшего времени. Она сочетает применение максимально широкого арсенала средств борьбы, включая политические, психологические, информационные и другие. При этом сфера собственно вооруженного противостояния была физически ограничена. В ней действовали незначительные силы, на сравнительно небольшом ТВД. «Масштабы» и сроки боевых действий определялись в основном двумя факторами: стремлением избежать больших потерь и ожиданием итогов политических переговоров, которые постоянно шли на разных уровнях.

Пятое — успешное применение основными противниками режима Башара Асада (НАТО и ИГИЛ) широкомасштабных информационно-психологических кампаний и других мер информационной войны, причем как на стратегическом, так и на оперативно-тактическом уровнях, показывает, что роль таких операций в будущем не менее важна, чем ведение воздушных и специальных операций.

Шестое — Россия получила возможность продемонстрировать на практике, в реальных боевых условиях свои самые современные средства — и не только самолеты и танки, но и спутниковую связь, навигационную систему ГЛОНАСС, с ее смертоносной эффективностью, высокой точностью и надежностью. Эта демонстрация направлена не в последнюю очередь на

потенциальных клиентов на самом крупном и продолжающем расти рынке вооружений — на страны Ближнего Востока. Это также подтверждает способность России сохранить полный суверенитет в случае войны.

Седьмое — многолетние военные действия в Сирии показали высокую степень надежности и пригодности российского оружия в целом, так как Сирийская армия в течение этих лет вела борьбу против хорошо вооружаемых и снабжаемых Западом антиправительственных сил (Фронт сирийских революционеров, ИГИЛ, «Джабхат Ан-Нусра», «Исламская Коалиция», «Исламский фронт» и т. д.), располагая оружием почти исключительно российского и советского производства, причем по преимуществу далеко не новых образцов.

Непосредственные уроки для России, следующие из вышеперечисленных наблюдений.

Первый. Требуется коренного пересмотра теории использования современных авиации, флота и специальных сил, с учетом растущего значения информационно-психологических и киберопераций в будущих вооруженных конфликтах.

Второй. Появилась потребность в выработке российской военной наукой требований к новому виду войск — войскам информационного реагирования. Война в Сирии показала уже в восьмой раз (первый раз — война в Чечне, второй — война коалиционной группировки во главе с США в Ираке, третий — победа, в целом одержанная Армией обороны Израиля во 2-й Ливанской войне, четвертый — грузино-осетинская война, пятый — израильская война в секторе Газа, шестой — интервенция США и НАТО в Ливии, седьмой — гражданская война на Украине), что выигранные на поле боя итоги могут быть полностью затушеваны и стерты в виртуальном пространстве. Необходимо возродить подготовку кадров для ведения информационно-психологических операций на стратегическом и оперативном уровне в Генеральном штабе, в академиях, на оперативно-тактическом уровне дивизий и бригад. Видимо, руководству России следует начать работу по созданию нового рода войск — информационных (об этом подробнее — в следующем разделе).

Третий. Опыт войны в Сирии и другие современные вызовы должны побудить российское государственное и военное руководство заняться решением одной из главных текущих задач — разработкой стратегии и уточнением теории использования современных армий, с учетом особенностей контрпартизанской войны, как — с большой вероятностью — наиболее востребованного в ближайшие десятилетия способа ведения боевых действий, в том числе в условиях городской среды, с использованием наземно-подземных комплексов и сложных технических сооружений.

Четвертый. Необходимо выдвинуть требование перед нашими телеканалами, перед информационными агентствами, чтобы их общее направление деятельности соответствовало внешнеполитическим установкам российского руководства. Если Россия находится в жестком противостоянии с США на мировой арене — в Совете безопасности ООН по Сирии, в МАГАТЭ по иранской тематике — то почему у нас эти области остаются абсолютно свободными для толкования? Но если приглашаются специалисты из Института США и Канады, Института востоковедения, Института мировой экономики и международных отношений, то они обязаны по своему служебному положению отражать и излагать официальную линию России, а не противостоять ей. Представьте, если бы в США какой-то из аналитических центров, финансируемых государством, позволил себе выступить против политики американской администрации, — такие центры были бы, скорее всего, просто закрыты, во всяком случае, тех людей там бы не было. Правительство США внимательно следит, как расходуются государственные средства. По моему мнению, у нас этот контроль со стороны государства утерян полностью.

Пятый. Участие ВКС России в войне в Сирии показало, что аутсорсинг (известная практика бывшего министра обороны РФ Сердюкова) может существовать только в мирное время. В боевых условиях он оказался не только не нужным, но и вредным. Необходимо вернуться к советскому опыту организации технического обеспечения, ремонта, обслуживания, материального снабжения. Гражданские могут ремонтировать технику в мирное время, но в боевых условиях этим должны заниматься военные, так как они могут быть ранены или убиты.

В сирийской компании организовано четкое взаимодействие военной операции с политическими действиями дипломатов, политиков, динамики, логики проведения мероприятий по урегулированию.

1) Россия продемонстрировала умение скоординировать действия всех Вооруженных сил в этом конфликте. Быстрый контакт с американскими военными — даже быстрее, чем с политическими деятелями. Мы предложили меморандум воздушный о недопущении происшествий в небе над Сирией, и не просто предложили, а подписали, и через два дня военные Соединенных Штатов пришли к выводу, что он эффективен.

2) Умение военных контактировать с местным населением, обеспечить не просто четкое взаимодействие, а учет особенностей боевых действий в этих сложных климатических условиях Сирии, и в то же самое время найти контакт с вооруженными группировками, которые на сегодняшний день хотели бы сложить оружие или же участвовать в конфликте на стороне сирийских ВС.

3) Это самый прозрачный вооруженный конфликт, особенно со стороны Вооруженных сил Российской Федерации, который только когда-либо был в истории мировых конфликтов. ВКС давали полностью отчет в режиме онлайн о нанесенных авиаударах: где, как, сколько и по кому. Примерно также, действовал Израиль во Второй Ливанской войне.

Какой военный опыт получила Россия?

Фактически в качественном аспекте в Сирии были использованы почти все неядерные возможности ВКС России. Ещё один немаловажный факт — высокая надёжность поступившей в последние годы на вооружение новой и модернизированной авиатехники. Применялись самые разные модели боевых самолетов: самые современные многоцелевые истребители Су-35С и Су-30СМ, фронтовые бомбардировщики Су-34 и модернизированные Су-24М, штурмовики Су-25СМ, впервые в истории удар по противнику нанесли стратегические бомбардировщики Ту-95МС и Ту-160. Достаточно широко применялось высокоточное оружие — бомбы со спутниковым наведением КАБ-500С, ракеты с лазерным наведением (например, Х-25 и Х-29), а установка на далеко не новые бомбардировщики Су-24М новых прицельных комплексов СВП-24 «Гефест» позволила достаточно точно наносить удары и неуправляемыми бомбами (ФАБ-250, ФАБ-500 и т. п.). Неудивительно, что военная кампания РФ стала отличной рекламной акцией для российской боевой авиации — интерес к российским самолётам на мировом рынке вооружений реально вырос.

Главные уроки Сирийской войны для России

Первый. Операция в Сирии дает нашим Вооруженным Силам и, прежде всего командованию и личному составу ВКС, бесценный боевой опыт и возможность продемонстрировать в действии российское оружие, спутниковую связь и навигационную систему ГЛОНАСС — их смертоносную эффективность, высокую точность и надежность. Это стимул для продажи российского вооружения.

Второй. Сегодня невозможно воевать успешно, если основные параметры систем связи Сухопутных войск, ВВС и ПВО, ВМФ, РВСН, Космических войск не совпадают. Руководству Вооруженных сил РФ необходимо немедленно приступить к решению проблем сопрягаемости, морских, сухопутных и воздушных средства связи и управления, привести их к основным параметрам, позволяющим использование стратегических, оперативных, тактических АСУВ.

Третий. Следует учитывать мнение западных экспертов, что комбинированное применение воздушной операции и ограниченного числа спец-

назовцев станет основой военных действий, на ближайшие десять лет. Такие возможности есть. В ОСК «Юг», «Запад», «Центр», «Восток» нужно создать условия к ведению боевых действий на отдельных направлениях. Необходимо возродить подготовку кадров для ведения информационно-психологических операций на стратегическом и оперативном уровне в Генеральном штабе, в академиях, на оперативно – тактическом уровне дивизий и бригад.

Четвертый. Применением США, НАТО, Турцией широкомасштабных информационно-психологических операций и других мероприятий информационной борьбы против Сирии, причем не только на стратегическом, но и на оперативном и тактическом уровнях. Роль информационно-психологических операций не менее важна, чем ведение воздушных, наземных, морских и специальных операции.

Пятый. Появилась потребность в выработке в российской военной науке требований к новому виду войск — войскам информационного реагирования. Локальные войны в XXI веке показали, что, выиграв на поле боя, итоговые результаты были полностью затемнены в информационных войнах. Очевидно, решением президента РФ должны быть образованы специальные организационно-управленческие и аналитические структуры для противодействия информационной агрессии. Необходимо иметь информационные войска, в составе которых будут государственные и военные СМИ.

Шестой. Нельзя откладывать принятие решения о состыковке топографических основ морских и общевойсковых карт прибрежной зоны морей и океанов.

Седьмой. Среди приоритетных задач стоит также разработка своеобразного кодекса требований к боевой технике и вооружению середины XXI века — боевым машинам с собственным интеллектом.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МОСКВЫ И КИЕВА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Добрый день, дамы и господа! Алексей Иванович обозначил кусочек темы как взаимоотношения Москвы и Киева в новой реальности, но я думаю, что для того, чтобы до них добраться, надо в принципе очертить новую реальность. Потому что коллеги передо мной уже пытались это сделать, а поскольку, сколько людей столько и мнений, то у каждого из нас своя реальность. Так как мы находимся в МГИМО, позволю себе вспомнить. Когда-то лет пять назад, общаясь со своими коллегами, я говорил: «Ни Талейран, ни Меттерних, ни Горчаков не заканчивали МГИМО. Тогда просто не было учреждений, которые бы воспитывали дипломатов, но были дипломаты. А вот когда появились кузницы дипломатических кадров, Талейраны, Меттернихи и Горчаковы исчезли». Но ведь люди-то глупее не стали и вроде мы попадаем в парадоксальную ситуацию, когда люди получают больше знаний, люди получают профессиональную подготовку, а такие вот блестящие полководцы с полей дипломатических сражений исчезли.

Наверное, есть какая-то причина. Давайте посмотрим, что изменилось. Изменилась скорость прохождения информации. Когда, допустим, Петр Алексеевич отправлял дьяка Украинцева заключать константинопольские договоры, в ту же Турцию. Или Толстого — отлавливать царевича Алексея, тот получал один раз инструкцию и на годы отправлялся в самостоятельное плавание, сам принимал решения. Его не могли инструктировать постоянно, потому что гонец туда — обратно минимум год добирался, а за это время ситуация менялась. Сейчас мы имеем возможность работать в режиме реального времени. То есть нам не нужны великие герои, нам нужны дисциплинированные легионы. Отсюда возникает новая реальность в глобальной политике.

Мы действительно можем присутствовать в каждой точке планеты в режиме реального времени. Здесь было не очень четко, но очень правильно сказано, что в нынешнее время лозунг «война — это мир, мир — это война» стал реальностью. На самом деле, замечание Сунь-Цзы о том, что войны лучше выигрывать без применения военной силы, сейчас, по сути дела, трансформировалось в утверждение о том, что если ваши вооруженные силы задействованы в полномасштабном конфликте, значит, войну вы уже проиграли. То есть война выигрывается значительно раньше. Мы практически все время живем в состоянии войны, а когда война становится горячей, можем считать ее уже проигранной. Значит, нам надо определить, с кем

мы воюем и за что мы воюем. Потому что воевать и бороться с тенью себе дороже во всех смыслах.

Я думаю, что опять-таки, ни для кого не секрет, что на данный момент Россия противостоит Соединенным Штатам, и самое главное — только Россия может противостоять Соединенным Штатам, и только Соединенные Штаты могут противостоять России, как в свое время противостояли Советскому Союзу. Но если мы в течение уже почти столетия все время сталкиваемся с одной и той же ситуацией, когда два крупных государства, независимо от идеологического формата, независимо от существенных технических перемен постоянно друг другу противостоят, значит, в этом тоже есть какая-то причина. Это происходит не потому, что народы здесь слишком разные. За время существования СССР, а потом России, пара десятков миллионов, если не больше, бывших наших граждан оказались гражданами Соединенных Штатов, и ничего, нормально себя чувствуют. Наверное, это происходит не потому, что климат там иной и бацилла какая-то в воздухе носится, вдохнул и стал русофобом. Наверное, это лежит в области каких-то объективно существующих интересов.

Если мы посмотрим на Россию и Соединенные Штаты, каждое из этих государств по-своему является, как когда-то говорили, империей. Потом в Советском Союзе термин «империя» приобрел негативный смысл, поэтому говорили «сверхдержава». Теперь термин «сверхдержава» приобрел негативный смысл, и говорят «глобальное государство». Так вот, каждое из них является глобальным государством, у каждого из них присутствуют глобальные интересы и вне имперского формата это государство не может существовать. То есть, как только оно начинает добровольно уходить из императорского формата, оно сразу начинает разрушаться экономически, политически и даже идеологически, то есть люди теряют к нему интерес. Но любая империя, даже в век до глобальных технологий, все равно претендовала на глобальность. Не каждая могла донести свою идею во все уголки планеты, но, тем не менее, каждая к этому стремилась, или, по крайней мере, охватить всю ойкумену, то есть населенные людьми ближайшие знакомые земли.

Поскольку, как мы уже определили, мы сейчас можем присутствовать в любое время в любой точке планеты, и этим определяется то, что мы постоянно ведем войну, так как в данной ситуации присутствие при наличии антагонистических интересов уже предполагает, что в неформальном формате ведутся боевые действия. Следовательно, имея два государства, которые претендуют на глобальный формат, мы неизбежно приходим к столкновению между этими государствами. А если мы неизбежно приходим к столкновению между этими государствами, то в режиме реального времени война ведется уже в информационном пространстве.

Здесь очень многие коллеги допускают ошибку, потому что когда они говорят, что мы должны научиться вести информационную войну, а, следовательно, мы должны научиться управлять информацией, в тот момент, когда они произносят слово «управлять», они информационную войну уже проигрывают. Потому что собирать информацию и управлять информацией в мире, когда информация проходит в режиме реального времени бессмысленно. В тот момент, когда вы получили информацию и создали себе какое-то представление о ней, она уже устарела. Следовательно, вы реагируете на события, которые уже не отражают реальность. Поэтому в нынешнем мире, если ты хочешь выиграть глобальное противостояние, ты должен не собирать информацию и не управлять информацией. Ты должен создавать информацию. То есть ты должен создать свой мир и навязать его оппоненту.

Теперь, завершая, переходим к российско-украинским отношениям. Что собственно произошло? Ни для кого не было секретом, что по объективным показателям не только Россия была заинтересована в максимально близких отношениях с Украиной, но и Украина могла существовать только при наличии тесных, максимально интегрированных экономических и политических связей с Россией. Чем сильнее эти связи разрывались, тем меньше в украинском государстве становилось государственности и сейчас оно дошло практически до махновщины. Тем не менее, люди, которые создавали украинское государство, которые заявляли, что оно для них является жизненной необходимостью и для которых по объективным показателям, потому что они были элитой этого государства, данное государство действительно являлось жизненной необходимостью, тем не менее, усердно работали на разрыв российско-украинских связей, на противопоставление Украины и России, а, следовательно, фактически на уничтожение украинского государства.

Опять-таки можно предположить, что один человек — идиот, можно предположить, что целая прослойка людей не очень умны, но предположить чтобы во вновь созданном государстве из абсолютно таких же людей, получивших такое же образование в других местах Советского Союза, сформировалась элита, состоящая из одних только идиотов, предположить сложно. Следовательно, если они работали объективно вроде бы против своих собственных интересов, то в этом тоже была причина. Причина заключалась в том, что для них как раз и была создана новая информационная реальность. С одной стороны, она была максимально упрощена, то есть фактически им сказали: «Вы будете европейской элитой. Не украинской, ни постсоветской, ни какими-то там совками. Вы будете европейской элитой. Почему вам надо быть европейской элитой? Посмотрите по сторонам. Вы видите? У нас евродома, евромашины, евроремонт. Посмотрите на свои девяностые. Что у

вас? У вас все только хуже и хуже. Если вы будете произносить правильные слова и делать правильные телодвижения, вы будете богатыми и успешными, и у вас будет Европа».

Люди посмотрели по сторонам и обнаружили, что действительно если произносить правильные слова, то ты вроде бы украл кучу денег, отвез их в Европу и ты европеец. У тебя никто не спрашивает, где ты их взял. Следовательно, сформированная информационная реальность вроде бы соответствовала эмпирическому опыту и элита начала транслировать эту вновь сформированную реальность в народ в таком же простом виде: «Вы видите, как живут немцы? И вы будете так же. Почему они так живут? Потому что они живут в Европе. Надо произносить несколько правильных заклинаний, и вы будете жить в Европе. Вы будете жить, как немцы, а работать будете, как греки. Видели, как греки работают? И вы будете так же, и все у вас в этой жизни будет хорошо». Население съездило в Грецию, кто-то по телевизору смотрел, кто-то слышал от знакомых, ездило в Германию и обнаружило, что да, греки вообще-то практически не работают. У них с утра начинается обеденный перерыв, а когда он заканчивается, то и день заканчивается. Немцы вроде бы как прекрасно живут.

То есть эмпирический опыт тоже начинал соответствовать утверждениям этой новой созданной информационной реальности, но не во всем, потому что вроде бы слова произносили правильные, а Европа не наступала, как-то даже иногда плохо было. Здесь появился просто третий тезис, тоже абсолютно правильный: «Почему плохо живем? Потому что коррупция. А почему коррупция? Потому что воруют. Значит, что надо сделать? Надо прогнать коррупционеров и назначить хороших европейцев». Но поскольку коррупционеры вроде бы представляли реальную экономику, промышленность, заводы, они хоть и были «европейцами», но понимали: для того чтобы их предприятия работали, надо сохранять минимально адекватный уровень взаимодействия с Россией.

Следовательно, дальше вообще появлялась простая черно-белая картинка. Это — порядочные европейцы, которые хотят принести народу добро, это — мерзкие пророссийские совки-коррупционеры, которые только и думают, как народ обобрать. Все. После этого как минимум пополам страна поделилась, а если страна поделилась пополам, то она уже находится в состоянии гражданской войны. В ней могут еще не стрелять, в ней могут даже не происходить мирные перевороты, но ментально страна уже находится в состоянии гражданской войны, потому что ни одна половина не может поверить, что если нас так много и мы поддерживаем такую правильную идею, то наши оппоненты, которые против этой идеи выступают, не подкупленные кем-то мерзавцы.

И дальше переход холодной войны в горячую фазу становится только вопросом времени, что, собственно, на Украине и произошло. Но поскольку сама идея этого противостояния, эта созданная информационная матрица полагала борьбу сил света европейцев и тьмы, ориентированных на Россию, то начав гражданскую войну внутри себя, Украина не могла не вынести ее в формат украино-российских отношений.

Даже если предположить, что Соединенные Штаты с утра пропали, и осталась просто Украина, все равно она бы искала какого-нибудь партнера, союзника и так далее, но выносила бы внутреннюю гражданскую войну и пыталась бы перевести ее во внешний конфликт. И если бы соотношение вооруженных сил России и Украины было бы таким, как при распаде Советского Союза в 1991 году, если бы украинские вооруженные силы не были бы банально уничтожены украинским же руководством их просто разворовавшим, то Украина давно бы вела против России горячую войну.

И последний вывод. Если мы хотим поменять и поломать ситуацию в свою пользу не только на Украине, но и в Восточной и Западной Европе, в Азии и Африке и Латинской Америке, следовательно, мы должны создать новую информационную матрицу, причем она должна быть одновременно привлекательной, простой, понятной неокрепшему разуму. В то же время, эта новая информационная матрица должна быть очень гибкой, потому что вы не придете в каждый дом и не повесите лапшу на уши каждому человеку, даже если у вас в руках будут все телеканалы страны. Вам надо, чтобы на определенном этапе люди сами начинали вкладывать в эту матрицу свои ожидания. Тот же самый украинский олигарх и украинский чернорабочий по-разному видели свое присутствие в Европе. Им просто сказали: «Будете в Европе, у вас будет жизнь хорошая». Но каждый по-разному эту жизнь представлял. Им не рассказывали, какая она конкретно будет.

В заключение простой пример. Когда-то году в 2013, еще в начале, до всех событий на Украине, я приехал в Киеве ставить машину на стоянку. Приехал с телевизионного ток-шоу. У охранника стоянки был включен телевизор. Этот совершенно простой человек, который между ближайшим магазином, бутылкой пива, телевизором и этой стоянкой проводит всю свою жизнь, и она у него другой уже не будет, задает мне вопрос: «Я видел, Вы там что-то из политики обсуждали». Я говорю: «Обсуждали». «Скажите, пожалуйста, когда мы будем в Европе?» Я говорю: «Никогда». Он говорит: «Так жаль. Хотелось хоть напоследок пожить по-человечески». Понимаете, он точно знал, что если вдруг здесь окажется Европа, то он напоследок поживет по-человечески. Потому что матрица была создана, а свое представление о человеческой жизни он в нее вложил.

АДАПТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Широкое использование информационных подрывных технологий в условиях обостряющейся конкурентной борьбы в существенной степени способствует ослаблению системы глобальной безопасности, деформация и раздробленность которой приводят к нарастающей хаотизации международных отношений. В условиях непростой геополитической реальности появляются новые виды конфликтов, сочетающие традиционную военную мощь с политической, информационной, финансово-экономической и др. составляющими.

Эра сложных конфликтов

В основе такого развития международной обстановки лежат действия США, которые в своем стремлении к мировой гегемонии целенаправленно формируют глобальную нестабильность для ослабления стратегических конкурентов, прежде всего Китая, России и Европейского союза.

Мощным катализатором процесса обострения международных отношений, неопределенности и нестабильности является беспрецедентное со времен холодной войны обострение американо-российских отношений. Отношения резко ухудшились на фоне войн в Сирии, Ираке и Афганистане, цветных революций на Ближнем Востоке, спровоцированного Вашингтоном государственного переворота на Украине, расширения НАТО и наращивания военных приготовлений альянса, ядерной и космической политики США, развёртывание американцами системы стратегической ПРО.

Нестабильность в беднейших районах мира спровоцировала резкое возрастание миграционных потоков в некогда благополучную Европу, что в свою очередь привело к интенсивному расширению на ее территории поля для контактов между представителями разных цивилизаций, культур и религиозных конфессий. Государственные структуры и население европейских стран в целом оказались мало подготовленными для оперативного и адаптивного реагирования на связанный с такими контактами обширный спектр вызовов, рисков, опасностей и угроз.

В результате современная действительность все больше определяется глобальной военно-политической, социально-экономической нестабильностью, цивилизационными противоречиями в культурно-мировоззренческой сфере, которые в совокупности своей провоцируют нарастающую хаотизацию международных отношений. Главное противоречие заключается в острой конкуренции между стремящимся к глобальному доминированию

Западом во главе с США (которые, тем не менее, все более осознают пределы своего могущества) и странами НАТО с одной стороны и набирающими экономический и политический вес новыми центрами силы — Китаем, Россией, странами БРИКС и ШОС с другой.

Противоречия между ключевыми субъектами международных отношений впервые после окончания холодной войны провоцируют развитие конкурирующего видения миропорядка. Возможности и влияние Запада снижаются на фоне крепнущей тенденции по формированию полюса власти вне западного мира. Такое развитие обстановки может способствовать возникновению мирового раскола по оси российско-китайского сотрудничества, БРИКС и ШОС с одной стороны и западным блоком государств во главе с США с другой.

Расширяющаяся конкуренция между государствами и их объединениями во все возрастающей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, культурный, научный и технологический потенциалы. Совокупное влияние этих и ряда других причин обуславливает вхождение мира в эру сложных конфликтов, в которых «комбинированные действия предполагают сочетание традиционной военной мощи с политической, информационной, финансово-экономической и др. составляющими». В рамках подобных конфликтов масштабы планирования и управления социальными, государственными и политическими процессами могут быть разными — от отдельного государства или региона и вплоть до глобального охвата.

Наличие ядерного оружия у конкурирующих сторон в известной мере служит сдерживающим фактором от перехода конфликтов, затрагивающих интересы крупных держав, в горячую стадию. На этом фоне все более востребованными становятся стратегии не прямых действий, феномен которых достаточно подробно исследован отечественными и зарубежными специалистами.

Искусство балансирования на грани прямого столкновения и достижения геополитических целей за счёт организации цветных революций и гибридных войн, ведения войн чужими руками или прокси-войн обуславливает востребованность и известную эффективность политики «непрямых действий». Так, например, в интервью CNN сенатор Д.Маккейн утверждает, что «США ведут непрямую войну с Россией в Сирии» и характеризует эту войну используя термин «проху war» — не прямая война, опосредованная война или война чужими руками. Речь идет о намерении двух стран достичь собственных целей за счет военных действий, происходящих на территории третьей страны. О прямом военном конфликте двух стран речь в данном случае не идет.

Подобная политика «всё чаще используется различными субъектами мировой «закулисы» для реализации своих геополитических интересов в мире, разжигания разного рода конфликтов, которые в последующем становятся источником войн, вооруженного экстремизма и международного терроризма».

О подготовке к конфликтам новой эры говорит в своем ежегодном докладе Генеральный секретарь НАТО Йенс Столтенберг: «НАТО разрабатывает стратегию противостояния гибридным угрозам и действиям в условиях гибридной войны, которая «охватывает широкий диапазон прямых и не прямых (скрытых) военных, полувоенных и гражданских акций, призванных разрушать, приводить в замешательство, повреждать или принуждать».

Таким образом, не прямые действия, включающие информационную войну, являются ключевой составляющей технологий «управляемого хаоса», использование которых в стратегиях Запада обусловлено тем, что в современных условиях собственно военная сила перестаёт быть «последним доводом королей». В ряде случаев при сохранении всей значимости силового фактора военная сила остаётся фоном для применения информационно-психологических технологий при подготовке и проведении цветных революций и гибридных войн. При этом считается, что контроль в информационной сфере позволит методами не прямых действий достигать стратегических целей глобального доминирования нередко без использования вооруженных сил и неизбежных потерь при существенной экономии ресурсов.

Не прямые действия в современных конфликтах

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации отмечается, что в современных условиях «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противоборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории».

В целом, термин «информационная война» используется в двух смысловых вариантах:

— в широком смысле — для обозначения противоборства в информационной сфере и средствах массовой информации для достижения различных политических целей;

— в узком смысле — как информационные военные действия, т.е. для обозначения военного противоборства в военной информационной сфере в целях достижения односторонних преимуществ при сборе, обработке и использовании информации на поле боя (в операции, сражении).

В рамках последнего варианта серьезную опасность представляют действия противника по нарушению устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры. Применительно к этому смысловому варианту информационной войны в США появилась концепция так называемой «дешёвой войны» (*War on the Cheap*), сторонники которой утверждают, что «один миллион долларов и двадцать человек, проводя компьютерные атаки, могут обеспечить успех, сопоставимый с действиями многотысячной группировки войск». Авторы этой концепции утверждают, что относительно небольшими силами и средствами при минимальных финансовых затратах можно вывести из строя военную и государственную информационную инфраструктуру противника, так что на ее восстановление потребуются годы.

Признавая опасность концепций, предусматривающих нарушение устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры, в рамках настоящей статьи сосредоточимся на рассмотрении стратегий ИВ применительно к подрывным информационно-психологическим операциям в административно-политической, социально-экономической и культурно-мировоззренческой сферах государства-объекта агрессии при подготовке и в ходе цветных революций и гибридных войн.

Наши потенциальные противники отмечают важность оказания информационно-психологического воздействия на государственное и военное руководство, военнослужащих и население страны в целом. Принципиально новая роль информации подчеркивается в «Единой доктрине информационных операций» Комитета начальников штабов ВС США: «информация стала представлять собой не только цель воздействия, но и оружие воздействия, а также область или сферу деятельности ВС США».

Политическая воля и наличие объединенных ресурсов США и НАТО позволяют в рамках стратегии глобального доминирования последовательно осуществлять подрывные информационные операции в рамках информационной войны (ИВ), которая в общем случае охватывает оба упомянутых выше смысловых варианта.

Существуют несколько точек зрения на то, что представляет собой информационная война. В документе ВС США определяется, что: «Информационная война — это не только воздействие на компьютерные сети, это действия (операции) непосредственно по подавлению (искажению, уничтожению) или использованию в своих целях информации в любых ее формах, воздействие на передачу информации любыми СМИ, в том числе на её объем и содержание, на все её обеспечивающие информационные системы и компьютерные сети, на специальные программы математического обеспечения, физические средства материальной части систем и сетей, на средства

хранения и размножения данных, на содержание инструкций по их использованию, на действия и сознание личного состава, обслуживающего эти системы, средства и сети».

В этом определении в большей степени просматривается своеобразный «крен» в сторону трактовки ИВ в узком смысле — как информационные военные действия, т.е. для обозначения военного противоборства в военной информационной сфере в целях достижения односторонних преимуществ при сборе, обработке и использовании информации на поле боя (в операции, сражении).

В этом контексте более сбалансированным в отношении технического и человеческого измерений, представляется определение ИВ, предложенное политологом И.Н. Панариным: «Информационная война — комплексное воздействие (совокупность информационных операций) на систему государственного и военного управления противостоящей стороны, на её военно-политическое руководство, которое уже в мирное время приводило бы к принятию благоприятных для стороны-инициатора информационного воздействия решений, а в ходе конфликта полностью парализовало бы функционирование инфраструктуры управления противника».

Наиболее полное соответствие пониманию ИВ в широком смысле, т.е. как противоборства в информационной сфере и средствах массовой информации для достижения различных политических целей предполагает определение ИВ, приведенное в диссертации А.М. Соколовой: «информационная война — это совокупность мероприятий, предпринимаемых в целях достижения информационного превосходства над противником путем воздействия на его информационные системы, процессы, компьютерные сети, общественное и индивидуальное сознание и подсознание населения и личного состава вооруженных сил, при одновременной защите своей информационной среды».

Таким образом, как важнейшая военно-политическая категория ИВ представляет собой осуществляемую по единому замыслу и плану совокупность способов воздействия на сознание всех слоев населения государства-противника для искажения картины восприятия мира, ослабления и разрушения основ национального самосознания и типа жизнеустройства с целью дезорганизации мер противодействия агрессии. Масштабы информационного воздействия зависят от вида конфликта. В цветной революции информационными операциями охватывается относительно ограниченный круг объектов, в числе которых целевые группы правящих элит, правоохранительных органов и молодёжи в столице и ряде крупных городов. Временные рамки воздействия кратко- и среднесрочные. В гибридной войне объектом

информационного воздействия в течение длительного времени является все население страны. Замысел информационных операций может также предусматривать глобальный охват с целью, например, формирования нужного имиджа отдельной страны или группы стран в обширном глобализационном контексте.

Из приведенных соображений следует, что одним из главных объектов информационной войны являются общественное и индивидуальное сознание и подсознание населения, прежде всего элит и молодёжи, и личного состава вооруженных сил. В основе общественного и индивидуального сознания и подсознания населения лежат национальные ценности и национальные интересы государства-жертвы. На подмену национальных ценностей и национальных интересов ложными интересами и ценностями, на их полное разрушение в ходе ИВ направляется совокупность подрывных операций. Следовательно, наряду с широким классом информационно-технических объектов противника, важными объектами информационно-психологического воздействия в ходе ИВ являются государственное и военное руководство, военнослужащие и население страны.

Именно в таком контексте американский генерал У. Кларк признает, например, факт проведения американцами информационных операций накануне войны в Ираке: «В течение многих лет Соединенные Штаты стремились к свержению Саддама: оказывали давление на Ирак, поощряли оппозицию, советами и подсказками направляли ее действия». Впоследствии выяснилось, что определенная часть иракских военных были подкуплены американцами и сдали страну без боя. В течение многих десятков лет США активно используют подрывные информационные технологии для дестабилизации и свержения неугодных Вашингтону режимов в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии.

Политические реалии современности свидетельствуют о расширении использования подрывных информационно-коммуникационных технологий в конфликтах с привлечением для этих целей спецслужб. Например, подписанный президентом США Б. Обамой в 2012 году документ, так называемая разведывательная ориентировка, позволяет спецслужбам США оказывать сирийской оппозиции поддержку в свержении законного президента Сирии Башара Асада.

Президент России В.В. Путин на встрече с американским журналистом говорил о деятельности спецслужб США на Украине с целью свержения президента В. Януковича: «мы знаем, кто, где, когда встречался, работал с теми людьми, которые свергли Януковича, как их поддерживали, сколько платили, как готовили, на каких территориях, в каких странах и кто были эти инструкторы».

О реальности «злого умысла», воплощенного во всеохватывающем уровне планирования и управления социальными, государственными и политическими процессами в рамках глобальной информационной войны пишут, например, политологи Джон Кллеман и Д. Эстулин. Опираясь на эти и другие факты, некоторые исследователи утверждают, что «в политическом и военном руководстве США сформировалась стратегия войны нового типа, нацеленной не на разгром противника, а на его «удушение». В условиях глобализации и усиления интегрированности экономик, наличия у многих стран оружия массового поражения полномасштабная, даже локальная, война бесперспективна и чревата неприемлемым уроном.

По мнению автора, с учетом сложившихся политических реалий информационная война как важная составная часть цветной революции и гибридной войны представляет собой способ воздействия на информационное пространство противостоящей стороны для достижения стратегических целей за счет хаотизации ключевых сфер деятельности людей: сферы административно-государственного (политического) управления; культурно-мировоззренческой сферы; социально-экономической сферы.

При этом главное внимание уделяется размыванию философской и методологической познавательной (когнитивной) деятельности народа государства-противника, хаотизации его сознания, подрыва доверия к лидерам и уверенности в будущем, разрушению системы национальных ценностей и интересов, внедрению ложных экономических и нравственных установок.

Поэтому современные конфликты приобретают многомерный характер и сочетают информационное, финансовое, экономическое, дипломатическое и специальное воздействие на противника в реальном масштабе времени. Такими многомерными конфликтами являются цветные революции и гибридные войны, для которых характерно целенаправленное, адаптивное применение как военно-силовых методов, методов экономического удушения противника, так и подрывных информационных технологий.

Адаптивность как важнейшее свойство стратегий информационных войн

В ходе информационной войны используется широкий набор средств и методов, предназначенных для достижения информационного превосходства над противником, навязывания всем категориям населения нужной агрессору картины мира, достижения информационного превосходства и разрушения цивилизационного кода.

Важная особенность современных конфликтов заключается в высокой степени их непредсказуемости из-за воздействия различных трудно прогно-

зируемых факторов. Это предъявляет особые требования к гибкости и адаптационным возможностям применяемых сил и средств.

Эффективность информационно-психологического воздействия на целевые группы населения противника в решающей степени определяется возможностями адаптации всей гаммы используемых инструментов к целям и задачам конкретного конфликта — цветной революции или гибридной войны. Таким образом, адаптивность является важнейшим свойством стратегий информационной войны. В общем случае под адаптивностью следует понимать: «Способность дать адекватный ответ на изменяющиеся требования внешней среды или на запросы низших уровней системы».

Применительно к информационной войне понятие адаптации как процесса приспособления используемых средств и методов к изменяющимся условиям внешней среды, предполагает изменение интенсивности информационного воздействия, его методов, сил и средств, направленности, а также объектов воздействия в зависимости от типа конфликта (цветная революция или гибридная война) и особенностей его развития.

Управление информационной войной в ходе современных конфликтов (в рамках статьи ограничим их перечень цветными революциями и гибридными войнами), носящими относительно ограниченный характер и протекающими в условиях политической, социальной, экономической нестабильности и турбулентности, требует придания серьёзных адаптационных возможностей моделям, предназначенным для содействия в выработке решений по применению информационно-психологических технологий.

Адаптивное управление в стратегиях «управляемого хаоса», на которых построены многие современные конфликты, основывается на приспособлении замысла информационных операций к трудно прогнозируемым и изменяющимся внешним и внутренним условиям для достижения цели с требуемой эффективностью. При адаптивном управлении в информационной войне гибко изменяется цель управления, методы и средства её достижения и интенсивность их использования, а также сами объекты приложения усилий. Мониторинг обстановки и обратные связи обеспечивают управленческие структуры данными для анализа и прогнозирования политических ситуаций в результате чего эффективность информационных операций и войны в целом при адаптивном управлении оказывается выше, чем при неадаптивном управлении.

По мнению американского исследователя Дж.Розенау, всю совокупность политических адаптивных стратегий и вариаций адаптивности в общем случае можно свести к трем основным типам:

— уступчивая адаптация, когда политическая система пассивно приспосабливается к требованиям внешней среды, зачастую игнорируя внутренние запросы;

— неуступчивая адаптация, при которой политическая система пытается отвергнуть вызовы, исходящие от внешней среды;

— предохранительная адаптация, когда соблюдается некий баланс внутрисистемных требований и запросов внешней среды, который оказывается достаточно гибким и дает возможность для перераспределения системных ресурсов с запросов внешней среды на внутрисистемные требования и наоборот.

Отметим, что утрата способности к адаптации ведет к постепенной потере эффективности ИВ и в конечном итоге к неудачному исходу. В современной практике возможны случаи использования нескольких типов политических адаптивных стратегий в рамках единого общего замысла информационной войны. «Жесткая» привязка к одному типу адаптивной стратегии нередко приводит к серьезным сбоям в реализации замысла вплоть до неудачи ИВ.

Так, например, в процессе инициирования гражданской войны на Украине страны Запада вначале пытались использовать стратегию, опирающуюся, главным образом, на не силовые действия с использованием в ходе информационной войны технологий управляемого хаоса. С известными оговорками это «сработало» в столице и некоторых других крупных городах. Однако выбранная стратегия игнорировала вызовы внешней среды, связанные с ясно заявленным несогласием большинства населения юго-востока страны с предлагаемыми политическими решениями. Вскоре это привело к развёртыванию в регионе кампании массового неповиновения и наращиванию военно-силового противостояния.

Таким образом, принятая правительством под давлением заморских советчиков стратегия неуступчивой адаптации привела к необходимости использования силы и вылилась в полномасштабную гражданскую войну. Методы информационного воздействия оказались несостоятельными.

В историческом аспекте стратегии неуступчивой адаптации в информационных войнах продемонстрировали свою неадекватность в ходе агрессии США во Вьетнаме, агрессии США и НАТО против Югославии, войны США в Ираке в 2003 году, вмешательства НАТО в Ливии, гражданской войны в Сирии.

Применительно к политическим адаптивным стратегиям примером неудачного использования стратегии уступчивой адаптации в дипломатической практике можно считать Мюнхенские соглашения 1938 года. Более свежий пример — политика уступок украинского руководства в период развертывания событий на киевском майдане и полнейшая неспособность противопо-

ставить внутреннему и внешнему агрессору адекватную информационную стратегию, не говоря об упущенной возможности своевременно принять законные меры по пресечению попыток вооруженного захвата власти.

В общем случае уступчивая и неуступчивая стратегии, к которым прибегают обе стороны конфликта, могут рассматриваться как два крайних полюса возможной реализации адаптации информационного воздействия в современных конфликтах, в том числе и при планировании и проведении цветных революций и гибридных войн.

Применение властями уступчивой адаптации даёт ожидаемый позитивный эффект лишь на начальном этапе цветной революции, когда власти сталкиваются с необходимостью противостояния относительно мирным манифестациям. Однако ожидаемый позитивный эффект должен достигаться не за счёт уступок требованиям манифестантов, а путём своевременного и массированного использования информационных средств контрпропаганды и перехвата инициативы.

Отсутствие необходимых для этого предварительно подготовленных механизмов быстрого информационного реагирования создаёт неприемлемую с точки зрения национальной безопасности ситуацию, в которой власти пытаются прибегнуть к уступчивой адаптации за счёт пассивного приспособления к требованиям оппозиции. При этом нередко игнорируется наносимый ущерб национальной безопасности.

Дело в том, что подрывные силы по своему расценивают шаги властей по уступчивой адаптации, понимая, что стратегия взаимных уступок на начальной стадии конфликта позволяет достичь лишь определенного «порогового» значения поставленной оппозицией цели. Считается приемлемым, когда на начальной стадии за счет компромисса между оппозицией и властями удаётся добиться, например, отставки нескольких высокопоставленных чиновников, суда над несколькими коррупционерами. Однако к «слому» правящего режима и захвату власти такие действия не приведут.

Поэтому оппозиция усиливает давление на власти, переходит к ограниченным, а затем и достаточно масштабным силовым мерам воздействия. В результате обе стороны конфликта все в большей степени втягиваются в стратегию неуступчивой адаптации, при которой отвергаются вызовы, исходящие от внешней среды.

Дальнейшее развитие обстановки будет зависеть от готовности властей решительно использовать находящийся в их руках потенциал сил охраны правопорядка с одной стороны и способности оппозиции перейти к масштабным силовым акциям с другой.

В этом контексте организаторы цветных революций пытаются на начальной стадии конфликта максимально полно использовать возможности

предохранительной адаптации, когда соблюдается некий баланс внутрисистемных требований, обусловленных особенностями обстановки в стране и запросов со стороны организаторов цветной революции (во многих случаях это внешние структуры и манипулируемые ими внутренние силы). Такой баланс представляется достаточно гибким и в рамках адаптации интенсивности информационно-психологического воздействия дает возможность оперативно перераспределять базовые системные информационные и силовые ресурсы с учетом запросов внешней структуры на внутрисистемные требования и наоборот.

Реализация стратегии предохранительной адаптации в ходе цветной революции оказывается весьма показательной при рассмотрении практики адаптивного применения информационно-коммуникационных технологий и военной силы на различных этапах конфликта на Украине в конце 2013–2014 году.

Начальник Генерального штаба ВС РФ В.В. Герасимов на III Международной конференции по безопасности 23 мая 2014 г. в Москве заявил: «...в разрешении украинского кризиса определяющим будет возрастание фактора военной силы и масштаба ее применения. Это подтверждает наметившуюся устойчивую тенденцию использования адаптивного подхода к применению военной силы», — подчеркнул В.В. Герасимов. Властями Украины для подавления протестов русскоязычного населения в юго-восточных районах страны была создана группировка войск, имеющая на вооружении боевую технику, артиллерийские системы, реактивные системы залпового огня и боевую авиацию. Привлекались иностранные наёмники, частные военные компании.

Применительно к информационной войне речь идёт об адаптивных изменениях интенсивности, содержания, средств и методов информационного воздействия. Осуществляется перераспределение целей информационных операций. При этом интенсивность, содержание и масштабы информационного воздействия на противника на каждой из стадий определяются избранной стратегией ИВ в зависимости от вида конфликта, который может развиваться по сценарию цветной революции или гибридной войны. В обоих сценариях для стратегий информационной войны общим является наличие трёх обязательных стадий: зарождения, практических действий и урегулирования на новых политических условиях. На стадии практических действий в рамках адаптивных технологий жёсткой и мягкой адаптации возможно применение военной силы, варьируется также интенсивность, методы и средства информационного воздействия.

Таким образом, в цветной революции предусматривается целенаправленное информационно-психологическое воздействие на руководство, лич-

ный состав вооруженных сил и правоохранных органов, на население государства-мишени в целом для организации государственного переворота и создания условий для перевода страны под внешнее управление. Сила применяется дозированно и в относительно небольших масштабах, как правило, в пределах столицы и некоторых крупных городов. Ставится задача запугать и дезориентировать население, дезорганизовать деятельность государственных структур. Соответственно объектами силового воздействия являются, главным образом, органы управления государством, политические лидеры и местные руководящие структуры.

По опыту цветных революций в странах Ближнего Востока, Киргизии и на Украине в ходе информационных операций против политических лидеров могут выдвигаться обвинения двух типов. Если лидер пытался сохранить стабильность и в ограниченных масштабах использовал для этого силовые приемы, в ходе идеологической подрывной кампании внутренние и внешние силы обличают его как кровавого диктатора, требуют ареста и суда. Если он прибегал, главным образом, к «мягким» способам воздействия на политизированную толпу, его называют главой коррумпированной верхушки и требуют немедленной отставки. В любом случае лидера и его окружение ждут или уничтожение, или арест с последующим судебным процессом с запрограммированным жестким обвинительным приговором.

В общем виде алгоритм управления *цветными революциями* предусматривает целенаправленное воздействие на их масштабы и динамику развития политической ситуации в интересах разрушения социальной системы, против которой направлен конфликт, и создание условий для перевода страны под внешнее управление.

Для стратегии адаптивного применения силы и интенсивности информационного воздействия в ходе *гибридной войны*, в отличие от цветной революции, характерна большая временная протяженность, более широкий спектр разрушительных воздействий, направленных на постепенное удушение и подрыв экономической, финансовой, военной и культурно-мировоззренческой сфер государства-жертвы.

К числу важных особенностей стратегии гибридной войны в отличие от цветной революции следует отнести заблаговременные масштабные военные приготовления с целью использования силы для разгрома вооруженных сил с привлечением регулярных и иррегулярных формирований, сил специальных операций, частных военных компаний и пр.

Общим для стратегий цветной революции и гибридной войны является информационно-психологическое воздействие на противника в ходе информационной войны, которая ведется в соответствии с избранной стратегией.

При этом цели, как интенсивность, так и содержание информационных операций будут разными, что применительно к стратегиям информационной войны в цветной революции и гибридной войне может быть раскрыто при анализе базовых стратегий любого вида войн — стратегий сокрушения и измора. Обе стратегии исследованы в работах русских ученых. Например, русский военный теоретик А.Свечин отмечал, что «понятия о сокрушении и изморе распространяются не только на стратегию, но и на политику, и на экономику, и на бокс, на любое проявление борьбы, и должны быть объяснены самой динамикой последней». Некоторые определения стратегий сокрушения и измора применительно к конвенциональным конфликтам будут рассмотрены ниже.

Адаптивные свойства стратегий сокрушения и измора

Исследования, проведенные автором настоящей статьи и некоторыми другими специалистами, показывают, что понятия «сокрушение и измор» применимы к цветной революции и гибридной войне, что позволяет говорить о наличии соответствующих стратегий, используемых в этих конфликтах.

Как упоминалось выше, цветная революция и гибридная война представляют собой сложные конфликты, в которых комбинированные действия предполагают сочетание традиционной военной мощи с политической, информационной, финансово-экономической и др. составляющими. В этом контексте предполагается рассмотреть стратегии сокрушения и измора применительно к ведению информационной борьбы при подготовке и в ходе цветной революции и гибридной войны.

Исходим из предположения, что результаты проделанного системного анализа позволят определить важные особенности каждой из стратегий применительно к информационной войне, для которой свойственна гибкая и жесткая адаптация используемых методов и средств информационного воздействия.

Стратегию информационной войны применительно к цветной революции предлагается рассматривать как частный вид стратегии не прямых действий. Такая стратегия включает систему политических, социально-экономических, информационно-идеологических и психологических мер воздействия на сознание населения страны, личного состава правоохранительных органов и вооруженных сил с целью подрыва власти за счет провоцирования акций массового гражданского неповиновения, последующего свержения правительства и перевода страны под внешнее управление.

Важной задачей предварительного этапа является разработка комплекса ложных национальных ценностей и интересов, которые за счет умелого ма-

нипулирования сознанием последовательно внушаются населению и правящей элите.

Высокие темпы реализации этой стратегии, наступательный характер проводимых информационно-психологических мероприятий, ориентированных на достижение решительного успеха в относительно сжатые сроки, позволяют отнести ее к категории *стратегий сокрушения*.

В конвенциональной войне стратегия сокрушения рассматривается как «способ военных действий, в основе которого лежит достижение победы путем полного разгрома противника, уничтожения его вооруженных сил и разрушения военно-экономической базы».

Следует отметить, что стратегия сокрушения в информационной войне применительно к цветной революции предусматривает действия весьма решительного и динамичного характера, направленные на осуществление государственного переворота и смену власти. Однако уничтожения вооруженных сил государства-объекта агрессии и разрушения его военно-экономической базы в ходе цветной революции не планируется.

Результатом проведения комплекса информационных операций при подготовке и в ходе цветной революции является военно-политическая, социальная, экономическая нестабильность и турбулентность, которая создается за счет умелого использования внутренних и внешних факторов для провоцирования недовольства населения и массовых выступлений. В числе внутренних факторов-коррупция, высокий разрыв в доходах различных слоев населения, несостоятельность национальных элит, неэффективные социальные лифты, упущения в сфере здравоохранения, образования, правосудия, социального обеспечения, нерешенные межнациональные, межрелигиозные проблемы и некоторые другие.

Наряду с действием внутренних факторов нестабильность и турбулентность усиливаются путем искусственно создаваемой извне хаотизации обстановки силами зарубежных и некоторой части манипулируемых национальных СМИ, средствами традиционной и публичной дипломатии, спецслужбами. В информационной сфере объектами манипуляций со стороны внешних сил являются национальные элиты, молодёжь, оппозиционные движения, экстремистские, этнические и псевдорелигиозные группировки, некоторые общественные группировки без определенного статуса (группы футбольных фанатов, например).

На подготовительном этапе информационные операции, осуществляемые страной-агрессором при подготовке цветной революции, направляются на организацию протестного движения за счет внедрения в сознание населения страны, особенно, национальных элит, молодежи и военно-политического руководства искаженных исторических и идеологических представлений,

ложно трактуемых национальных ценностей и интересов, мотиваций и лозунгов, подобранных с учетом национальных особенностей. Этот процесс может занимать десятки лет, как это было, например, на Украине в период с начала 90-х годов прошлого века и до майданов в 2004 и 2014 годах. Продолжается этот процесс и сегодня.

На определенном этапе цветной революции с целью сокрушения власти, ускорения событий и резкого обострения обстановки осуществляется мощная информационная атака, для успешности которой формируется своеобразный импульс-катализатор, способный вызвать широкий общественный резонанс и вывести людей на улицу. Это может быть информационный «вброс», основанный на истинных или ложных утверждениях о злоупотреблениях в высших эшелонах власти, на необоснованном судебном решении или политически мотивированном убийстве и пр. Правоохранительные органы могут быть спровоцированы на непропорциональное применение силы. С опорой на такое событие по отработанным информационным каналам осуществляется массовая мобилизация боевиков, протестных групп населения и формируется манипулируемая политическая толпа, от имени которой выдвигаются ультимативные требования к властям. Для подогрева оппозиционных настроений и подстрекательства к мятежу используются ангажированные СМИ, различные неправительственные организации, возможности традиционной и публичной дипломатии. С оппозицией активно работают спецслужбы.

Подобный образ действий вполне вписывается в стратегию сокрушения, т.е. стратегию, основанную на относительно высокой динамике наращивания давления на властные структуры со стороны страны-агрессора. В соответствии со стратегией сокрушения на первом — подготовительном этапе цветной революции осуществляется кропотливая работа по сбору информации и подготовке акций массового неповиновения: поиск источников финансирования, формулированию лозунгов, установлению контроля над СМИ, подготовке боевиков-лидеров, выбору объектов для возможного захвата, организации системы оповещения для сбора митингующих и т.д.

Последующие этапы стратегии реализуются в течение относительно короткого промежутка времени (несколько недель) и предусматривает нанесение мощного таранного удара по власти с целью ее свержения и перевода страны под внешнее управление. Серьезность угрозы такой информационной войны осознаётся в высших эшелонах власти нашего государства, что нашло отражение в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где «инспирирование цветных революций» относится к одной из основных угроз государственной и общественной безопасности страны.

Вместе с тем, применительно к достаточно стабильным крупным государствам не всегда таранный удар по власти, характерный для цветной революции, позволяет достичь желаемой цели. Для воздействия на такие государства разработана стратегия гибридной войны, которая нацелена на изнурение страны-жертвы и строится на использовании широкого спектра действий, осуществляемых с использованием военных и иррегулярных формирований с проведением одновременно по единому замыслу и плану операций по хаотизации сферы военно-политического управления, социально-экономической и культурно-мировоззренческой сферы, сферы военной безопасности.

В информационной сфере для дезорганизации и ослабления государства применяются кибератаки против систем управления страной и вооруженными силами, финансово-банковской системы, предприятий ОПК и бизнес-структур. Одновременно в рамках гибридной войны для решения задач непрямого воздействия на противника используется информационная стратегия, представляющая собой разновидность стратегии измора.

В конвенциональной войне стратегия измора рассматривается как «способ военных действий, в основе которого лежит расчет на достижение победы путем последовательного ослабления противника, истощения его вооруженных сил, лишения противника возможности восстановить потери и удовлетворять военные нужды, поддерживать боеспособность армии на требуемом уровне, перехватывать его коммуникации, принуждать врага к капитуляции».

Следуя стратегии измора в ходе информационной войны, государство-агрессор на протяжении длительного периода тайно, без формального объявления войны использует технологии информационно-психологического воздействия на население в интересах нарушения единства и территориальной целостности государства, дестабилизации внутрисполитической и социальной ситуации. Важное место отводится разрушению традиционных духовно-нравственных ценностей, переформатированию культурно-мировоззренческой сферы. Подрывные информационно-коммуникационные технологии ориентируются в первую очередь против военно-политического руководства, национальных элит, молодёжи, личного состава вооруженных сил и в целом населения страны-мишени.

В результате в гибридной войне операции информационной войны в сочетании с военно-силовыми действиями, подрывом экономики и финансов создают условия для достижения поставленных целей по военному поражению противника. На всех этапах планирования и осуществления операций информационной войны в ходе гибридной войны проводится мониторинг обстановки, определяются «запасы» устойчивости власти и государства в

целом. При достижении критических значений внутригосударственной нестабильности (в сферах административно политического управления, экономической, военной, культурно-мировоззренческой) может быть принято решение об осуществлении государственного переворота. В этом случае осуществляется переход к стратегии сокрушения за счет инициирования цветной революции.

Образно говоря, во многих случаях цветные революции как грибы-поганки вызревают на поле, удобренном делателями гибридной войны. Иногда сокрушительного ядовитого потенциала такого гриба оказывается достаточно для того, чтобы отправить государство в нокаут. Иногда потребуются синтезированное воздействие нескольких подрывных информационных операций.

Для анализа стратегий информационных войн в конфликтах современности весьма плодотворными с методологической точки зрения представляются идеи политолога В.В. Карякина о «разработке альтернативных стратегий следующего поколения, которые можно подразделить, в зависимости от степени очерёдности их реализации, на «действия мгновенной реакции» и действия в ближнесрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективах и сценариям противодействия.

В целом, в ходе информационной войны в ее среднесрочной и долгосрочной перспективах реализуются стратегии изнурения страны, когда наряду с подрывом экономики, применением санкций, продолжается работа по разложению правящих элит, снижению воли вооруженных сил и населения к сопротивлению переменам, навязываемым извне. На определенном этапе разворачиваются военные действия с участием местных мятежников, наемников, частных военных компаний, поддерживаемых кадрами, оружием и финансами из-за рубежа и некоторыми внутренними субъектами.

Важной составляющей стратегии информационной войны, направленной на измор и изнурение противника, является оказание давления на руководство и население страны путем целенаправленного воздействия на сферу военной безопасности. Цель — за счет проведения информационных мероприятий и ограниченных по масштабу военных демонстраций спровоцировать государство-жертву на наращивание изнуряющих военных расходов. Осуществляется провоцирование локальных конфликтов в приграничных районах и стратегически важных регионах, вблизи границ проводятся военные учения по провокационным сценариям, разворачиваются дестабилизирующие системы оружия. При широком использовании возможностей «пятой колонны» и агентурных сетей на системной основе осуществляется «демонизация» высшего военно-политического руководства, расшатываются военно-политические и экономические союзы.

В конечном итоге сбалансированное сочетание стратегий сокрушения и измора в информационной войне в цветной революции и гибридной войне позволяет сформировать своеобразный разрушительный тандем, который целенаправленно использует свойства глобальной критичности современного мира для подрыва фундаментальных основ существующего миропорядка, дестабилизации отдельных стран с целью добиться их капитуляции, подчинения стране-агрессору и установления глобального доминирования Запада. В основе сочетания стратегий сокрушения и измора лежат механизмы поэтапного усиления и эксплуатации критичности с целью хаотизации обстановки в стране-мишени.

Российская адаптивная стратегия противодействия в информационной войне

Анализ действий наших геополитических противников показывает, что гибридная война против России ведется уже на протяжении длительного исторического периода, а информационная война представляет собой её важнейший компонент. При этом ведущая роль отводится операциям информационно-психологической войны и непрямым средствам воздействия на экономику, поскольку прямая вооруженная агрессия против России, обладающей ядерным оружием, пока представляется маловероятной.

В современных стратегиях информационной войны противник умело использует её характерную особенность, связанную со сложностью идентификации используемых агрессивных манипуляционных технологий, которая заключается в возможности неоднозначных интерпретаций источников и результатов их применения. Кроме того, существуют объективные трудности выявления всей совокупности элементов информационно-психологической программы, а также не разработанность нормативно-правовой базы, на основании которой можно было бы доказать преднамеренность той или иной манипуляции, например, в культурно-мировоззренческой сфере.

Опираясь на указанную особенность, противник в гибридной войне сочетает арсенал не прямых средств воздействия с перманентной угрозой вооруженной агрессии против России. Такая угроза используется для провоцирования военных расходов, подрыва экономики, информационно-психологического давления на население. Не исключено, что при определенных обстоятельствах угроза военного нападения может стать реальной, что требует безусловного приоритета в укреплении обороноспособности нашей страны.

Характерным для действий противника является стремление добиваться синергетического воздействия используемых технологий за счет создания

интегральных синхронизируемых моделей информационной войны с использованием ресурсов США и союзников по НАТО.

США и НАТО с целью сохранения мирового лидерства выстраивают интегрированную модель ИВ, способную обеспечить синхронизацию соответствующих действий в отношении противника с привлечением широкого арсенала средств информационно-психологического воздействия на население при подготовке цветных революций и ведении гибридной войны.

Развитие средств и технологий информационной войны, ориентированных на обширные целевые группы населения в различных странах, делает все более актуальной разработку средств противодействия информационно-психологическим технологиям манипулирования сознанием, а также развитие методов управления и защиты информационного пространства.

Эффективность современной российской стратегии противодействия информационным войнам в решающей степени определяется четким осознанием и осмысливанием национальных ценностей и национальных интересов нашего государства, наличием научного обоснования их иерархии и приоритетности. Политолог А.А. Чекулаев предлагает классифицировать национальные интересы по степени их важности (приоритетности), временным и географическим показателям, а также сферам проявления. В структуре национальных интересов им выделяются интересы личности, общества и государства; жизненно важные (или главные), важные и просто интересы (группа специфических интересов); внутривнутриполитические и внешнеполитические интересы. По степени важности он выделяет группы главных (жизненно важных), а также специфических национальных интересов.

Применительно к России следует отметить, что при реализации национальных интересов и ценностей в различные исторические периоды в зависимости от изменчивых условий преобладали политические, экономические, культурно-цивилизационные или военно-силовые акценты. Этим определялась направленность конкретных практических действий в соответствующих сферах деятельности государства.

Наряду с изменчивым блоком национальных интересов некоторые исследователи отмечают, что «у нации существуют константные ценности, к которым она стремится постоянно, в любых условиях». К их числу относят выживание социума, его благополучие, стабильное и безопасное развитие, культурная самобытность, возможность самостоятельно решать вопросы своего развития и обеспечивать суверенитет, поддерживать статус страны в мировом сообществе.

По нашему мнению, при разработке стратегии противодействия константные ценности должны использоваться в качестве своеобразных огра-

ничителей предпринимаемых шагов в военно-политической, экономической, культурно-мировоззренческой сфере, выход за пределы которых недопустим. Обеспечение соответствия константным ценностям вырабатываемых в процессе принятия решений по различным политическим ситуациям в сфере обеспечения международной и национальной безопасности и будет определять адекватность применяемых мер системе ценностей и национальных интересов.

Кроме того, Россия располагает широким спектром уникальных консервативных ценностей, которые имеют широкое международное измерение. В их числе консервативное понимание личности и свободы, справедливость как ключевая сверхценность России (в том числе и справедливость мироустройства), моральная правота перед лицом глобального лицемерия и двойных стандартов, отрицание необратимости торжества евроатлантической модели глобализации, открытость к многополярному миру с принципиально разными доктринами развития и др.

На XV Всемирном русском народном соборе в мае 2011 года Святейший Патриарх Кирилл сообщил о работе над проектом «Базисные ценности — основа общенациональной идентичности», перечислив включенные в него понятия: справедливость, мир, свобода, единство, нравственность, достоинство, честность, патриотизм, солидарность, семья, культура, национальные традиции, благо человека, трудолюбие, самоограничение, жертвенность. Предстоятель выразил уверенность, что в этот список следует включить также веру.

Позиция РПЦ в защиту базисных ценностей как основы общенациональной идентичности делает церковь объектом ожесточенных информационных атак, которые направляются на «религиозные символы, идеи и образы православия и связанные с ними ценности веры, семьи, Родины, национальной культуры. Нам не известен ни один случай глумливого отношения к религиозным чувствам российских мусульман, иудеев, буддистов. Но православие так же, как и архетипы традиционного самосознания, выраженные в русской культуре, все время остаётся актуальным объектом нападения».

Не вызывает сомнения, что Русская православная церковь как ядро цивилизационного объединения русского народа и его защитница на протяжении тысячелетия нуждается в свою очередь в защите от тщательно спланированных подрывных информационных операций. Показательным в этом контексте является мнение авторитетного исследователя М.Б. Смолина: «Формально юридическое отделение Церкви от государства никогда не отделяло Православия от русской истории, от веками сложившегося психологического и нравственного стереотипа национального поведения. Современное тяжёлое положение российского общества, во многом потерявшего нравственные и

мировоззренческие ориентиры, требует восстановления исторических взаимоотношений двух важнейших институтов нашего национального мира».

Рассмотренный перечень национальных ценностей должен служить основой при осознании, формулировании и реализации национальных интересов, выработке стратегических национальных приоритетов и показателей состояния национальной безопасности. Использование предлагаемых российскими учеными подходов к определению национальных ценностей и интересов при разработке Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в редакции от 31 декабря 2015 года позволило придать документу новый стратегический размах и конкретность в решении жизненно важных национальных проблем.

В этом контексте особого внимания требует совершенствование российского потенциала «мягкой» силы для эффективного противодействия подрывным стратегиям информационной войны. Нарастивание масштабов использования информационных технологий против России, их доступность создаёт условия для обработки широких социальных слоев общества с привлечением технологий навязывания массовой культуры населению. При этом заимствуются и используются коды других культур на поверхностном, фрагментарном и упрощенном уровне, что упрощает задачу имитации и тиражирования образцов высокой культуры в различных формах информационного противостояния.

Методологически важной для разработки политики в сфере обеспечения информационной безопасности представляется мысль Г.Ю. Филимонова, автора работы «Мягкая сила» культурной дипломатии США» о необходимости создания в Российской Федерации идейной и идеологической базы для успешной реализации комплекса задач по противостоянию современным подрывным информационным технологиям на основе общенародной консолидации. Для этого нужны «укрепление, а в отдельных случаях возрождение исторической памяти народа и его самосознания». Наряду с этим, необходимы серьёзные длительные усилия по повышению на международном уровне заметности и притягательности России не только, например, в сфере высокой культуры или спорта высоких достижений, но и на уровне массовой молодёжной культуры (кино, музыка, телепрограммы, литература, массовый спорт и т.п.).

Одним из важных направлений развития «мягкой силы» представляется интернационализация российского образования. Увеличение числа иностранных студентов в российских вузах позволит готовить лояльно настроенных к нашей стране специалистов, некоторые из которых со временем будут определять политику своих государств. Для этого необходима целенаправленная работа по повышению заметности российских университетов за

рубежом, выдвижения их на достойные места в международных рейтингах. Решение этой стратегически важной задачи связано с немалыми расходами, что требует государственной поддержки учебным заведениям.

Многомерный характер цветных революций и гибридных войн, которые сочетают информационное, финансовое, экономическое, дипломатическое и специальное воздействие на противника в реальном масштабе времени, требует глубокой интеграции Вооруженных сил и всего российского общества, продуманного построения системы военно-гражданских отношений, привлечения потенциала отечественного бизнеса, создания многомерной системы противодействия в первую очередь на культурно-мировоззренческом уровне. Одним из основных приоритетов в этой сфере должно стать укрепление роли русского языка как средства межнационального общения мультикультурной общности народов не только российского и постсоветского пространств, но и в зонах стратегических интересов России.

Комплексное решение задач противодействия подрывным информационным технологиям требует обеспечить тесную взаимосвязь между правительством, общественностью и Вооруженными силами в рамках единой стратегии обеспечения информационной безопасности и ведения ИВ на основе сформулированных и осознанных национальных ценностей и интересов.

С учётом стратегии сокрушения, которая используется в цветных революциях, необходимо формировать своеобразный потенциал «информационного быстрого реагирования», применение которого должно позволить в сжатые сроки парировать информационные атаки противника. Наряду с этим, принимая во внимание долгосрочный характер информационного воздействия в гибридной войне, следует разработать комплекс мер по противостоянию угрозе, рассчитанный на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Следует наращивать меры по снижению эффективности воздействия на общество и Вооруженные силы подрывных информационных технологий за счет упреждающей контрпропаганды, защиты своих объектов от такого воздействия при одновременном ограничении и перекрытии возможных каналов информационной агрессии.

Необходимо повышать качество мониторинга обстановки в культурно-мировоззренческой сфере и формировать модели, позволяющие осуществлять интегрированный упреждающий ответ на попытки информационно-психологического воздействия противника.

Эти и некоторые другие подходы должны быть использованы при разработке в Российской Федерации всеобъемлющей стратегии противодействия информационной войне.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННЫХ МОДЕЛЕЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В эпоху глобализации существенно изменилось общее соотношение потенциалов ведущих государств и международных организаций. Возможности влияния на мировые процессы со стороны ведущих государств возросли при заметном снижении соответствующих возможностей международных организаций.

Этот фактор — назовем его фактором баланса влияний — оказывает решающее влияние на постановку и решение универсальных вопросов международной политической, экономической и военной конкуренции, обеспечение международной и национальной безопасности, сохранение стабильности и устойчивого развития.

Одновременно в международных отношениях в условиях глобализации и формирования многополюсного мира заметно повысилось влияние факторов неопределенности, связанное с появлением негосударственных глобальных акторов, в первую очередь международного терроризма, состоянием экологии, проблемами распределения ресурсного потенциала мирового развития, управления глобальной социальной сферой.

Суммарное воздействие комплекса факторов баланса влияний и неопределенности при крайне слабом глобальном управлении привело мир к состоянию хаоса и нестабильности. В этих условиях последствия глобализации в контексте обеспечения национальной и международной безопасности весьма противоречивы.

Глобализация создаёт как не виданные ранее возможности для развития и процветания различных стран, так и новые, крайне опасные вызовы, риски, опасности и угрозы, требующие координированного противодействия со стороны современных моделей обеспечения международной и национальной безопасности.

На фоне снижения авторитета и эффективности международных организаций происходит снижение управляемости процессами в сфере международной безопасности. Порожденное этим несоответствие между масштабными угрозами и возможностями совместного противостояния им обуславливает необходимость научного осмысливания вопросов адаптации международных организаций к динамично трансформирующимся политическим условиям, объединения и координации их деятельности, придания им способности гибко и эффективно реагировать на перемены с целью предотвращения кризисной ситуации. В адапта-

ции к реалиям современного мира нуждаются и стратегии национальной безопасности.

Острота и во многом нерешенность проблем обеспечения национальной и международной безопасности в решающей степени обусловлена двумя взаимосвязанными процессами.

Во-первых, актуальность проблем обеспечения международной безопасности и растущее понимание необходимости сотрудничества в интересах их решения приводит к выработке важных международных документов, попыткам установить единые правила, стандарты и практики, направленные на сотрудничество в интересах стабильности и устойчивого развития. Это безусловно позитивный фактор, влияние которого привело к появлению и постепенному внедрению в практику международных отношений определенных глобальных рамочных договоренностей, в которых удалось объединить пласт общемировых отношений, выдерживаемых в формате сотрудничества, взаимного понимания.

Однако, *во-вторых*, внутри этой глобальной объединяющей конструкции развивается процесс усложнения, роста многообразия социальных, экономических и политических отношений в рамках отдельных государств и между ними. В основе этого процесса лежат национальные интересы и ценности, декларируемые каждым государством в отдельности.

На этом фоне международные и национальные стратегии обеспечения безопасности нередко не совпадают, а по ряду положений носят конфликтный характер, что приводит к невысокой солидарности действий членов мирового сообщества, а то и к полному отсутствию совместного понимания ключевых проблем современности.

В международно-политической сфере центральным противоречием глобализации выступает конфликт между объективной потребностью в усилении коллективного регулирующего (а в перспективе — глобального управляющего) воздействия человеческого общества на развитие глобализации и стремлением нынешних лидеров этого процесса сохранить за собой ключевые инструменты регулирования в своих руках. Усиление эгоцентрических национальных акцентов в политике государств в решающей степени способствует расшатыванию архитектуры международной безопасности, негативно влияет на стратегическую стабильность в масштабе мира, региона или отдельного государства, провоцирует неустойчивость развития.

Вместе с тем все государства мира признают наличие общемировых трансграничных вызовов, рисков, опасностей и угроз, для противостояния которым необходимо так или иначе соотносить свою деятельность с общей стратегией совместных действий, объединять необходимые ресурсы и с этой целью вступать в отношения с другими субъектами мировой политики.

Главный смысл и назначение современной модели обеспечения международной безопасности состоят в том, чтобы в эпоху глобализации наднациональные стратегии обеспечения глобальной и региональной безопасности формировались как механизмы, выстраивающиеся над государствами, но действующие с их помощью и одновременно выражающие их коллективную волю.

Решение этой задачи возможно только на пути взаимного согласования стратегий обеспечения международной и национальной безопасности в рамках интегральной комплексной модели, фундаментальным свойством которой должна стать способность к адаптации спектра международных и национальных стратегий. На стратегии обеспечения международной и национальной безопасности решающее влияние оказывают вызовы, риски, опасности и угрозы (ВРОУ), которые служат детерминантами развития соответствующих стратегий.

Несовпадение взглядов международного сообщества, отдельных государств и их союзов на существующие ВРОУ, на степень их влияния на состояние международной безопасности и необходимые меры противодействия создает предпосылки для выхода политической ситуации из-под контроля и конфронтации. Этому способствует влияние двух групп факторов.

Во-первых, мощное дестабилизирующее воздействие на международную безопасность оказывают попытки отдельных субъектов необоснованно присвоить себе монопольное и неподконтрольное международному сообществу право определять приоритетность существующих и прогнозируемых ВРОУ.

Во-вторых, серьезные последствия для международной безопасности имеют попытки некоторых государств и организаций в одностороннем порядке выбирать формы и способы противостояния ВРОУ, включая военно-силовые меры противодействия. С учетом этих факторов комплексная модель обеспечения международной безопасности должна строиться с опорой на общепризнанные и обязательные для выполнения правила поведения на международной арене и предусматривать надежные механизмы влияния на развитие политических ситуаций при минимизации (исключении) действия субъективного фактора.

С учетом сказанного следует констатировать, что международному сообществу пока не удалось создать эффективные и надежные модели для решения реальных проблем обеспечения безопасности — как парирования традиционных угроз, так и вызовов нового поколения — которые не только сохраняются, но и ужесточаются, трансформируются требуя формирования коллективного потенциала для противодействия. Более того, усиливается конкурентная составляющая в деятельности ряда организаций обеспечения

международной безопасности, которые нередко действуют разрозненно, не обеспечивают должной координации и интеграции усилий по противостоянию ВРОУ.

Указанный недостаток формирует проблемную ситуацию, суть которой состоит в противоречии между наличием разветвленной системы организаций обеспечения международной безопасности и недостаточной разработкой научно обоснованных рекомендаций по повышению эффективности их совместной деятельности и координации усилий при решении задач обеспечения международной безопасности.

Главный смысл и назначение современной модели обеспечения международной безопасности состоят в том, чтобы в эпоху глобализации наднациональные стратегии обеспечения глобальной и региональной безопасности формировались как механизмы, выстраивающиеся над государствами, но действующие с их помощью и одновременно выражающие их коллективную волю.

Решение этой задачи возможно только на пути взаимного согласования стратегий обеспечения международной и национальной безопасности в рамках интегральной комплексной модели, фундаментальным свойством которой должна стать способность к адаптации спектра международных и национальных стратегий.

Важной частью проблемы является противоречие между, с одной стороны, стремлением государств обеспечить свое физическое выживание и возможность вести себя в международной системе, руководствуясь своим суверенитетом, что нередко ведет к нарушению международной безопасности в пользу национальных интересов. С другой стороны, жизненно важной является задача поддержания мира в отношениях между государствами в рамках сформировавшегося международного политического пространства.

Разрешение указанного противоречия требует приспособления к современным политическим реалиям стратегий политической адаптации национальных интересов к интересам всего мирового сообщества в рамках интегральной комплексной модели обеспечения международной безопасности.

В идеальном случае логика интегральной комплексной модели обеспечения международной безопасности строится на предположении (которое должно стать нормой поведения государств и их союзов), что наиболее мощные державы способны к самоограничению (сдержанности) при реализации стратегии национальной безопасности, а мировое сообщество в свою очередь способно ограничивать действия тех международных субъектов (государств или негосударственных игроков), поведение которых наносит явный ущерб интересам международной безопасности в целом.

Таким образом самоограничение и ограничение — ключевые условия стратегий обеспечения международной и национальной безопасности. Миссия ограничения возлагается, прежде всего, на ООН и ОБСЕ, а миссии самоограничения на отдельные наиболее сильные державы (сегодня это США, Россия, Китай) и отдельные организации обеспечения региональной безопасности (НАТО, ОДКБ).

В свете вышесказанного хочу привлечь ваше внимание к реализации стратегий самоограничения и ограничения в интегральной модели обеспечения международной безопасности и национальной безопасности России. Модель позволяет отразить взаимосвязь стратегий обеспечения международной и национальной безопасности, дать наглядное представление о механизмах согласования и достижения оптимального баланса интересов международного сообщества и отдельных государств.

Инструменты взаимодействия современных моделей обеспечения международной и национальной безопасности при реализации ограничения и самоограничения.

Инструменты ограничения

— нормативно-правовая база и авторитет ООН и ОБСЕ

Инструменты самоограничения

— национальные (блоковые) интересы и ценности.

В Стратегии национальной безопасности России обеспечение национальных интересов осуществляется за счет:

— стратегических национальных приоритетов (СНП) как важнейших направлений обеспечения национальной безопасности;

— показателей состояния национальной безопасности государства (ПСНБ).

Применительно к России определяющая роль принадлежит национальным интересам и ценностям, защита которых является основополагающей задачей государства. Этот императив должен быть четко зафиксирован в единой Стратегии, охватывающей вопросы обеспечения международной и национальной безопасности.

В действующей Стратегии национальной безопасности России отмечено, что обеспечение национальных интересов осуществляется посредством реализации стратегических национальных приоритетов (СНП) как важнейших направлений обеспечения национальной безопасности, а также использованием в качестве критерия показателей состояния национальной безопасности государства (ПСНБ).

В рамках настоящего исследования совокупность СНП и ПСНБ рассматривается как набор практических инструментов, использование которых в модели позволяет структурировать деятельность по обеспечению безопас-

ности, обеспечить незыблемость стратегических установок, гибко менять тактику и осуществлять контроль.

С учетом веса и авторитета России в международном сообществе предложен подход, позволяющий отразить в модели зависимость состояния международной безопасности от ПСНБ при реализации каждого из девяти СНП, перечисленных в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

В качестве примера взят СНП «Оборона страны».

В связи с важностью этого СНП при решении задач обеспечения международной и национальной безопасности показана целесообразность расширить перечень ПСНБ, которые в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (в редакции от декабря 2015 года) включают лишь долю «современных образцов вооружения, военной и специальной техники в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах».

Однако это лишь часть показателей, характеризующих боевой потенциал вооруженных сил, который представляет собой совокупность имеющихся средств, а также материальных и духовных возможностей вооруженных сил, формирующих их способность эффективно выполнять стоящие перед ними боевые задачи, успешно вести военные (боевые) действия.

Важнейшим показателем является также боевая готовность вооружённых сил как состояние, определяющее степень подготовленности каждого вида вооруженных сил (войск) к выполнению возложенных на него боевых задач. Постоянная боевая готовность обеспечивается необходимой укомплектованностью войск личным составом, вооружением, техникой, запасами материальных средств, а также высокой выучкой личного состава.

С учетом этих соображений расширенный перечень возможных ПСНБ должен включать некоторые дополнительные количественные критерии, в том числе: доля соединений и частей постоянной готовности от общего количества соединений и частей ВС РФ, количество военных учений, среднее количество часов налета летчика боевой авиации, количество полетов самолетов стратегической авиации за пределами национальных границ, количество походов кораблей ВМС в международных водах, количество атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) на боевом дежурстве и некоторые другие.

Для оценки состояния международной безопасности используются обоснованные нами уровни: стабильная, обостряется, становится опасной, становится критической. Колебания уровня международной безопасности (ее укрепление или ослабление) зависят от интерпретации изменений ПСНБ субъектами международного права.

Соотношение между состоянием международной безопасности (МБ) и ПСНБ для наглядности предлагается отразить в виде графика на рис.1. По горизонтальной оси графика размещены значения ПСНБ, по вертикальной оси располагаются оценки состояния МБ.

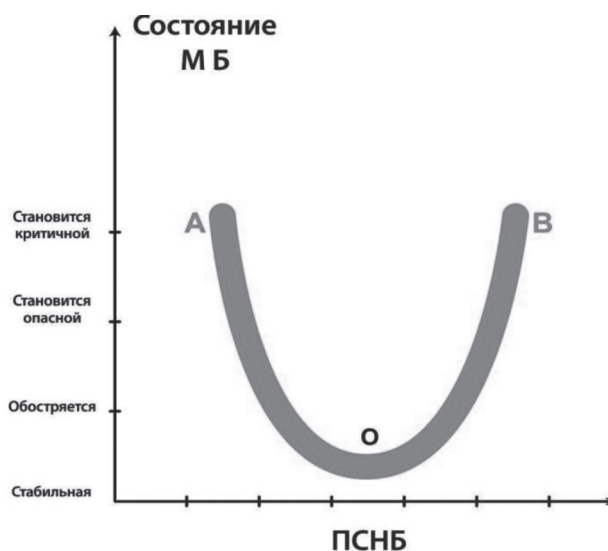

Рис. 1. Зависимость состояния международной безопасности от показателей состояния национальной безопасности при реализации СНП «Оборона страны»

На рисунке в графической форме отражена логика использования ПСНБ при согласовании стратегий обеспечения международной и национальной безопасности. График показывает, что наращивание каждого ПСНБ или их совокупности без соответствующей оценки и прогноза влияния принимаемых решений на международную безопасность может привести к выходу ее состояния на критические уровни, что обуславливает необходимость поиска компромиссных решений. Например, с одной стороны повышение доли соединений и частей постоянной готовности от общего количества соединений и частей с точки зрения совершенствования национальной безопасности может рассматриваться как безусловно позитивный шаг.

С другой стороны, при оценке этого шага некоторые международные организации и отдельные государства получают основание заявить о своей обеспокоенности наращиванием военных приготовлений и рассматривать их как угрозу международной безопасности и нарушение Россией обязательств по военной сдержанности. К схожим выводам могут привести и наращивание количества и масштабов учений, выбор места их проведения, резкое наращивание производства оружия и военной техники, рост объема продажи оружия за рубеж и некоторые другие шаги. С целью не допустить такого

варианта развития обстановки необходима хорошо развитая система мер по взаимному информированию о военной деятельности с опорой на надежные механизмы мониторинга и прогнозирования. Негативные изменения международной безопасности при таком политическом сценарии показаны на части ОВ графика.

В то же время, пренебрежение вопросами национальной обороны, снижение уровня подготовки и оснащения Вооруженных Сил Российской Федерации, разрушение ОПК как это было, например, в течение 90-х годов прошлого века, вносит серьезный дисбаланс в международную сферу, приводит к заметному снижению состояния не только национальной, но и международной безопасности. В этих условиях при отсутствии противодействия со стороны бывшего геополитического противника произошло расширение НАТО. США и их союзники в рамках кампании по завоеванию глобального доминирования развязали агрессию против Югославии, Ирака, Афганистана, способствовали дестабилизации ряда режимов на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в частности, Ливии и Сирии, спровоцировали гражданскую войну на Украине. Негативные последствия такой политики продолжают действовать и усиливаются и сегодня. На графике развитие событий по этому сценарию показано на левой ветви графика ОА.

Таким образом, необходима оперативная и всеобъемлющая оценка и прогноз возможных последствий действий государства по обеспечению национальной безопасности в широком контексте за счет увязки влияния принимаемых шагов на состояние международной и национальной безопасности. Результатом такого поиска должно стать оптимальное соотношение двух категорий — национальной и международной безопасности, которое отображается точкой «О» на графике. Стране необходима сбалансированная политика национальной безопасности при безусловном приоритете национальных интересов и ценностей и одновременном учете политических реалий, складывающихся в международной обстановке, интересов других государств и международных организаций.

Аналогичные зависимости могут быть построены в других сферах СНП и ПСНБ, используемых для оценки состояния национальной безопасности Российской Федерации. Полученное «семейство» характеристик будет служить действенным инструментом для анализа и при поддержке принятия решений с использованием адаптивного подхода при выработке стратегий обеспечения национальной и международной безопасности.

Предложенная логика согласования интересов заложена в основу модели обеспечения международной безопасности и ее использования для защиты национальных интересов России. При реализации этой логики важно найти способ наилучшим образом согласовать действия России с реальными про-

цессами в сфере международной безопасности — содействуя выгодным нам процессам в одних случаях и противодействуя в других. При этом важно избежать фронтального противостояния с объективно развивающимися глобальными трендами, то есть теми тенденциями, возникновение и развитие которых обусловлено не интригами оппонентов и конкурирующих коалиций, а новыми объективными состояниями мировой системы, возникновением у нее новых качеств и потребностей. Опыт истории показывает, что в противном случае существует угроза чрезмерного перенапряжения страны за счет постановки заведомо нереализуемых, не обеспеченных имеющимися ресурсами внешнеполитических задач, что ведет к подрыву международных позиций государства и его ослаблению.

Эффективному решению этой задачи способствует комплексная интегральная модель обеспечения международной безопасности России, которая решает две группы вопросов: создание инструмента для поддержки управленческих решений по обеспечению международной безопасности и выбор оптимальных путей взаимодействия с организациями обеспечения международной безопасности для защиты национальных интересов России.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УГРОЗЫ ДЛЯ ЕАЭС В СРЕДНЕСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В среднесрочной перспективе (5–7 лет) существует целый ряд угроз для успешного функционирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС), например, сценарий «статус-кво», т.е. опасность сохранения инерционной постсоветской экономической модели с упором на экспорт сырья и энергоносителей [1]. Однако, среди них я хотел бы выделить три главных внешнеполитических и внешнеэкономических угрозы:

1. Продвижение НАТО на восток
2. Окружение ЕАЭС европейскими зонами свободной торговли
3. Опасность возникновения биполярной мировой системы

1. Продвижение НАТО на восток

Первой внешней угрозой здоровому развитию ЕАЭС является продвижение наступательных вооружений Североатлантического альянса на восток и его приближение вплотную к центральным районам европейской, т.е. экономически наиболее развитой, части Российской Федерации. Причем, не только с северной (Норвегия, страны Балтии, в скором, возможно, Финляндия), и с южной (Грузия) сторон, но также теперь из центра (присутствие Вооруженных сил США на Украине).

В лице НАТО, западные наступательные вооружения в 2014 году в третий раз за 100 лет снова приблизились вплотную к «границе Фридмана» [2] — условной линии от Санкт-Петербурга до Ростова-на-Дону. Геостратегическую важность этой линии в 2015 году впервые описал известный американский разведчик Джордж Фридман. Чем западнее находятся реальные границы Российской Федерации от этой линии, тем лучше для нее, т.к. это дает ей и государствам-членам ЕАЭС два геополитических преимущества: Во-первых, *стратегическую глубину* для отступления и изнурения потенциального врага в случае вторжения с запада. Во-вторых, *стратегический выход к западным морям Северной Евразии* (к Черному, Балтийскому и Баренцеву морям). Это означает облегченный доступ к мировой торговле (Морской транспорт значительно дешевле сухопутного. 90% международной торговли перевозится морским путем [3]).

Европейская часть России представляет только 1/4 территории Российской Федерации, но здесь проживают 78% российского населения и сосредоточен основной научно-технический, промышленный и аграрный потенциал страны. Приближение к «границе Фридмана» позволяет Соединенным Штатам

там Америки и ее союзникам по НАТО мгновенно вторгнуться и ударить по экономическому сердцу России и Евразийского союза. В 20-м веке западные вооружения перешли эту линию дважды — в 1917–1918 и в 1941–42 годах.

Карта 1. Плотность населения СССР в 1989 г.¹

Источник: Friedman G. Mapping Russia's Strategy. 25.01.2016. Режим доступа: <http://www.mauldineconomics.com/>.

Для выхода из сложившейся критической ситуации Евразийскому экономическому союзу следует работать по трем направлениям: Во-первых, там, где это возможно содействовать созданию буферных зон к западу от «границы Фридмана». Под буферными зонами я конечно не имею ввиду оккупацию, а содействие, путем мягкой силы и общественной дипломатии, становлению новой политической элиты в странах Балтии и Восточной Европы, которая вела бы, либо континенталистскую, либо нейтральную внешнюю политику.

Во-вторых, продвижение среди нынешней и будущей элиты ЕС концепции общего экономического, правового, гуманитарного и военно-политического пространства «от Лиссабона до Владивостока». В отличие от своих много-

¹ Красным цветом указана «граница Фридмана».

уважаемых коллег из Валдайского клуба и РСМД, я не считаю реализацию «Большой Европы» — континентального альянса Европы и Евразийского экономического союза — невозможной в среднесрочной перспективе (до 2025 года). Повод для оптимизма в этом отношении мне дает взгляд на внутрисполитический сдвиг в Германии и Франции — экономической и политической сердцевины Европы — в пользу консервативных и во многом про-российских сил (AfD и Front National, соответственно). Стоит содействовать этим процессам путем мягкой силы и общественной дипломатии. Деятельность Центра континентального сотрудничества служит хорошим примером правильной работы в данном направлении [4].

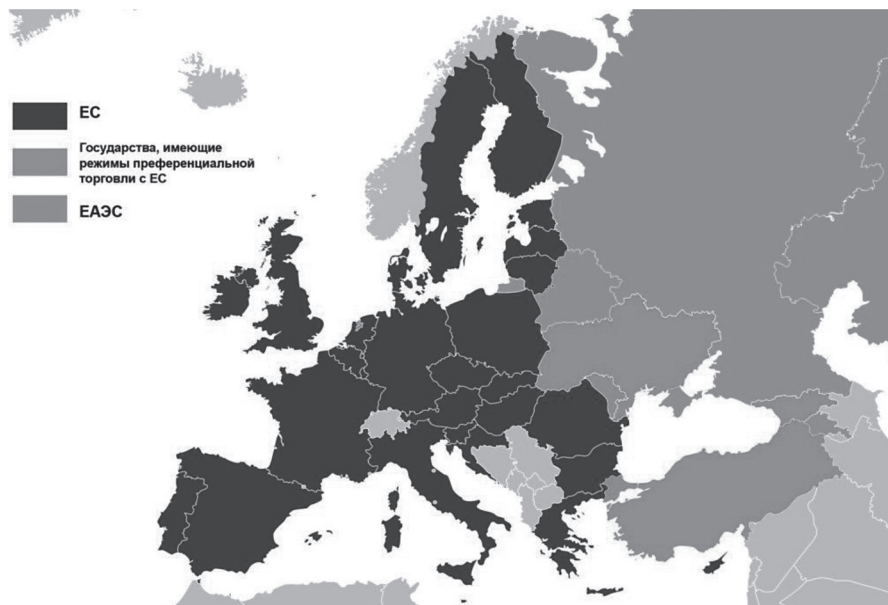
В-третьих, форсированное хозяйственное развитие Сибири и Дальнего Востока в период до 2025 года для сохранения боеспособной военно-экономической инфраструктуры в случае нападения сил НАТО с западного направления.

2. Окружение ЕАЭС европейскими зонами свободной торговли

Своим «Восточным партнерством» ЕС преследует двойную политику: с одной стороны — вовлечение бывших стран СССР западной Евразии в политическую и экономическую орбиту Европейского союза, и, одновременно с этим, максимально возможное отторжение этих государств от России. С другой стороны — подготовку почвы для создания зон преференциальной торговли с этими государствами. С 1 сентября 2014 года вступили в силу соглашения об ассоциированном членстве Молдовы и Грузии в Евросоюзе. 1 января 2016 года вступила в силу экономическая часть Соглашения об ассоциированном членстве Украины в ЕС. Также стоит отметить, что ряд соглашений о свободной торговле в области угля и стали, сельскохозяйственных и промышленных товаров подписаны между ЕС и Турцией. [5]

Окружение Евразийского экономического союза сетью подобных зон преференциальной торговли с запада и юга существенно ограничивает возможности расширения евразийского объединения на данные направления. Вступление Молдовы, Грузии, Украины и Турции в ЕАЭС, или просто подписание соглашений о ЗСТ с ними, до тех пор невозможно, пока они не выйдут из аналогичных торговых ассоциаций с Европой, или, пока не найдутся какие-нибудь другие компромиссы (например, взаимные уступки в других секторах экономики в рамках «мега-сделки» между ЕС и ЕАЭС [6]). Озабоченность также вызывают планы брюссельских коллег по подписанию соглашений о зонах преференциальной торговли с Азербайджаном и рядом стран Центральной Азии.

Карта 2. Окружение ЕАЭС европейскими зонами свободной торговли (страны б. СССР и Турция; 2016)

Автор: Кофнер Ю.Ю.

Единственным эффективным ответом на европейскую торговую экспансию может стать только экономическое укрепление самого Евразийского экономического союза и последовательное развитие интеграции внутри объединения. Кроме запланированного создания общих рынков лекарственных средств (запущенного в 2016), электроэнергии (2019), нефти и газа (2025) [7], необходимо обратить больше внимания на снижение нетарифных барьеров и на реализацию согласованной промышленной политики внутри ЕАЭС для повышения добавленной стоимости евразийских товаров и услуг.

3. Опасность новой биполярной мировой системы

В начале 21-го века постсоветский мир все больше движется в сторону новой биполярности, где главными контрагентами станут США и Китай. Этому процессу поспособствует ряд факторов, главные из которых:

1. Агрессивная военно-политическая доктрина США и их союзников по окружению евразийского «хартленда» путем реализации «стратегии анаконды», что, при этом, приводит к сближению Москвы и Пекина [8].

2. Относительное геоэкономическое ослабление США при одновременном укреплении позиций Китая, что вынуждает Вашингтон все больше прибегнуть к политике «лидерства сзади» (*англ. lead from behind или lead from the rear*) [9].

Карта 3. Окружение России и Китая дугой нестабильности и ВС США (2015)

Источник: The Millennium Report. NATO: Seeking Russia's Destruction Since 1949. 26.12.2015¹.

Само по себе повторное становление биполярного мироустройства после первой «холодной войны» не так уж страшно, даже если более многополярная система была бы предпочтительнее. Вся проблема заключается в том, что Европейскому и Евразийскому союзам в этой новой конфигурации грозит опасность оказаться в ролях «младших партнеров»: ЕС в отношении США в рамках Трансатлантического торгово-инвестиционного партнерства (ТТИП), а ЕАЭС в отношении Китая — в рамках ШОС и Экономического пояса Шелкового пути. Так, совокупный ВВП ЕАЭС по ППС в 2014 году составлял 2,1 трлн долларов, аналогичный показатель Китая — 17,6 трлн долларов, что 3,0% и 22,5 от ВМП, соответственно [10]. На данном этапе экономический и демографический потенциал двух держав слишком асимметричен для равноправного партнерства.

Принимая агрессивную политику США как данность, Российская Федерация тем не менее сможет предпринять ряд шагов для обеспечения более сбалансированных отношений с Китаем и третьими странами на пространстве Большой Евразии. Во-первых, как уже сказано выше, не стоит отказываться от попыток реализации «Большой Европы» от Лиссабона до Владивосто-

¹ Режим доступа: <http://themillenniumreport.com/2015/12/nato-seeking-russias-destruction-since-1949/>

ка. Наличие подобного континентального альянса между ЕАЭС и ЕС, чей ВВП по ППС в 2014 году составлял 18,140 трлн долларов США (23,2% от ВМП) [11], может стать решающим аргументом в переговорах с Пекином. В условиях трансатлантической ориентированности нынешнего политического истеблишмента ЕС здесь важнейшую роль сыграет эффективная работа России по налаживанию сотрудничества с молодыми континенталистскими политическими силами, которые могут стать элитой государств-членов Евросоюза в будущем.

Экспертное сообщество государств-членов ЕАЭС неприкрыто восхищается проектом Экономического пояса Шелкового пути. Безусловно, сопряжение нашего Союза с ЭПШП представляет огромный интерес для экономического развития транзитных стран [12]. Однако, и это второй пункт, вместо того, чтобы идти в фарватере геоэкономических инициатив других держав, Евразийскому экономическому союзу наконец-то надо самому разрабатывать и внедрять *собственные инфраструктурно-инвестиционные проекты*. Здесь важно именно то, чтобы инициатива находилась бы на стороне ЕЭК и ЕАБР, а не других акторов. Примером подобного проекта может служить «экономический пояс» транзитного коридора «Север-Юг», соединяющего Балтийское и Баренцево моря с Персидским заливом и Индийским океаном. Большой интерес для зарубежных инвесторов также могут представлять Северный Морской Путь, а также ресурсно-инфраструктурные проекты в Сибири на Дальнем Востоке.

Резюме

Главными внешнеполитическими угрозами для поэтапного развития Евразийского экономического союза в среднесрочной перспективе (до 2025) являются:

1. Продвижение вооружений Североатлантического альянса вплотную к «границе Фридмана» (Санкт-Петербург — Ростов-на-Дону);
2. Восточное партнерство ЕС и ее торговый «натиск на восток»;
3. Опасность для ЕАЭС стать младшим партнером КНР в ходе российского «Поворота на восток».

В качестве ответа на эти угрозы нашему Союзу стоило бы развивать три стратегических направления:

Во-первых, необходимо строить внешнюю политику России и государств-членов ЕАЭС на основе нового мировоззренческой установки «континентализма» и «интеграционной матрешки» приоритетов: Россия — ЕАЭС — Большая Евразия.

Во-вторых, необходимо многократно увеличить российские бюджетные ассигнации на ведение мягкой силы и общественной дипломатии в государ-

ствах Европы. Для этого, в том числе, необходимо наконец-то принять «Доктрину мягкой силы РФ».

И наконец, требуется форсированное развитие Сибири и Дальнего Востока России, включая разработку и реализацию собственных международных инвестиционно-инфраструктурных проектов со стороны ЕАЭС.

Примечания:

1. Евразийская экономическая комиссия. Долгосрочный прогноз экономического развития ЕАЭС до 2030 г. Москва. 2015 г. // Режим доступа: <http://eurasian-movement.ru/wp-content/uploads/2015/11/ЕЭК.-Прогноз-экономического-развития-ЕАЭС-до-2030.-2015.pdf>

2. Friedman G. Mapping Russia's Strategy. 25.01.2016. Режим доступа: <http://www.mauldineconomics.com/>.

3. PIASA Workshop Report. Development of Transport and Infrastructure in Eurasia. Challenges and Opportunities of Economic Integration within a Wider European and Eurasian Space. Laxenburg, 2016.

4. Center for Continental Cooperation (think-tank). Режим доступа: <http://greater-europe.org/>

5. European Commission. Arrangements list. Режим доступа: http://ec.europa.eu/taxation_customs/business/calculation-customs-duties/rules-origin/general-aspects-preferential-origin/arrangements-list_en

6. Винокуров Е.Ю. Мегасделка на фоне кризиса. Почему интеграцию Евросоюза и Евразийского экономического союза надо обсуждать уже сейчас. Журнал «Россия в глобальной экономике» № 5. Москва. 2014 г.

7. Евразийская экономическая комиссия. Отчет о результатах деятельности ЕЭК за 2012–2015 гг. Москва, 2016 г. // Режим доступа: <http://eurasian-movement.ru/wp-content/uploads/2015/11/ЕЭК.-Отчет-за-2012–2015.pdf>

8. Железняк А. Теории геополитики и евразийство. Лекция в рамках «Евразийской Школы» в Крыму. Судак. 4 сентября 2016 г. // Режим доступа: <http://eurasian-movement.ru/archives/22207>

9. Korybko A. Hybrid Wars: the Indirect Adaptive Approach to Regime Change. Moscow. 2015. // Режим доступа: <http://orientalreview.org/wp-content/uploads/2015/08/AK-Hybrid-Wars-updated.pdf>

10. CIA World Factbook. 23.05.2015. // Режим доступа: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook> // (ВВП ЕАЭС по ППС — на основе расчетов автора).

11. Там же.

12. Дискуссионный клуб «Валдай». Аналитический доклад «К Великому океану — 3. Экономический пояс Шёлкового пути и приоритеты совместного развития евразийских государств». Москва. 04.06.2015. // Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/files/11300/>

СИСТЕМА ДУГ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В ЕВРАЗИИ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ РФ

В настоящее время система дуг нестабильности представляет собой основной инструмент, с помощью которого создаются наиболее важные системные проблемы безопасности Евразии в целом и РФ в частности, а также происходит торпедирование интеграционных проектов. Система дуг нестабильности формирует геополитический «климат», который всемерно способствует проведению управляемой региональной дестабилизации неподконтрольных субъектов геополитики. Эта система охватывает территорию, расположенную между 4 океанами: Тихим, Индийским, Атлантическим и Северным Ледовитым. Она состоит из 8 действующих сегментов разной степени «готовности»: восточноевропейского, ближневосточного, восточноазиатского, североафриканского, южноазиатского, арктического, кавказского и центральноазиатского. Эти сегменты объединены в единый взаимосвязанный комплекс проецирования нестабильности внутрь «кольца», которое они в совокупности образуют. Данный геополитический феномен представляет собой экзистенциальную угрозу для нашей страны, поскольку создаёт возможность одновременного проецирования силы в направлении РФ с разных направлений, не считая т.н. нетрадиционных угроз вроде наркотрафика, терактов на воздушном транспорте и пр.

Концепция системы дуг нестабильности — наиболее корректный и точный показатель сложившегося баланса сил между основными геополитическими игроками, которые ведут «Большую игру». Использование такого аналитического инструмента как дуга нестабильности позволяет понять где и почему происходит управляемая региональная дестабилизация.

Система дуг нестабильности является надёжным аналитическим инструментом, который показывает сложившийся баланс и расстановку сил, а также распределение сфер влияния. Данный геополитический феномен вполне возможно использовать при анализе проблем региональной безопасности. Детальное рассмотрение конфигурации дуг нестабильности позволяет выдвигать обоснованные предположения о новых очагах нестабильности, которые, в ряде случаев могут быть тесно связаны друг с другом.

Так ещё в 2013 г., во время подготовки к публикации карты «Евразийская дуга нестабильности в 2013 г.»¹ было обращено внимание на зону повы-

¹ См. карту «Евразийская дуга нестабильности в 2013 г.» Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. Коллективная монография / Отв. ред. В.Н. Колотов. — СПб.: НП-Принт, 2013.

шенной геополитической турбулентности, которая образовывалась в месте пересечения двух активных сегментов дуги нестабильности. Такая ситуация стала складываться в регионе Чёрного моря по мере развития украинского, а затем и турецко-сирийского кризиса. Поскольку уровень прочности у Украины был существенно ниже, чем у Турции, то и проблемы там начались раньше. В начале 2014 г. в результате переворота пал режим Януковича, а уже летом того же года произошла попытка избавиться от президента Эрдогана в Турции, однако турецкий он смог удержаться у власти.

Уже весной и летом 2014 г. при поддержке ряда стран Запада на Украине начались активные военные действия, которые привели к значительным человеческим жертвам в том числе среди мирного населения. Осенью 2015 г. ВКС РФ начали военную операцию в Сирии, в ответ на это 29 сентября 2015 г. Госсекретарь США Джон Керри публично предупредил о том, что «Если мы не найдём вариантов объединиться для борьбы против боевиков «Исламского государства», и Россия станет сражаться с ними одна, догадайтесь, что будет? Россия станет их мишенью. Россия увидит и людей с ПЗРК, и падающие с неба самолёты»¹. 31 октября 2015 г. на летящем над Синайским полуостровом российским гражданским был организован теракт, а затем и 24 ноября 2015 г. из засады турецким F-16С над территорией Сирии был сбит российский СУ-24М, что вызвало резкое охлаждение в российско-турецких отношениях, которые были частично восстановлены только после попытки свержения президента Турции в ходе неудавшегося военного переворота 15 июля 2016 г. В фазе наибольшей заморозки российско-турецких отношений 2–5 апреля 2016 г. с новой силой вспыхнул короткий, но ожесточённый конфликт в Карабахе, который удалось прекратить только при активной роли российской дипломатии.

Несмотря на попытки российской стороны уйти от острой фазы кризиса на Украине и изменить баланс сил в свою пользу в Сирии, хорошо видно, что активность Москвы на данных направлениях пытаются нивелировать, разжигая конфликты на Кавказе и в Средней Азии, которые приходится купировать практически в пожарном порядке. Все эти события разворачивались на фоне ведущейся практически глобально информационной войны и активных военных действий в Сирии, в которые прямо или косвенно с помощью ЧВК и «уполномоченных» террористических группировок втянуто несколько влиятельных региональных и внерегиональных стран.

Очевидно, что до тех пор, пока сохраняется такая геополитическая конфигурация в виде пересечения двух активных (восточноевропейского и

¹ Керри заявил, что Россия «может увидеть в Сирии свои падающие самолёты». URL: <https://topwar.ru/83419-kerri-zayavil-chto-rossiya-mozhet-uidet-v-sirii-svoi-padayushchie-samolety.html> (дата обращения: 20.09.2016).

ближневосточного) и двух готовящихся (кавказского и среднеазиатского) сегментов евразийской дуги нестабильности, которые в апреле (Карабах) и июне (попытка организации вооружённых беспорядков в Казахстане) уже пытались активировать, нет существенных оснований рассчитывать на скорую и долгую стабилизацию ситуации.

В зону действия обозначенной выше системы дуг нестабильности попадает и РФ, однако, несмотря на наличие серьёзных угроз, наша страна пока не имеет эффективной системы защиты от её комплексного деструктивного воздействия, которое включает целый набор угроз от информационных и идеологических до террористических и наркотических.

В странах, которые попадают под жёсткое воздействие дуг нестабильности, происходят перевороты, а ведущие политики под жёстким давлением извне начинают менять маски, начиная метаться в поисках выбора той или иной стороны. Мы ещё не раз увидим смену масок у многих видных политических фигур вдоль активных участков евразийской системы дуг нестабильности.

Помимо разрыхления региональных подсистем безопасности описанная выше система дуг одновременно торпедирует собственно евразийские интеграционные и инфраструктурные проекты (ШОС, ОДКБ, ЕАЭС, Один пояс — Один путь), при создании которых этот фактор, видимо, не был принят во внимание на должном уровне.

Выступая на пленарной сессии Восточного экономического форума 3 сентября 2016 г., президент РФ В.В. Путин заявил, что РФ поддерживает «инициативу компаний России, Японии, Республики Корея и Китая по созданию энергетического суперкольца, которое свяжет наши страны»¹. В целом нужная странам СВА идея «энергетического суперкольца» угрожает «растопить» «вмёрзший» в архитектуру безопасности региона со времён «Холодной войны» восточноазиатский сегмент дуги нестабильности, который словно «плетью» рассекает этот проект красной линией, протянувшейся от Курильских островов, через разделённую Корею и уходящую к Тайваньскому проливу и далее в Южно-Китайское море. Не сложно предположить, что этому проекту, если дело дойдёт до его реализации, будет оказано не менее серьёзное противодействие, чем энергетическим проектам России в Европе или на Ближнем Востоке, которые по большому счёту и стали основной причиной дестабилизации как Украины, так и Сирии. Различные сегменты системы дуг нестабильности пересекают ключевые регионы Евразии именно для того, чтобы в случае необходимости торпедировать их интеграционные проекты.

¹ Выступление В.В. Путина. Восточный экономический форум. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52808> (дата обращения: 20.09.2016).

Геополитические риски такого рода должны обязательно учитываться при планировании жизненно важных энергетических и инфраструктурных программ. Однако бизнес в РФ как правило не учитывает геополитические угрозы при планировании своих проектов.

Создание угроз чужими руками при использовании с различных направлений в изобилии появившихся после «цветных революций» пешек на евразийской шахматной доске будет препятствовать концентрации усилий на приоритетных проектах по обеспечению национальной безопасности и распылению скромных ресурсов, что, очевидно, должно оказывать влияние на эффективность противодействия существующим угрозам. Как показывает практика, в наши дни в этой игре нет никаких правил и не стоит рассчитывать на подписание юридически обязывающих документов, поскольку стратегические операции в области безопасности за гранью международного права зачастую проводятся чужими руками.

Известно, что РФ выступает за «равную неделимую безопасность для всех». На 70-й сессии ООН В.В. Путин отметил, что «речь должна идти о формировании пространства равной и неделимой безопасности, безопасности не для избранных, а для всех»¹. В Евразии нет формального механизма обеспечения безопасности, но есть неформальный — система дуг нестабильности. Принцип его действия таков: обеспечение безопасности одних за счёт уязвимости других. При этом, чем больше уязвимы одни, тем в большей безопасности другие. С одной стороны, это порождает дефицит доверия и гонку вооружений, а с другой стороны, это объясняет почему, несмотря на высокий совокупный размер ВВП, у стран Евразии нет совокупного адекватного политического влияния на глобальном уровне. А когда региональные альянсы в области безопасности управляются извне, то внешние игроки получают свободу рук в использовании стран региона в качестве пешек в своих геополитических проектах и не учитывают их жизненно важные интересы.

Организация работы по системному парированию угроз нового типа возможна только после чёткого и детального определения их основных параметров в нормативных документах. Рассмотрению отдельных аспектов системы вызовов безопасности РФ, которую мы в целом называем системой дуг нестабильности, посвящено несколько параграфов (12, 13, 17, 18, 21) «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683)»². В этом нормативном документе в частности совершенно справедливо отмечено, что угрозы национальной

¹ Выступление В.В. Путина. Мир без разделительных линий. URL: <https://rg.ru/2015/10/27/putin-rech.html> (дата обращения: 20.09.2016).

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 20.09.2016).

безопасности России носят «комплексный взаимосвязанный характер»¹. Вот несколько характерных цитат. В пункте 13 указано, что «Процесс формирования новой полицентричной модели мироустройства сопровождается ростом глобальной и региональной нестабильности»². В том же параграфе прописано, что «в борьбе за влияние на международной арене задействован весь спектр политических, финансово-экономических и информационных инструментов. Все активнее используется потенциал специальных служб»³.

В пункте 14 подчеркнуты двойные стандарты, которые господствуют в Евразии в области безопасности. «В Евро-атлантическом, Евразийском и Азиатско-Тихоокеанском регионах не соблюдаются принципы равной и неделимой безопасности. В соседних с Россией регионах развиваются процессы милитаризации и гонки вооружений»⁴.

В пункте 15 отмечено изменение баланса сил вдоль наших границ: «Наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и наделение её глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, активизация военной деятельности стран блока, дальнейшее расширение альянса, приближение его военной инфраструктуры к российским границам создают угрозу национальной безопасности»⁵.

В пункте 17 затронуты вопросы торпедирования неподконтрольных Западу интеграционных процессов: «Позиция Запада, направленная на противодействие интеграционным процессам и создание очагов напряжённости в Евразийском регионе, оказывает негативное влияние на реализацию российских национальных интересов»⁶. Здесь же обращено внимание на создание «долгосрочных очагов нестабильности» в непосредственной близости у границ России и соседних с ней государств.

Пункт 18 посвящён организации государственных переворотов в политически ослабленных странах: «Практика свержения легитимных политических режимов, провоцирования внутригосударственных нестабильности и конфликтов получает все более широкое распространение»⁷.

В пункте 21 раскрываются механизмы мощного информационно-психологического и информационно-технологического воздействия на население «спорных» стратегически важных регионов: «Все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся проти-

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

воборство в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путём манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории»¹.

Пункт 22 посвящён описанию криминальной деятельности, осуществляемой вдоль дестабилизированных регионов: «Обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности»².

В стратегии Национальной безопасности РФ в целом, конечно, правильно прописаны основные параметры угроз национальной безопасности, дан многосторонний анализ, но не видно синтеза. Представляется аналитически продуктивным сложить разные части окружающей нас мозаики и увидеть общую картину — систему дуг нестабильности. Настала пора назвать основную угрозу и сконцентрировать усилия не только против разрозненных последствий деструктивной деятельности её отдельных структурных элементов, но и нанести удар по той системе, которая их порождает.

На нормативном уровне вполне адекватно прописаны лишь угрозы, порождённые системой дуг нестабильности, но не сама система, которая их в значительной части генерирует. Однако, если главная угроза не прописана на нормативном уровне, то и работы по её парированию не ведутся. Поэтому угрозы занимают нас больше, чем мы угрозами, а должно быть наоборот. Противодействие угрозам, как правило, начинается только тогда, когда они уже созрели для нанесения открытого и мощного удара, а не когда их можно быстро и эффективно парировать. Существующая нормативная база не позволяет «улавливать» их формирование в скрытой фазе. Для этого должна вестись эффективная аналитическая работа, в том числе и прогнозирование как уже существующих, так и пока только формирующихся угроз. Пока что у РФ нет надёжной защиты от системы дуг нестабильности.

Комплексное противодействие системе дуг нестабильности — важнейшая задача, которую лучше решать, используя не только свои ресурсы, но и возможности других стран Евразии, которые имеют схожие с нами национальные интересы. На системный вызов должен быть системный ответ.

¹ Там же.

² Там же.

Литература

1. Выступление В.В. Путина. Восточный экономический форум. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52808> (дата обращения: 20.09.2016).
2. Выступление В.В. Путина. Мир без разделительных линий. URL: <https://rg.ru/2015/10/27/putin-rech.html> (дата обращения: 20.09.2016).
3. Карта: «Евразийская дуга нестабильности в 2013 г.» Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. Коллективная монография / отв. ред. В.Н. Колотов. — СПб.: НП-Принт, 2013.
4. Керри заявил, что Россия «может увидеть в Сирии свои падающие самолёты». URL: <https://topwar.ru/83419-kerri-zayavil-cto-rossiya-mozhet-uvidet-v-sirii-svoi-padayushchie-samolety.html> (дата обращения: 20.09.2016).
5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/424> (дата обращения: 20.09.2016).

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА ПРОТИВ ЕАЭС НА ПРИМЕРЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОГО КАВКАЗА

В настоящий момент евразийская интеграция развивается в рамках двух основных форматов — коалиции по обеспечению коллективной безопасности (ОДКБ) и экономического союза (ЕАЭС). В этой связи на постсоветском публичном пространстве оба эти проекта получают разнообразные часто полярные оценки. Источником «проевразийского» тренда является стремление стран-участниц обоих упомянутых выше объединений продвигать свой опыт, «антиевразийство» — во многом подпитывается вмешательством ряда стран Запада, включая США.

Госсекретарь США Хилари Клинтон, в частности, публично заявляла, что Соединенные Штаты воспринимают ЕАЭС в качестве враждебного проекта и угрозы «ресоветизации» постсоветского пространства — и намерены ему противодействовать¹. В рамках решения этой задачи ряд западных государств использует механизмы т.н. «мягкой силы» (soft power), направленные на укрепление собственного политического влияния с использованием информационного пространства.

На основе наблюдений, касающихся стран Центральной Азии и Южного Кавказа, автор смог выделить следующие основные механизмы реализации западной «мягкой силы» в рамках противодействия развитию «евразийского проекта»:

1. Экспертная работа НКО путем подготовки информационных и аналитических материалов желаемой направленности с последующей ретрансляцией через СМИ, экспертное и политическое сообщество.
2. Подготовка экспертных и управленческих кадров с включением в образовательную программу тех или иных идеологических элементов, включая условно «прозападные» и антиевразийские.
3. Гуманитарная деятельность — осуществление локальных гуманитарных программ, направленных на те, или иные группы населения, что ведет к фактической «покупке лояльности».
4. Прямое участие в политике через упомянутую систему НКО, а равно путем прямого финансирования СМИ и политических партий.

Автор не подразумевает каких-либо эмоциональных оценок подобного рода деятельности, пока она не вступает в прямое противоречие с национальным правом. С моральной точки зрения подобная работа может иметь

¹ Clinton Calls Eurasian Integration An Effort To 'Re-Sovietize' // Radio Liberty, December 7, 2012.

и косвенные позитивные последствия, и принимать уродливые формы, подобные наблюдавшимся на Украине в период поддержки западными НКО т.н. «Евромайдана». В рамках настоящего материала мы лишь даем краткое представление об использовании перечисленных выше механизмов в рамках противодействия ЕАЭС в государствах Центральной Азии и Южного Кавказа.

Влияние НКО в данных регионах достаточно велико, что определяется экономическими причинами. Государства, имеющие дефицитный внешнеторговый баланс, зависимы от любых источников иностранной валюты, включая гранты, предоставляемые некоммерческим организациям и СМИ. В этих условиях зачастую сотрудники указанных организаций оказываются обеспечены лучше, чем во многих других отраслях, включая государственный аппарат и академические учреждения. Это приводит к концентрации в «некоммерческом» секторе наиболее квалифицированных и работоспособных кадров, в особенности молодежи с формирующимися взглядами и ценностными установками.

Кроме того, в некоторых случаях в условиях дефицита региональных бюджетов, НКО могут брать на себя некоторые социальные функции государства, поддерживая местные учебные заведения, программы развития сельского хозяйства, инфраструктуры. Подобное положение дел характерно, например, для региона Самцхе-Джавахети (Грузия), местностей компактного проживания этнических узбеков на юге Кыргызстана, а также некоторых районов Армении.

Указанные особенности резко увеличивают влияние НКО на работу государственных и политических институтов. В ходе избирательной кампании 2016 года в Грузии некоммерческие организации зачастую выступали с инициативами, касающимися доступа тех или иных партий к электропальному процессу, юридических новаций и т.п. В Кыргызстане в период пограничного конфликта с Узбекистаном, по свидетельствам очевидцев, отмечались случаи прямого вмешательства сотрудников НКО в работу силовиков, от которых они требовали отчета о текущей работе и пытались давать указания.

В большинстве случаев, тем не менее, НКО не создают напрямую политических партий и движений, хотя зачастую многие их сотрудники по рекомендации или добровольно концентрируются в тех или иных прозападных организациях, а также поддерживают политический протест, если у власти находятся сторонники евразийского вектора интеграции. Наиболее масштабной инициативой такого рода можно считать кыргызстанское движение «Кыргызстан против Таможенного Союза», в котором активно участвуют представители некоммерческого сектора республики.

Экспертные каналы влияния используются в информационной войне вокруг ЕАЭС даже более активно, чем политические. Как упоминалось выше, в ряде стран происходит концентрация экспертного ресурса в рядах НКО, что позволяет представителям сектора активно формировать идейно-информационную повестку путем выступлений перед СМИ и разработки рекомендаций для органов власти, экспертный ресурс которой часто ослаблен.

Аналитический потенциал НКО в рамках политики стран-спонсоров имеет двойное назначение. С одной стороны — он позволяет вести постоянный мониторинг ситуации в стране пребывания, включая сбор с помощью подконтрольных организаций квазиразведывательной информации, с другой — не только фиксировать политико-экономическую реальность, но и влиять на нее.

С помощью экспертного ресурса прозападные НКО могут генерировать негативные оценки «евразийского проекта» от различных научных и квазинаучных докладов, до выступлений перед прессой в экспертном качестве и генерирования простого контента для широкой аудитории лозунгов, демотиваторов, издевательских шуток, которые затем успешно могут тиражироваться в рамках социальных сетей и интернет-СМИ.

Зачастую концентрация в НКО экспертного ресурса ведет к тому, что НКО получают доступ и к непубличным процессам принятия решений, так как государственные институты вынуждены консультироваться с ними. Это позволяет отдельным представителям НКО внедрять «антиевразийские» идеи и на уровне закрытых консультаций среди политической элиты.

Несмотря на объективные различия информационная политика, направленная против ЕАЭС, имеет общие моменты во всех странах изучаемых регионов:

- Критика политической системы России и утверждение, что сотрудничество с РФ приведет каким-то образом к потере демократии в странах Союза;
- Общие негативные характеристики экономики России, преимущественно путем ретрансляции критических материалов российских оппозиционных СМИ;
- Мифологема о «неизбежном» росте цен на западную продукцию или полное исчезновение ее из продажи после вступления в ЕАЭС;
- Дискредитация работы российских учреждений и компаний в стране пребывания;
- Националистическая агитация, апелляция к реальным или мнимым историческим обидам со стороны России.

Следует подчеркнуть, что в некоторых случаях НКО даже при западной поддержке могут давать объективную оценку работе ЕАЭС, анализируя и позитивную, и негативную фактуру, однако наличие общего идеологического уклона в «НКО-экспертизе» — наиболее характерно.

Особую роль в непубличной или малопубличной работе НКО играет образование. По опыту Украины, хорошо известны краткие курсы подготовки политических активистов, где прозападной молодежи давались навыки агитационной и политической деятельности. Однако наравне с подобными «тактическими» схемами широко используется «стратегическое» обучение молодежи, создание постоянно действующих учебных заведений. В настоящий момент в этой нише на территории СНГ работают преимущественно США, Турция и в какой-то мере Китай. Последний создал сеть представительств Института Конфуция при многих постсоветских вузах, однако эти учреждения в большей степени ориентированы на популяризацию языка и культуры, а не прямое распространение политических идей.

В большей степени идейно-политический компонент характерен для средних образовательных учреждений «гюленистов» в тюркских странах, а также вузах, спонсируемых США. Наиболее успешным примером последних можно считать Американский Университет Центральной Азии (Бишкек), в открытии новых корпусов которого участвовал лично госсекретарь США Дж. Керри при визите в Кыргызстан¹. Данный вуз не только является основой «мягкой силы» США в республике, но и предназначен для работы с молодежью других стран региона, где политические режимы менее либеральны и сочетание политической и образовательной деятельности может стать проблемой. Предполагается, что в долгосрочной перспективе образовательные организации должны дать поколение кадров, симпатизирующих стране-спонсору, которые придут в бизнес и политику и изменят курс страны на более «прозападный».

Теоретически аналогичные механизмы «мягкой силы» России и других стран ЕАЭС также присутствуют на постсоветском пространстве, однако они количественно и качественно уступают институтам стран Запада. В частности, в Армении, по оценкам местных экспертов, функционирует 5–10 российских НКО и более 200, поддерживаемых США и странами Западной Европы².

Слабость российской мягкой силы обусловлена комплексом субъективных и объективных проблем. Прежде всего, российский сектор поддержки иностранных НКО сравнительно молод, так как начал функционировать в

¹ Госсекретарь посетил гала-открытие нового кампуса АУЦА в рамках поездки по Центральной Азии // Сайт АУЦА, 28 октября 2015.

² Петросян С. Американские НПО в Армении // Кавполит, 8 октября 2014.

полной мере лишь в 2010-е гг., а советская традиция «мягкой силы» во многом утрачена, да и не всегда применима в современных условиях. Кроме того, сказывается дефицит специалистов по постсоветским государствам, так как российское страноведение преемственно советскому и в большей степени ориентировано на дальнее зарубежье. Среди экспертов-международников постсоветские страны считаются менее престижным направлением работы, что усугубляет кадровые проблемы.

Кроме того, необходимо признать наличие объективных ошибок в работе российских официальных структур, отвечающих за работу со СМИ и НКО в странах СНГ. Зачастую «мягкая сила» подменяется гуманитарной политикой поддержки тех или иных русскоязычных организаций, без учета их реального политического и информационного потенциала, которые в некоторых странах, особенно в Центральной Азии, ограничены после волн эмиграции русскоязычного населения в Россию в 1990-е гг. Не отрицая необходимость поддержки русского языка и культуры, необходимо сознавать, что работа в этой сфере далеко не всегда дает политический и информационный эффект, в ближайшей перспективе.

Кроме того, во многих постсоветских государствах наблюдается формальная и крайне слабая информационная работа российских представительств, включая посольства. Зачастую отсутствует адекватный диалог с прессой по вопросам ЕАЭС и ОДКБ, а аналогичные инициативы академических учреждений далеко не всегда адекватно и своевременно поддерживаются.

Часть этих недоработок связана опять-таки дефицитом опытных специалистов в сфере «мягкой силы», которая в настоящий момент по сути возрождается после долгого периода ограниченной активности России на международной арене. Однако это не отменяет необходимости совершенствования работы «мягкой силы» России и других стран «евразийского проекта».

В связи с этим рекомендуются следующие меры:

- Активизация изучения приемов и схем «мягкой силы» в местах подготовки специалистов-международников;
- Ревизия существующих российских проектов в сфере информационной политики и НКО с точки зрения эффективности;
- Проведение исследований по вопросу об эффективности ЕАЭС и ОДКБ с последующей популяризацией через региональные СМИ.

“ISLIAMIC STATE” IN SOUTH ASIA

The Black Flags of “Islamic State”(IS) are waving in South Asia. Also known as IDIL (Islamic State in Iraq and the Levant), the quasi-state organization presents the global terroristic threat that increases its presence in the South Asia region. The IS terrorists are famous for their brutality and cruelty to anyone who does not profess the type of Islam that they impose. In his book “The Black Flags”, Joby Warrick describes the process of formation of IS and the new form of extreme terrorism exercised by the Jordanian Abu Musab al-Zarkawi.

In addition, the author emphasises a few general moments that facilitate the formation of IS. Zarkawi’s joining the Afghan Mujahedeedns and its connection to Al-Qaeda, his pardon giving by the Jordanian authorities, the favourable environment for terrorists’ training in the prisons of the Near East where the “Foreigner” as Zarkawi calls himself, gains identity. [1, p. 67–79]. The main factor happens to be the invasion of the USA in Iraq in 2003 after attempts to connect Saddam Hussein to Al-Qaeda. [2, p. 102–124], as well as the transformation of Zarkawi into a “glitterati” [3, p. 125–126] and statements about the presence of weapons of mass destruction which happen to be non-realistic. [4, p. 132].

Another stimulus for the development of the Jihad formations is the collapse of the system of government and the lack of political resolution of the crises and conflicts. In addition to that, we need to mention the inability of the thousands of Sunni Muslims serving military services to make a living for their families [5, p. 151], which make them join different groups including IS. On the other hand, the lack of sensitivity towards the local Iraqi people isolates the American’s chance to have a cooperation and support by the ethnical leaders.

Apart from Iraq, Syria’s destabilisation and the inopportune support of the Syrian opposition against Bashar al-Assad give way to jihad formations. [6, p. 328]. Terrorism is a threat for the Western world as well, thousands of young men are going to the Near East. The terroristic threat coming from the “Arab Spring” moves to the Old Continent within its full force carrying the risk of becoming the “European Winter”. This is confirmed by the statement of the Executive Director of the UN Counter Terrorism Committee with the Security Council Jean Paul Laborde. He expresses his apprehension for the presence of 30 000 fighters from over a hundred countries who are fighting for IS.

Moreover, within the period of the holly Ramazan, 6th Juni — 5th July 2016, there have been registered 393 attacks in 16 countries.[7] Most of those attacks have been on the territory of Iraq and Syria, and one of them have been in the capital of Bangladesh — Daka where seven Islamic terrorists kept numerous hostages in

a restaurant. Twenty people have been killed, the aggressors used blank weapons and firearms.[8] IS assumed the responsibility for the assault in Kabul on 23rd July 2016 when 80 people were killed and more than 260 injured.[9]

1. Networking of the "Islamic State"

The quasi-state, fundamentalist terroristic formation "Islamic state" (IS) is being globalised, network-levelled and expands its area of action including the region of South Asia, which threatens the global security. In his report to the UN Security Council, the General Secretary Ban Ki-moon points out at the IS as an "unprecedented threat to international peace and security". He also states that the terroristic organisation is supported by 34 groups (formations) and this number is about to increase in 2016.

Furthermore, the fundamentalists from the IS attract followers in West and North Africa, the Near East, South Asia and South-East Asia. The IS is the richest terrorist organisation earning about 500 million of dollars from oil in 2015. The organisation has taken hold of 1 billion dollars from the territories under its control and it manages to spread over new territories among which we can find Uzbekistan, Pakistan, Afghanistan, Libya and Nigeria. Some of its advantages are: the skill to adapt in a changing environment and the successful incorporation of followers from all over the world. [10]

The tendency toward spreading out the actions of the IS to South Asia happens when the terrorists lose about 14% of the territories under their control in 2015. We can find information about that in the World Economic Forum's web site which adds that the compression of the quasi-state formation called "caliphate" is within 12,800 km², which means 78,000 km² under control. [11] There arises another problem related to the fight against the IS in the social network. We are living in a globalised world where the "war" for human intellect and mentality replaces the conquer of territories. Massimo Calabresi, from the online edition Time, supports the same opinion as he determines the information-communication space as a main competitive area.[12]

On the contrary, IS influence in the region of South Asia could be restricted. According to Simbal Khan — a Pakistan scientist at Woodrow, who was cited by Omar Waraich, working for the same online edition, i.e. Time, there is no place for the Islamic State in Pakistan. The article emphasizes on the decisiveness of the Pakistan authorities in their fight against the creation of bases of the IS in Pakistan in the name of the country and the existence of the human kind.[13]

A different point of view we can find in the article of the "New York Times" where the Afghan president Ashraf Ghani states his fears that Afghanistan is at a survival point. In a series of interviews, Ghani diplomatically draws the role of Pakistan in the spread out of the jihad movements and for coping the

increasing insecurity in the region. The publication also presents the opinion of the Afghan authorities' critics who blame the Government for the political separatism, ill working institutions, the actions of some military commanders and the corruption.

And while Afghanistan is blaming Pakistan for their inactivity, which is not only pressed by the USA and China to cope with the Taliban aggression, it also happens to be hard pressed by the proofs for the Mujahedeen-Sunni participation in the raise of the IS not only in South Asia. There are doubts for cooperation between Pakistan and Qatar concerning transfers of fighters from Pakistan, where they are no longer needed, to Syria and Iraq. The fears are also about the training of Chinese uyghurs in the religious schools who go back to China with a Pakistan citizenship and documents after finishing the school if they have agreed to join the Jihad.

Apart from the development of the IS in South Asia, another instrument of the destabilization policy of the Near East and Central Asia (mostly the ex-Soviet republics) comes out to be the radicalization of the neighbouring regions. [14] The information about the connection of the Pakistan authorities with the growth of the Jihad movements in South Asia and the neighbouring regions is being used as a mobilising instrument for consolidation of the population in India. This information about the participation of Pakistan in the training and recruitment of Jihadi fighters increases India's worries and fears and makes it more difficult to regulate the relations between both nuclear powers in South Asia. [15][16]

2. The Islamic State „Plague”

Terrorism is 21st century's plague. The increasing influence of the IS is also a subject of study by the Royal United Services Institute for Defence & Security Studies — RUSI. Dr. Antonio Guistozzi's analysis draws the attention to the ambitions of the IS in Afghanistan. The author points out at the presence of 7 000–8 500 IS members in Afghanistan as their number in Pakistan is about 2000–3000 people. This number includes active members and those who support the organisation. The IS is specifically interested in attracting Taliban leaders to their side. The Jihad followers from the “Islamic State” manage to do so to some extent but the competition among the various groups leads to armed conflicts. As a result, the IS bases in Helmand are destroyed where the Taliban together with the Iranian revolutionary guard Pasdaran counter IS actions. According Dr. Guistozzi, IS ambitions to increase its influence in Afghanistan and the neighbouring regions will meet the resistance of many actors and interests. Among them are: the Afghan government, Russian Federation, the Western countries lead by the USA, Iran, the local formations.

In his conclusions, the author states that the terrorist organisation "Islamic State" does not demonstrate skills of that rank. [17]

Apart from the ambitions for Afghanistan and Pakistan, there is data about the increasing influence of the IS in India. Together with the rest of the formations in the country, the IS shoot their targets using terrorist methods where more and more women and children are involved. The radicalization of the young Indian population appears to be a serious problem that threatens the internal security and the regional stability. According to RSN Singh the article published in the internet edition IDR (INDIAN DEFENCE REVIEW), the idea of the Caliphate dates back to the beginning of the 20th c. And even though, the author thinks that the more serious problem is the influence of the IS in the social network and the radicalization of the young population through it. [18]

3. Securitisation of the threat by the "Islamic State"

The threat and the problem of the raising influence of IS in South Asia is being securitised. This means quality changes are happening which the system is not able to overcome without having structural transformations. Prof. Nikolay Slatinski dates the genesis of the term *securitisation* back to 1995 by Ole Waever (a professor of International Relations at the Department of Political Science, University of Copenhagen)¹. The same assume the securitisation as a successful speech act "by which an agreement between the subjects is created within the political community for something to be treated as an existential threat for a specific valuable object and to give the right to call for urgent and emergency actions to manage the threat".

There are three components of the successful securitization: identification of existential threats, emergency actions, effects on inter-unit relations by breaking free of rules. In addition to that, Prof. Slatinski brings out the appropriate remark made by Vasil Prodanov who reminds us about the importance of the speech acts of the political persons and those who are key factors in the security. Here we find the place of the securitization manager who has the right to suspend the law in the name of the security. [19; c. 109–113]

The threat by the terrorist formation "Islamic State" is real. It is a part of the global threat of terrorism. Therefore, there are good grounds for it to be a securitised problem/threat. The magazine Foreign Policy publishes on its pages in internet the ambitions for IS influence in Libya, Egypt, Yemen, Algeria, Saudi

¹ *The Copenhagen School of Security Studies* includes academic scientists and university tutors who have given their genuine perception of the contemporary dimensions of the security as well as the securitisation issues and the social aspects of the security. Leading figures there are the professors of international relations — the American Barry Buzan, 1946), the Dane Ole Waever, 1960 and the Dutchman Jacobus "Jaap" de Wilde, 1957.

Arabia, Afghanistan, Pakistan, Nigeria and Russian Federation. Here we can add Tunisia, Bangladesh, Indonesia and Somalia.[20]

Together with its popularity it seems that the IS does not have the same success on the fighting field. Arif Rafiq shares the same opinion (<http://vizierconsulting.com/about/people/>). In its article that was published by The Diplomat he writes about the loss of strategic opportunity for adopting the local jihad networks in Afghanistan after the death of the Afghan Taliban leader Mullah Omar was announced. The author also draws to our attention the serious resistance that the IS meets in the face of the USA, the Afghan and Pakistan authorities, the Afghan Taliban, al Qaeda, the Pakistan Taliban. Yet jihadists organize a series of attacks in Nangahar and with the help of local structures they operate in the territory of Kunar, Nuristan and Zabul. In turn, the authorities in Pakistan reported diminishing in civilian victims. The arrests of those who support the IS continue.

We have already mentioned the influence of the radicalization among young people in India, which could be seen in Pakistan as well. Rafiq remarks the responsibility for several attacks by the IS in Bangladesh which, however, does not help with the recognition of the organization. The situation in India is under the control of the authorities who arrest members of the IS, and others are killed in Iraq and Syria. It turns out that the IS faces serious resistance in South Asia. The terrorist organization manages to attract over a number of supporters, but so far fails to stabilize its positions in the region. Some fears occur that the marginalisation of the IS can be used by the Afghan authorities to put pressure on Pakistan. In addition, the situation in the region remains unstable and together with the various actors' fight for influence, the fundamentalists from the IS also intervene as they could happen to be a deadly instrument in favour of one and/or other interests.

For the year 2015, 735 terrorists carried out 452 suicide attacks in 22 countries, which took the lives of 4370 people. To compare, in 2014 the attacks were 592 and they were carried out by 937 terrorists in 16 countries which killed 4400 people. This means increased death-rate in 2015. This is data published by Daria Schitrit, Einav Yogev, and Yoram Schweitzer on the page of the Institute for National Security Studies (<http://www.inss.org.il/>). The report states the reduced number of attacks in Afghanistan and Iraq, on the account of the increased attacks in Africa, mainly in Nigeria and some neighboring countries. Of all the terrorist attacks the IS is responsible for 174 suicide attacks in 2015.

Generally speaking, the attacks in South Asia have decreased, which does not minimize the negative effect of the killing of innocent people. In Afghanistan, 96 terrorists carry out 69 suicide attacks, which means a decrease of 44% from the previous year, 124 attacks. In Pakistan, 31 terrorists carry out 24 attacks in 2015, a

decrease of 33% according to the report.[21]. Another perspective is presented by the UN report on civilian victims from armed conflicts in Afghanistan — number of deaths in 2014 is 3701 and 6833 injured, compared to 2015 when the number of deaths is 3545 and the injured ones are 7457 people. For comparison, in 2009 the civilian victims are 2412 people and 3556 injured ones.[22]. For the first six months of 2016, the civilian victims in Afghanistan are 1601 people and 3565 injured people. The IS is responsible for the death and wounding of 122 people (25 deaths) in Afghanistan, adding more than 80 victims as of 23rd July 2016 when the number significantly exceeds the 13 victims of the same period in 2015. [23 p. 71–72] [24]

Mentioning all those countries, it seems that the most attractive ones to the terrorists from the “Islamic State” appear to be the countries with weak state organisation where the loss of legitimacy of the government gives way to the non-government organizations to exert power and violence. This is a failure of the government of which often marginalised and non-participating (by now) in the government actors take advantage. They are often in a revanchist state of mind, challenge the status quo, discredit the legitimate power and have claims for universality and even express their ambitions regarding the messianism and lack of alternatives to their “projects”.

At the same time, whatever development opportunities their organizations might have, the terrorist formations are being positioned on the only geopolitical map of the 21st century, where the rules of the more powerful one are followed. We, the Europeans, are lucky to have (at least at that stage) the state as the main producer of the well-being called security. And without becoming the absolute, this remains a vital aim and task for the democratic societies. Whatever is said, it comes to the geopolitics where the countries still have their leading roles.

In any case, we witness a restructuring of the world order. The power political elites are in a state of crisis which draws the new geopolitical reality. In this reality, as Prof. Chukov writes about in his book “ISIS — (Non) Islamic State”, ISIL is a boomerang in the hands of the regional Sunni factors, Turkey, Jordan, the countries from the Persian Gulf, including Saudi Arabia in their fight for power over Shia arc, led by Iran, which includes the Iraq Shiite government, Syria and “Hezbollah” (radical Lebanese movement). The Islamists are beneficial to the process of legitimation of the Kurdish state as well. The professor adds that tolerating jihadists leads to unexpected conversion of the IS in a quasi structure that threatens the national security of the Sunni countries. [25, p. 276–277].

The rise of the terrorist organizations and their ability to influence global political processes is an indicator of the decline of power which can be seen,

as Moises Naim calls it, in retreat of the authoritarianism. It even comes to a collapse of power and global problems multiply on the account of the possibilities of the international community. [26, p. 301] [27, p. 324–329]. Meanwhile, the weakening power of structured hierarchies give way to the horizontal, networking organizations.

4. CONCLUSIONS

1) The terrorism is a global risk for the security. The USA successfully securitised the problem and started the so called “war” against terrorism. On the other hand, in the period 2001 to 2013, 406 496 people in America are killed from a firearm. Concerning the same period, there are 350 American victims of terrorism out of the USA border. Reporting the victims of the terroristic attacks on the territory of the USA, the number of the American victims grows up to 3 380 for the period from 2001 to 2013.[28]. It is a big difference which suggests allocation of more funds for social policy, i.e. social investment that even if not made at the expense of investment in the “war” against terrorism, should at least not exceed it;

2) The expand of the IS’s activity in South Asia takes place in countries with weak or even absent or withdrawing state system, ill-working institutions and declining regions. The social disinvestment leads to a variety of political, economic and social problems. The reasonable securitization of the risk from terrorism focuses the public attention in a certain perspective. This provokes global militarization and ignores other exigent problems of the society;

3) The processes after the decolonization and the collapse of the system of the Cold War period proved crucial even nowadays. The world is more and more chaotic and disorderly. The terrorist organization “Islamic State” is an “unprecedented threat” as per Ban Ki-moon’s words. Moreover, other non-traditional threats to global security come to the fore, such as climate changes, poverty, pandemics, disasters, accidents.

4) The threat of terrorism reflects the lack of political response to the needs of the society’s changing nature. We are living in the era of the “black swan” — the events we are not prepared for, “by” Nicholas Taleb [29] and in the society of the permanent risks “by” Ulrich Beck [30]. This is the reality of the post-modern, globalized, risky, network society where there is a clash between the hierarchical rigidity of the government and the network flexibility of the horizontal structures. The IS is a horizontally networking terrorist organization that takes the place of the withdrawing hierarchical state. The growth of the IS in South Asia will continue until the authorities in the individual countries establish stability, security and development. With a view to the actual situation in the region, at this stage it is hardly possible. Until then, from our Bulgarian, European, Euro-Atlantic,

democratic position the "black flag" will come not only from the east but through the global communication channels as well.

Acknowledgement

I would like to express my sincere gratitude to Monika Brancheva and Prolet Aleksandrova. The report would not have been possible without their help. Monika Brancheva, accurately translated the report into English. Prolet Aleksandrova facilitated the writing process with critical remarks and technical design of the report. All weaknesses and possible inaccuracies in the report are the responsibility of the author.

Bibliography

[1] Warrick, J., "The Black Flags: The Rise of ISIS" (Publishing house „Iztok — Zapad“, Sofia, 2016).

[2] There again.

[3] There again.

[4] There again.

[5] There again.

[6] There again.

[7] Jean-Paul Laborde, Executive Director of the UN Counter-Terrorism Committee Executive Directorate (CTED), briefs press on flow of foreign terrorist fighters and recent terror attacks. Top UN counter-terrorism official urges cohesive response to 'persistent' threat of terrorism, <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=54537#.V5YXzyvrZB5>, available as of 25.07.2016, 18:40 hrs.

[8] Andrew Marszal, Chris Graham. 20 hostages killed in 'Isil' attack on Dhaka restaurant popular with foreigners, <http://www.telegraph.co.uk/news/2016/07/01/gunmen-attack-restaurant-in-diplomatic-quarter-of-bangladeshi-ca/>, available as of 25.07.2016, 18:45 hrs.

[9] Steve Visser, Masoud Popalza. ISIS claims Afghanistan explosion that kills dozens, <http://edition.cnn.com/2016/07/23/asia/afghanistan-explosion/>, available as of 25.07.2016, 19:20 hrs.

[10] Report of the Secretary — General on the threat posed by ISIL (Da'esh) to international peace and security and the range of United Nations efforts in support of Member States in countering the threat, http://www.un.org/en/sc/ctc/docs/2016/N1602353_EN.pdf, available as of 25.07.2016, 19:00 hrs.

[11] Rosamond Hutt, Senior Producer, Formative Content. How much territory has ISIS lost in 2015?, <http://www.weforum.org/agenda/2015/12/how-much-territory-has-isis-lost-in-2015>, available as of 13.02.2016, 15:57 hrs.

[12] Massimo Calabresi. How ISIS is its own Enemy, <http://time.com/inside-isis-a-time-special-report/>, available as of 13.02.2016, 16:49 hrs.

[13] Omar Waraich. ISIS Faces a Crowded Landscape of Terror in Pakistan, <http://time.com/3720070/isis-pakistan-terror/>, available as of 13.02.2016, 20:23 hrs.

[14] Carlotta Gall. Pakistan's Hand in the Rise of International Jihad, <http://www.nytimes.com/2016/02/07/opinion/sunday/pakistans-hand-in-the-rise-of-international-jihad.html>, available as of 14.02.2016, 10:50 hrs.

[15] Pakistan behind rise of international Jihadi forces, says NYT (The New York Times), <http://economictimes.indiatimes.com/news/defence/pakistan-behind-rise-of-international-jihadi-forces-says-nyt/articleshow/50888313.cms>, available as of 14.02.2016, 10:59 hrs.

[16] Pakistan behind rise of international jihadi forces: NYT, <http://www.defencenews.in/article.aspx?id=2656>, available as of 14.02.2016, 11:02 hrs

[17] Dr. Antonio Giustozzi is an Associate Fellow at RUSI. The Islamic State in 'Khorasan': a nuanced view, <https://rusi.org/commentary/islamic-state-khorasan-nuanced-view>, available as of 14.02.2016, 12:13hrs

[18] RSN Singh. Islamic State in India, <http://www.indiandefencereview.com/news/islamic-state-in-india/>, available as of 14.02.2016, 13:00 hrs.

[19] Slatinski, N. The Security — Life in the Net („Voenno Izdatelstvo", Sofia, 2014).

[20] Dan De Luce, C.K. Hickey. Mapping the Spread of the ISIS Plague, <https://foreignpolicy.com/2016/02/02/mapping-the-spread-of-the-isis-plague/>, available as of 14.02.2016, 16:17 hrs.

[21] Daria Schitrit, Einav Yogev, and Yoram Schweitzer. Suicide Attacks in 2015, <http://www.inss.org.il/uploadImages/systemFiles/No.%20789%20-%20Daria,%20Einav,%20and%20Yoram%20for%20web278300049.pdf>, available as of 14.02.2016, 18:35 hrs

[22] Kate Clark. The Bloodiest Year Yet: UN reports on civilian casualties in 2015, <https://www.afghanistan-analysts.org/the-bloodiest-year-yet-un-reports-on-civilian-casualties-in-2015/>, available as of 14.02.2016, 22:24 hrs.

[23] AFGHANISTAN — MIDYEAR REPORT 2016 PROTECTION OF CIVILIANS IN ARMED CONFLICT, https://unama.unmissions.org/sites/default/files/protection_of_civilians_in_armed_conflict_midyear_report_2016_final.pdf, available as of 26.07.2016, 10:10 hrs.

[24] Afghan civilian casualties hit half-year record, with 5,166 dead or maimed — UN, <http://www.un.org/apps/news/story.asp?NewsID=54543#.V5cN3yvrZB5>, available as of 26.07.2016 г., 10:20 ч.

[25] Chukov, V. ISIS — (Non)Islamic State (Publishing House "Iztok — Zapad", Sofia 2016).

[26] Naim, M. The End of Power: From Boardrooms to Battlefields and Churches to States, Why Being In Charge Isn't What It Used to Be (Publishing House "Iztok — Zapad", Sofia 2015).

[27] There again.

[28] Julia Jones, Eve Bower. American deaths in terrorism vs. gun violence in one graph, <http://edition.cnn.com/2015/10/02/us/oregon-shooting-terrorism-gun-violence/>, available as of 14.02.2016, 19:04 hrs.

[29] Taleb, N. The Black Swan (Publishing House „Info DAR“, Sofia, 2011).

[30] Beck, U. Risk Society (Publishing House "Kritika I Humanizam", Sofia, 2013).

ТЕЗИСЫ К ДОКЛАДУ: «ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТА
В АФГАНИСТАНЕ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ
МИССИИ НАТО И БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ»

В период военной операции в Афганистане (2001–2014 гг.) стратегическое присутствие США и НАТО стало устойчивым фактором, влияющим на комплексы двусторонних и многосторонних взаимодействий в Южной и Центральной Азии, а также в сопредельных регионах. Завершение военной кампании сопровождалось переходом коалиционных сил к реализации учебно-тренировочных функций в рамках небоевой миссии «Решительная поддержка». С 2015 г. афганские силовые структуры несут полную ответственность за поддержание безопасности на всей территории ИРА.

Развитие событий в период реконфигурации иностранного присутствия свидетельствовало о том, что союзники недооценили последствия вывода войск из страны. На фоне активизации вооруженной оппозиции отчетливо проявилась слабость правительственных сил, неспособных сдерживать натиск боевиков. Участились настойчивые попытки захвата административных центров. Расширилась зона влияния радикально-исламистского движения «Талибан». Обострилась обстановка на севере Афганистана, включая районы, граничащие с Таджикистаном и Туркменистаном. Дополнительную напряженность ситуации придавало появление новых факторов, в первую очередь инфильтрация на территорию ИРА боевиков ультрарадикальной террористической организации «Исламское государство» (ИГ). Боевики ИГ декларируют цель создания «вилаята Хорасан» — территориального подразделения, включающего Афганистан, Пакистан и страны Центральной Азии.

Динамика развития афганского конфликта обусловила необходимость корректировки параметров дальнейшего иностранного присутствия (численности контингентов, мест дислокации, функций военных). Вопреки первоначальному плану, США и НАТО были вынуждены продолжить участие в боевых операциях (в ограниченном объеме). При этом основное бремя несут американские военные, в первую очередь подразделения специального назначения.

Ввиду деградации ситуации в Афганистане, перед российской дипломатией стоит задача наращивать усилия по противодействию угрозам, исходящим из ИРА, на двусторонней и многосторонней основе. Изменение подходов США и НАТО к сотрудничеству с Россией, включая приостановление совместных проектов по Афганистану, диктует необходимость поиска новых форматов профильного взаимодействия.

ОБ АВТОРАХ

Александров Михаил Владимирович — доктор политических наук, ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО

Бартош Александр Александрович — кандидат военных наук, доцент

Виловатых Анна Вячеславовна — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра евроатлантических и оборонных исследований, Российский институт стратегических исследований

Ерол Байуклиев — докторант Национального оборонного колледжа им. Г.С. Раковского, София, Болгария

Ищенко Ростислав Владимирович — обозреватель МИА «Россия сегодня»

Каберник Виталий Владимирович — ведущий эксперт Центра военно-политических исследований МГИМО

Козин Владимир Петрович — главный советник, Российский институт стратегических исследований

Колотов Владимир Николаевич — профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории стран Дальнего Востока СПбГУ

Кофнер Юрий Юрьевич — аспирант НИУ ВШЭ по «Мировой экономике», Германия

Мендкович Никита Андреевич — глава Евразийского аналитического клуба

Новиков Ян Валентинович — генеральный директор АО «Концерн ВКО «Алмаз-Антей»

Подберезкин Алексей Иванович — доктор исторических наук, профессор, директор Центра военно-политических исследований МГИМО

Попов Игорь Михайлович — кандидат исторических наук, научный руководитель независимого экспертно-аналитического центра «Эпоха», полковник запаса

Саркисян Сергей Лаврентьевич — подполковник в отставке, старший аналитик Центра стратегического анализа «Spectrum», Армения

Сотников Владимир Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН

Стригунов Константин Сергеевич — политический аналитик, младший научный сотрудник НИИ Крымская астрофизическая обсерватория

Хамзатов Муса Магомедович — кандидат военных наук, научный сотрудник независимого экспертно-аналитического центра «Эпоха», полковник запаса

Цыганок Анатолий Дмитриевич — кандидат военных наук, профессор кафедры политологии и права МГОУ, руководитель Центра военного прогнозирования

Шапиро Наталия Игоревна — младший научный сотрудник ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова

Научное издание

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«ДОЛГОСРОЧНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ИНТЕРЕСАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИИ»

(Москва, сентябрь 2016 г.)

СБОРНИК ДОКЛАДОВ

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

В авторской редакции

Компьютерная верстка
и художественное оформление *В.С. Поляничева*

Подписано в печать 12.12.2016. Формат 60×84^{1/8}.
Усл. печ. л. 21,6. Уч.-изд. л. 9,6. Тираж экз. Заказ

Издательство «МГИМО-Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76